

Александр Воронель

Избранные статьи

АРАБСКАЯ ВЕСНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Все, кто кончал среднюю школу в России, говорят, что прочли "Войну и мир" от корки до корки. Но я хорошо помню, как мои сверстники, несмотря на единодушные комплименты взрослых художественным достоинствам толстовской прозы, пропускали десятки страниц пейзажных "описаний", следя только за фабулой. Тем с большей уверенностью я подозреваю, что и взрослые даже не коснулись последних ста страниц толстовской эпопеи, посвященных почти исключительно рассуждениям о человеческом поведении и движущих силах истории.

Перечитав эти сто невыносимо тягучих страниц в своем солидном возрасте, я уже не смог восхищаться толстовским стилем, но был безусловно поражен и покорен его интуицией ученого, намного опережавшей науку его времени. Вот, что написал Л.Толстой в "Войне и мире", предваряя на сорок лет работы классика современной социологии Макса Вебера: "Отступая от понятия о причине, математика отыскивает закон, т.е. свойства, общие всем неизвестным бесконечно малым элементам... Если история имеет предметом изучение движения народов..., а не описание эпизодов из жизни людей, она должна, отстранив понятие причин, **отыскивать законы, общие всем** равным и неразрывно связанным между собою бесконечно малым элементам свободы."

Он, таким образом, как и Макс Вебер, пытался понять общество как результат статистики многочисленных элементарных личных поступков, диктуемых индивидуальной волей. Этот подход - статистика хаотических движений атомов - сложился примерно к тому времени и в физике. Толстой ясно видел стохастическую (случайно-статистическую) природу народных движений, приводящую часто к поражающе парадоксальным результатам социальных пертурбаций, которые не предсказывает никакая логика. Конечно, неожиданное возвышение и диктатура Наполеона сразу после безграничного разгула народной стихии в Революции, а не сам поход на Россию, казался Толстому таким парадоксом.

В более поздние времена такими же парадоксами стали Февральская революция 1917 г. в России и совсем недавняя "Арабская весна".

Между двумя этими совершенно разными явлениями в совершенно разной народной среде существует непредусмотренная аналогия. И в том, и в другом случае, европо-ориентированная инициативная молодежная группа, начинавшая революцию, была совершенно не в силах контролировать (и даже рационально оценить) освобожденную в результате грандиозную народную стихию, руководившуюся в этом катаклизме своими архаически унаследованными вековыми стереотипами, а не исходными мотивами инициаторов движений.

По-видимому, глубинная подоснова этой неожиданной аналогии кроется в том глубоком культурном разрыве, который в отсталых странах существует между более или менее европеизированной элитой, в какой-то степени следующей велениям времени, и остальной массой населения, для которой историческое время не существует. Даже большевистская партия в начале XX в. (не говоря уж о либералах) вряд ли планировала последовавшие затем повальные грабежи квартир и вакханалию бессудных и бессмысленных убийств в Петербурге. Но, возможно, без этого она бы лишилась значительной части народной поддержки на своих решающих первых шагах и потеряла бы свой вдохновляющий боевой ореол. Также и без систематических изнасилований на площади Тахрир и зверского убийства Кадаффи "арабская весна", наверное, потеряла бы свой своеобразный "всенародный" характер.

Деспотические арабские режимы, как и царское правительство в России, для нужд управления своими многомиллионными народами вынуждены были за сравнительно короткое время произвести многотысячный полуобразованный класс чиновников, конторщиков, кассиров, техни-ков, программистов, телеграфистов, для которых начатки европейского

образования стали производственной необходимостью. Это образование оторвало их от народной массы, но не приблизило к европейскому благосостоянию. К тому же их престиж в традиционно сословном обществе не соответствовал их самооценке. Именно эта часть населения страдала от вопиющего неравенства и коррупции. Именно из них (если не считать и армейских офицеров) вербуются диссиденты и революционеры. Но именно они также легко отесняются от руководящей роли в разливе народной стихии после победы. Их поверхностная европейская культура отстывает перед вековыми народными привычками, не включающими духа равенства и соревновательной конкуренции.

Ленин в свое время правильно охарактеризовал российскую буржуазию как "казнокрадскую", т.е. зависящую от государственных субсидий, привилегий и налоговых льгот. Эта характеристика в не меньшей степени относится и к буржуазии, выросшей в арабских странах с авторитарными режимами. Делая один шаг вперед в борьбе с государственным деспотизмом, они тут же вынуждены сделать два шага назад, по существу, отказываясь от своих "европейских" достижений. Их жизненный опыт обходить законы бюрократического государства воспроизводит на новом уровне коррупцию, против которой они протестовали. Их фактическая неготовность к самоограничению и солидарности делает их совершенно бессильными перед сплоченным натиском фанатиков.

Одержимость тогдашних большевиков, сравнимая только с фанатизмом тогдашних черносотенцев, принесла им в свое время решающую победу посреди всеобщей растерянности, вызванной падением традиционной деспотической власти. Фанатизм исламистов, братьев-мусульман, так же дает им дисциплину, которой постоянно не хватает неорганизованной толпе протестующих дилетантов, и так же сулит им роковую для их народов победу.

Для европейского сознания на первое место в событиях "арабской весны" выступает Ислам, но на самом деле не нужно слишком углубляться в Коран, чтобы увидеть, насколько реальная ситуация не зависит от религии. Мусульманские толпы, громящие христианские церкви в Каире, так же невежественны в своем исламе, как и их невинные жертвы в своем христианстве. Их представления об евреях и Израиле тоже происходят не из Корана и так же не имеют ничего общего с фактами. На передний план выступают не культурно обусловленные религиозные отличия, а сам анти-культурный призыв - **громить!** Возглавляемые большевиками толпы громили церкви без всякого Корана, по зову сердца, не способного смириться с существованием всякой иной власти, кроме власти грубого насилия.

Толстому его научная проницательность не помогла понять и уловить ход событий в России. Говоря о "свойствах, общих всем неизвестным бесконечно малым элементам...", он склонен был приписывать всем этим "элементам свободы" свои свойства ("ведь все люди равны, разве нет?"). И в этом своем святом убеждении пребывал заодно со всей современной ему "прогрессивной" русской интеллигенцией. Его "народный" герой Платон Каратаев - порожденный его собственным воображением толстовец - так и не сыграл никакой положительной роли в российской истории. То, что получилось из российского общества в ходе революции, возникло скорее из сохранившегося в косном подсознании людей наследия Московского царства XVII в., чем из идеалов Ясной Поляны XIX-го. И уж конечно не из ленинских марксистских теорий XX-го. Так же и современный исламизм происходит не от блестящего культурного наследия арабских элит некоторых процветавших исламских государств далекого прошлого, а из многих последующих застойных веков отсталых обществ, отодвинутых историей на периферию современного мира.

Я не думаю, что Толстой заблуждался. Я думаю, что он хотел, чтобы его фантазии были правдой, во что бы то ни стало и вопреки всякой реальности. Такова психология сильного идеолога. Таково условие возникновения нового идейного течения. Этому течению, толстовству, не суждено было сыграть роли при наличных исходных данных надвигавшейся русской революции. И потому Толстой сумел стать всего лишь ее невольным "зеркалом". Воспользовался ситуацией другой, более решительный, более скептический и более адекватный вождь. Назвать его более практичным, рука не поднимается. Его марксистская теория, как и теория

Толстого, как и всякая другая теория, сыграла тут совершенно незначительную роль. Совсем не обязательно адекватно понимать мир, чтобы его "перевернуть". **Это стало одним из важных уроков российской революции.** Тем более, это становится верным для сегодняшней "арабской весны".

Говоря о статистике "бесконечно малых элементов", Толстой допускал их взаимодействие и взаимовлияние в пределах возможностей своего века. Как писал Маяковский: "Единица - вздор, единица - ноль, голос единицы тоньше писка. Кто его услышит? - Разве жена - и то, если не на базаре, а близко." Действительно, ближайшее окружение человека включает, если не исключительно его семью, то еще 5-15 человек, которых может непосредственно задеть его решительный поступок.

Однако современная технология меняет дело.

В частности, пулемет Калашникова и заряд динамита дали возможность энергичному норвежцу Андреасу Брейвику в сугубо демократической стране единолично умертвить 77 не причастных людей (подростков) с единственной целью эффектно подтвердить свою политическую позицию. Таким образом круг прямого влияния, можно даже сказать власти, человека, в наше время заметно (на порядок) расширился.

Еще больше расширилась сфера косвенного воздействия современного человека. Теперь единица, снабженная интернетом, i-phon-ом, face-book-ом может охватить гораздо более широкий круг, чем во времена Л.Толстого и вовлечь в сферу своего воздействия тысячи людей одновременно и в нескольких странах (уже на два-три порядка больше).

Можно ли при таком могуществе отдельного гражданина по-прежнему считать его "бесконечно малым элементом"? Остается ли верным представление о хаотически беспорядочном характере процессов в системе таких "элементов"?

Мы уже привыкли, что, так называемый, "свободный рынок" на наших глазах зачастую становится объектом недобросовестной манипуляции нераспознаваемых, и часто злонамеренных, лиц. Теперь под прямым ударом находится "свободный рынок" идей, мнений и сведений.

В XXI в. возможности отдельного человека неожиданно грандиозно выросли и оказались слишком велики для его, все еще ограниченного, едва ли не детского, сознания. Идеи, рассматривавшиеся выдающимися мыслителями-гуманистами XIX в., как желательные для просвещенных народов, в XXI-м веке начали массово осуществляться политиками-популистами среднего уровня для народов, едва задетых просвещением. Да и в Европе два века просвещения, как ни странно, почти не продвинули массовое сознание до уровня разветвленного мышления, оставив его незащищенным от демагогического воздействия.

Когда одинокий мыслитель, подобный Льву Толстому, требует чего-то якобы важного "для всех", ("права знать", "права решать", "равенства прав" и т.д.) он, конечно, имеет в виду прежде всего себя и свой уровень осведомленности, а не семь миллиардов остальных жителей земного шара. Однако мы живем в мире вместе и одновременно с этими миллиардами, и их непредсказуемые порывы (а также ужасающие пустоты в культуре) невозможно игнорировать. Они растворяют, ожесточают, упростируют, усредняют, огрубят и обесцветят любую исходную инициативу. Современный гражданин, овладевший интернетом, i-phon-ом, face-book-ом (но не достигший ни уровня культуры, включающей знание принципов, на которых основаны все эти устройства, ни добросовестным стремлением к общему согласию) оказался способен собраться в толпу и произвести "арабскую весну", "захват Уолл-стрита" и "палаточный протест", оставаясь никак не способным воспользоваться плодами этих движений. Плодами таких движений всегда пользуются сплоченные группы фанатиков и карьеристов. Спустя десятилетия потом трудно отличить одних от других.

Молодым темпераментным людям честолюбие подсказывает прежде всего, что "протест - это наиболее высокая и наиболее перспективная самоорганизация человечества" (*Гейдар Джемаль* - российский философ-исламист, один из идеологов "евразийского движения"). Действительно, на протест способны все и его перспективы безграничны. И одновременно

возглавить протестное возмущение тоже способны многие. Но на реальную длительную работу (даже, если это террор) способны только организации. Разработанная на Западе технология дает в руки людей мощные средства для создания организаций, но она не может дать организационных способностей людям, не одаренным такими способностями от природы. Создавать, возглавлять организации и проявлять творческую инициативу способны только редкие, волевые и дальновидные индивиды, природные лидеры. К сожалению, совсем не всегда и необязательно, благомыслящие...

Во времена Л.Толстого в российском обществе всерьез обсуждался вопрос: кто движет историю, отдельные герои или народные массы? Толстой, конечно, был за массы. И, глядя на стотысячные демонстрации на площади Тахрир, хочется с ним согласиться. Но, если вспомнить о начальных шагах этой революции, а также аналогичные революции в Тунисе, Ливии и Сирии, через сети оппозиционных кружков, собранные и объединенные интернетом, facebook-ом и т.п., можно и переменить точку зрения. В основе были смелые единичные инициаторы, вдохновлявшие толпу.

Если окажется, что современная история, в прямом противоречии с идеями Толстого, скорее зависит от личностей, на языке социологии это будет означать, что она непредсказуема, и течение событий определяется случайностью. Демократия во всех странах всегда находилась между Сциллой популистской диктатуры и Харибдой анархии. Анархия побеждает и расчищает дорогу деспотизму. Этот парадокс был хорошо известен еще древним грекам.

Манихейская позиция - представление мира в черно-белых тонах - будучи совершенно чуждой нашей цивилизации философски, оказывается единственно доступной широким массам всех вероисповеданий и потому всегда политически действенной (громить!). Попытки западных правительств вести какую-то сбалансированную глобальную политику каждый раз наталкиваются на организованное честолюбивыми интересантами сопротивление безответственных толп всех национальностей, не понимающих и не принимающих необходимости и творческой роли компромисса в жизни обществ. Оптимисты могут воспринимать это сопротивление просто как преодолимую природную инерцию всякой косной материи, сопротивляющейся принятию упорядоченной формы. Как сказал еще в XVIII в. Иммануил Кант: "Человек - кривое бревно, из которого нельзя выкроить ничего прямого".

Но не менее убедительно выглядит и противоположное: рано или поздно развивающаяся информационная и военная технология снабдит современных Геростратов достаточными средствами, чтобы окончательно задавить всякую статистику "бесконечно малых элементов свободы", т.е. всякую индивидуальную волю и достоинство, и погасить в буйстве толп все надежды глобалистов на продолжительное будущее гуманистической цивилизации.

Великолепная пятерка

Был в истории безусловный прецедент, когда революция действительно произошла под влиянием интеллектуалов и действительно первоначально "в области символического". Этот прецедент - сионистская революция. Точнее будет сказать, что эта революция, как и многие другие события истории евреев, являет нам поразительный пример доминирующего влияния сознания на бытие.

Израильский историк, проф. Бенцион Натаниягу - отец двух выдающихся сыновей Йони и Биби Натаниягу - написал (еще в 40-50-ых годах) книгу очерков об идейных основателях сионизма: Льве Пинскере, Теодоре Герцле, Максе Нордау, Израиле Зангвиле и Владимире Жаботинском. Манера, в которой написана книга Б. Натаниягу и его оценки людей и событий резко отличается от всего того, что в течение десятилетий распространялось на русском языке под названием сионистской литературы. Поэтому книга станет неким открытием для русскоязычного читателя. Все эти десятилетия ее автор находился вне допустимого израильским литературным истеблишментом консенсуса по двум коренным вопросам: о социализме и о сосуществовании с арабами.

Т.Герцль, как и его соратник М.Нордау, был очень скептического мнения о социализме и полагал, что социализм не согласуется с человеческой натурой, особенно с еврейской, "индивидуалистичной со времён Моисея до сего дня". Он также предвидел, что евреи очень скоро станут для социалистического движения "мавром, сделавшим своё дело, после завершения которого от них избавятся".

Однако, руководство мировым сионистским движением уже в первые годы своего существования попало в руки выходцев из России. Это было, конечно, естественно для демократической организации, поскольку именно в России жила и страдала основная масса евреев, жаждавшая освобождения. Но предреволюционная российско-еврейская среда была в очень сильной степени захвачена марксистским и общероссийским влиянием и произвела на свет целую серию разнообразных гибридов сионизма с социализмом и толстовством, в течение почти столетия господствовавших во всех еврейских начинаниях. Склонность к социализму и "непротивление злу" автоматически влекло за собой и марксистское пренебрежение к национальности и навязчивую, пацифистскую преданность парадоксальным лозунгам "арабо-еврейской дружбы".

Нельзя сказать, что кто-нибудь из ранних сионистов пренебрежительно относился к арабам, но они уже в достаточной степени понимали невероятную сложность проблемы сосуществования цивилизаций. Европоцентрическая марксистская теория, поставившая во главу угла экономические отношения, вообще не подразумевала никаких различий между людьми, кроме классовых. Конечно, только европейские евреи, не имевшие никакого понятия о иных культурах, могли принимать всерьез такое варварское упрощение действительности как марксизм. Евреи-выходцы из арабских стран, не понаслышке знающие мусульманскую культуру, никогда не обманывались на этот счет и в массе своей не следовали за социалистами-мироотворцами. Российские выходцы, по-видимому, внушали больше надежд израильскому истеблишменту, если перевод этих очерков на русский язык задержался на целых полвека.

Часто именно ложные идеи поддерживают людей, а иной раз и обеспечивают им победу. Если бы руководство Израиля в 1947 г. не было, в основном, просоветским, СССР не позволил бы ООН проголосовать за признание еврейского государства. Если бы политика этого государства (и предшествовавшего ему Ишува (иврит – «община») в течение долгих лет не опиралась на вдохновляющие мечты о близком мире с арабскими соседями, Израиль не смог бы вырасти в десять раз за последние 50 лет. Жесткая политическая реальность порой строится на неверных и расплывчатых иллюзиях.

Крушение социализма во всей восточной Европе, нескончаемый вандализм интифады и смерть Арафата сместили общественное мнение и приоритеты издателей таким образом, что мысли основателей сионизма перестали казаться им шокирующими. Я лично помню, сколько

сил потребовалось приложить сионистским активистам из России, чтобы заставить (да и то, только через пять лет после победы М.Бегина на выборах) израильских издателей "Библиотеки Алия" включить в свой план труды В.Жаботинского.

Все пятеро выбранных автором основателей сионизма были выдающимися писателями, преуспевшими еще до начала своей сионистской деятельности, владевшими несколькими языками и принадлежавшими к европейской культурной элите. В общепринятом словоупотреблении все пятеро были "ассимилированные евреи".

Что такое "ассимилированный еврей"? Среди кого он ассимилирован? Никто из нас не представляет себе ассимилированного еврея трактористом или шахтером. В простонародной среде евреи неизбежно выделяются. И их ассимилированными не назовешь. Зато легко представить ассимилированного еврея среди физиков, художников или журналистов. (А мне пришлось познакомиться и с евреями-уголовниками.) Одним словом, легко представить себе ассимилированного еврея членом какой-нибудь замкнутой, часто элитарной, группы. В элите и ассимилироваться легче, потому что в элите ведь от всякого можно ожидать какого-то своеобразия. В творческой элите (и, как ни странно, в преступном мире) экзотика, странности и всевозможные чудачества зачастую приветствуются, чтобы не сказать, культивируются. Даже и самая принадлежность к еврейству в элите порой рассматривается как сорт чудачества.

В конце XIX века ассимилированные евреи в Европе и в России составляли еще редкое меньшинство. Спустя сто лет в результате гитлеровского Холокоста и сталинского Всеобуча ассимилированные евреи превратились в абсолютное большинство еврейского народа, и они ассимилировались уже не в элите окружающих народов, а в тех средних социальных слоях, в которых чудачества и оригинальность не только не поощряются, но и не прощаются. Т.о. сионистский заговор кучки интеллектуалов позапрошлого века пришелся большинству евреев как раз впору.

Двое из славной пятерки (Л.Пинскер и Вл.Жаботинский) были уроженцами России и писали на русском языке. Двое других (Т.Герцль и М.Нордау) происходили из Австро-Венгерской Империи и писали по-немецки. И.Зангвил родился в Лондоне и был признанно известным английским писателем.

Еврейское национальное движение зародилось именно в России потому, что только там существовало компактное еврейское население (в конце XIX в. две трети мирового еврейства проживали в черте оседлости Российской империи). Среди народов древнего мира евреи выделялись отчетливо выраженным национальным самосознанием. Но, потеряв еще в древности свою территорию и национальный суверенитет, они, чтобы выжить как народ, должны были национальным основам своей жизни придать статус религиозной святости. "Так язык иврит, этническая замкнутость, национальные традиции и законы, а также утраченная Родина, стали осязаемыми священным нимбом религиозными ценностями".

В середине XVIII в. еврейскому национализму был нанесён суровый удар, ибо впервые перед иудаизмом встала угроза, исходящая не от какой либо иной веры, а от противника всех религий вообще: свободной мысли. Еще Б.Паскаль заметил: "Людскому разуму необходима свобода, но стоит признать это - и уже распахнуты двери для самой гнусной распущенности. - Что ж, может, ограничить свободу? - Однако, в природе разума не существует пределов: как бы закон ни пытался их поставить, разум не пожелает с ними мириться." Наука объявила войну всем привычным догмам и мистическим теориям и зачастую вместе с водой выплескивала и ребенка. Спустя двести лет Исая Берлин подытожил: "Эпоха Просвещения сыграла поистине беспримерную роль в борьбе с мракобесием, гнетом, несправедливостью и безрассудством. Но освободительные движения, вынужденные прорываться сквозь заслоны общепринятых догм и традиций, всегда заходят слишком далеко и перестают замечать добродетели, на которые они замахнулись."

Просвещение, расшатывавшее религиозные основы всех европейских народов, оставляло их, однако, в кровно-родственном окружении на их обжитой территории. Евреи, лишаясь

поддержки своей религиозной идеи и оказавшись без защиты конфессиональной общины ("кагала"), ощутили себя на краю гибели. Для сохранения своего национального лица, для самоидентификации, необходимой всякому нормальному человеку, евреям был нужен эмоционально окрашенный мотив, выраженный на европейском философском языке, способном противостоять победному натиску рационализма.

Современный израильский писатель А.Б.Иошуа настаивает, что совмещение в идентификации еврея двух различных концепций, национальной и религиозной, превращает еврейство в загадочный (с европейской точки зрения) объект, раздражающий окружающие народы своей непроницаемостью. Суть дела, однако, не в том, что это смешение раздражало европейских антисемитов (в Азии такое смешение является скорее правилом, чем исключением). Подлинная проблема состояла в том, что это смешение стало неприемлемо для самих европеизированных евреев. На фоне мощного общего взрыва национализма в Европе у евреев возникла психологическая необходимость поставить для себя философски неразрешимый вопрос, что считать нацией, и считать ли им нацией себя.

Лев Семенович (Иегуда-Лейб) Пинскер (он был одним из первых евреев в России, получивших систематическое русское образование) ответил на этот вызов своей книгой "Автоэмансипация", которая произвела эффект разорвавшейся бомбы в еврейской психологии во всем мире. Здесь уместно упомянуть, что в его пророческой книге заложены мысли, ставшие основой для разработки этой темы западными социологами на сто лет вперед. Как выразил это современный английский социолог: "Идея нации неотделима от политического сознания. Нация рождается в воображении, и, ее образ, однажды возникнув (укоренившись в сознании), приспособляется к внешним условиям, моделирует себя и преобразует." (Б.Андерсон, "Воображаемые общности. Происхождение и распространение национализма", Лондон, 1983). То есть, по крайней мере в данном случае, идея нации предшествует материальным предпосылкам ее существования, которые так упорно подсовывала нам марксистская идеология.

Субъективный подход Пинскера шел поперек всей европейской тенденции того времени, во всем искавшей (и временами находившей) объективные (материальные) причины и рациональные объяснения. Грандиозные успехи классической физики (впрочем, всего за 20-30 лет до ее краха) и дарвиновской биологии как бы уже обещали такой же триумф и псевдо-объективному экономическому детерминизму (марксизму). Действительно, популярность среди интеллигенции марксизма, отрицавшего всякое значение национальных чувств (и, вообще чувств), достигла предела, за которым слабо брезжило уже и трудное будущее отрезвление.

Пинскер переместил центр тяжести еврейского вопроса с внешнего окружения на внутреннее состояние самого народа. Он утверждал, что еврейская трагедия - следствие не только отношения к евреям окружающих народов, но, еще в большей степени, следствие отношения евреев к самим себе. Эта трагедия - плод чересчур тесной приверженности (симбиоза) евреев к другим национальным образованиям, что противоречит самостоятельности их национального существования. Решение проблемы, связано в первую очередь со степенью решимости самих евреев взять свою судьбу в собственные руки.

Вся европейская концепция эмансипации до этого основывалась на зависимости от великодушия других народов. От них евреи ожидали своих прав, и они должны были эти права даровать. Пинскер поставил проблему с головы на ноги: не эмансипация, а авто-эмансипация, т.е. еврейский народ должен получить свое избавление не от других народов, а из своих собственных рук, в результате собственной борьбы. Нация и История должны были стать столпами народной жизни в модернизованном мире.

Сохранение национальной чистоты и исторической преемственности были для Пинскера важнейшими факторами сохранения еврейского народа среди других. Утрата этих ценностей была и остается до сих пор причиной отдаления евреев от своего народа. Возможно, в этом вопросе Пинскер испытал влияние российских славянофилов, с которыми он близко познакомился за время своей учебы в Московском университете. Славянофилы всегда подчёркивали важность этих составляющих для формирования и существования нации.

Семя было брошено вовремя и последующий широкий разлив агрессивного антисемитизма в Европе не застал евреев врасплох. Евреи осознали себя нацией среди государственных наций еще за 10-15 лет до того, как их высокопоставленные европейские представители, Герцль, Нордау и Зангвил, решились предъявить Западной цивилизации справедливое требование своей доли в мировом сообществе от имени всего народа.

К замечанию А.Б.Иошуа о смешении религиозной и национальной идентификации, характерной для евреев, можно добавить и еще одно смешение, выделявшее евреев на протяжении многих столетий: во всех странах евреи воспринимаются как народ, нация, и в то же самое время как социальная группа. В разных странах - это разные социальные группы, но практически всегда сравнительно высоко (относительно большинства населения) расположенные. Это "приподнятое" социальное положение евреев с веками превратилось в часть традиции, которая сообщает евреям определенные психологические черты и также вызывает неутихающее раздражение окружающих народов.

В старой России евреи были, в основном, мещанами, а в СССР они стали служилой интеллигенцией. В современной Америке евреи - врачи и адвокаты (впрочем, дети портных и парикмахеров). В арабских странах евреи - лавочники и клерки. Это особое положение установилось еще со времен Римской империи, когда соплеменники выкупали из рабства любого еврея и не давали ему опуститься на социальное дно того времени. В какой-то степени такое положение продолжается и до сих пор во всех странах. Подобная взаимная поддержка (в которой столь часто винили евреев в России) неизбежно следует из поставленной иудаизмом религиозной задачи ("народ священников") обеспечить всякому еврею возможность следовать Завету. Такая особенность придает еврейскому народу большую восприимчивость к социальным изменениям в обществе и повышенное внимание к интеллектуальным политическим конструкциям.

Время политических конструкций наступило уже после смерти Л.Пинскера и связано с именами западных интеллектуалов Теодора Герцля, Макса Нордау и Израиля Зангвила. Даже и тем, кто всей душой принял учение Пинскера о самоосвобождении, нелегко было принять призыв Герцля к разработке и формированию отдельной еврейской политики. Нордау и Зангвил были его первыми истовыми единомышленниками.

Именно от Герцля мир впервые узнал, что такое сионизм, и принял его неизбежность (хотя в отдельных кругах теперь намечается и ревизия этого взгляда). Очень немногие даже среди евреев были действительно полными его единомышленниками. Руководство сионистской организацией он получил не за счёт убедительности своего учения, но за счёт личного обаяния и энтузиазма. Величие Герцля не в учении о создании еврейского государства как о единственном решении еврейского вопроса, а в учении о том, как добиться превращения этой идеи в реальность.

Сионизм стал интегральной частью еврейского мировоззрения во всём мире. Сегодня ясно всем, даже тем, кто находится вне его рамок, что все прочие (якобы "более практичные, реалистические") учения о возможности нормального существования евреев на чужбине обанкротились. Идея Герцля, казавшаяся вначале абсурдной иллюзией, утопия, которую Герцль "вознёс, как знамя" и провозгласил на весь мир, оказалась единственно практичной.

Пользуясь своей громкой известностью журналиста, Герцль лично развернул широкую дипломатическую деятельность, в расчете на опору в правительственных кругах всех европейских стран. Он годами создавал новую, виртуальную реальность, "государство в пути", понимая, что как только такое "государство" появится, оно автоматически вступит во взаимодействие со связанной системой всех других государственных реальностей, находясь в особых отношениях с каждой из них. Он знал: чтобы такая реальность возникла и утвердилась в действительности, чтобы для неё высвободилось место в международной системе национальных организмов, нужно добиться общего согласия наиболее важных участников системы, нужно,

чтобы идея "еврейского государства" прочно поселилась в головах политиков. Тогда неизбежным станет и превращение этой идеи в фактор международной игры сил, желательный для одних и пугающий для других. Такой фактор, позволяющий включение в тонкий баланс влияний в общественном мнении, есть единственное средство нанести на виртуальную географическую карту еврейское государство еще до его возникновения.

У Герцля были основания думать, что европейские политики примут его идею, если сочтут ее перспективной для себя. Действительно, еще Наполеон, не колеблясь, пообещал Еврейское государство коменданту турецкой крепости Акко, когда узнал о его еврейском происхождении. Вождь декабристов, российский полковник Пестель, разрабатывал проект формирования армии из русских евреев для завоевания Палестины при осуществлении планируемого захвата Россией Константинополя. Австрия, Германия, Италия, Англия и Франция лелеяли планы раздела Османской империи и прикидывали возможные резоны для своих колониальных претензий: "С беспрецедентной последовательностью, беспримерным упорством и небывалой верой в успех, со свойственной только ему находчивостью, с убедительными аргументами, которые только он мог изобрести, с обаянием, присущим только его личности, он предпринимал шаг за шагом, чтобы получить у крупных держав согласие со своей идеей "еврейского государства". Если бы не было этого согласия, если бы не внедрил Герцль в круги мировых политиков убеждение, что "еврейское государство - это общемировая необходимость", не было бы никаких оснований для надежды на осуществление национальных чаяний евреев."

Герцль предвидел неизбежный распад Турции. Ещё в декабре 1896 г. он писал: "Конец Турции - сейчас уже нельзя в этом сомневаться - критический момент для нас". Если бы он не сумел к тому времени сделать сионизм известным и общепризнанным политическим фактором, европейские державы просто игнорировали бы еврейскую проблему. Внедрив в сознание нескольких выдающихся политиков мысль, что сионизм - единственно возможное решение "еврейского вопроса" и вопроса Страны Израиля одновременно, Герцль дал им таким образом возможность придать их имперским стремлениям моральный вес и авторитет, которые наиболее дальновидные из них высоко оценили. После того как он, вместе с Нордау и Зангвиллом, сумел убедить ведущих европейских лидеров в своевременности и практичности своей идеи, оказались возможными и действия Ллойд-Джорджа в поддержку сионизма и декларация Бальфура. Герцль, в сущности, добился благоприятного решения о мандате Лиги Наций на Палестину задолго до возникновения самой этой международной организации.

Для постройки национального дома для нации, которая еще не до конца осознала себя самое, оставалось минимальное (сорок библейских лет) время, и дерзость сионистского проекта, как и "царственное мужество" (его собственное выражение) Герцля поражают воображение.

Герцль знал ещё кое-что, что никому, кроме людей с пророческим даром, не приходило в голову. Он знал, что, вопреки всем прогрессивным лозунгам наступающего XX века, новое средневековье надвигается на евреев во всех европейских странах. Это кажется невероятным, но он ясно видел, что "камень уже покатился по склону", и знал, что это предвещает: "Гибель, полную гибель!". "Будет ли это революционная экспроприация?" (как произошло позднее в России), "будет ли это реакционная конфискация?" (как произошло в Германии). "Нас изгонят? Убьют? Я предполагаю всё это и многое другое" ("Дневники", т. I). Не менее ясно провидел судьбу Европы и ближайший соратник Герцля, философ и психолог, Макс Нордау: "Нас ждут бедствия и кровопролитие, множество преступлений и актов насилия; народы озлобятся друг на друга, целые расы будут безжалостно сокрушены и перестанут существовать; на подмостках истории будут разыгрываться трагедии величественного героизма наряду с трагедиями человеческой низости; трусливые толпы без всякого сопротивления позволят выхолостить себя; целым армиям храбрых мужчин предстоит погибнуть в бою".

Для современных русских евреев именно с Жаботинского начинается сионизм. Во-первых, из-за литературного обаяния его текстов, которое на русском языке не выветрилось и сегодня. Во-вторых, потому что в мировоззрении Жаботинского нет и следа марксистских и

толстовских стереотипов, на которые за последние полвека у российских евреев выработалась стойкая аллергия. Наконец в-третьих, он имел мужество называть вещи своими именами, не боясь, что его могут заподозрить в недостатке гуманизма, во времена, когда декларативный гуманизм деспотически правил общественным мнением. Такое подозрение постоянно витало над ним, потому что еще в России во время погрома он взял на себя организацию самообороны и в дальнейшей своей деятельности всегда поддерживал проекты активного сопротивления евреев насилию.

В тотальном неприятии силовых методов скрыта основная слабость гуманистического мировоззрения. До какой степени, вообще, допустимо себя защищать? До каких пределов можно сохранять гуманность в мире непримиримой вражды?

Европейский гуманизм XIX века оказался удивительно наивным и беспомощным во всем, что касалось человеческой природы, национальной жизни и социального устройства. Противники Жаботинского часто обвиняли его в склонности к милитаризму. Волна насилия, поднявшаяся в Европе в связи с Первой мировой войной отрезвила многих, но она явилась только репетицией настоящей Катастрофы. Жаботинский предвидел, что если еврейский народ хочет выжить в мире торжествующего насилия, он сможет достигнуть этого не кротостью, а лишь упорством в сопротивлении. Происшедшая в Европе Катастрофа самым ужасным образом подтвердила это предвидение.

Жаботинский учил, что основное содержание сионизма - отучить евреев рассматривать себя глазами других народов в свете чужих глобальных интересов. Это и значило перевести их из статуса объекта в субъект истории. Естественно, что евреям в их догосударственном существовании, была присуща компромиссная, оппортунистическая позиция, соответствующая их возможностям. Эта компромиссная, объективистская позиция в значительной мере определяла постоянный легализм и гуманизм еврейского истаблишмента во всех странах. Превращаясь в субъект истории, евреи берут на себя историческую ответственность, которой они не знали прежде. И эта ответственность зачастую требует бескомпромиссных решений и беспрецедентных поступков, которые не предстояли евреям в их прошлой безгосударственной, и потому безответственной, жизни.

Жаботинский призывал евреев учиться воевать и всерьез готовиться к этому. Он перенял эстафету от Нордау, сказавшего: "Будьте сильными! Военные заслуги не являются верным знаком реальных заслуг, но в мире насилия и беспощадной борьбы за власть нужно обладать способностью сражаться, словно волк, если вы не хотите, чтобы вас сожрали, словно овцу". Это и оказалось наиболее гуманистическим ("ибо ничто человеческое нам не чуждо") призывом перед предстоящим получением государственной независимости и последовавшей серией войн.

Жаботинский - один из немногих среди основателей сионизма - осознавал до какой степени милитаризм не соответствует еврейской ментальности, и, вместе с тем, понимал, что нация не сможет существовать без признания необходимости создать боеспособную армию. Поэтому он посвятил много сил воспитанию в молодом поколении воинского духа как положительной ценности в жизни нации. Вопреки общепринятым интеллигентским предрассудкам он ясно видел, что в военном воспитании есть свои, именно ему присущие, высокие ценности, и нация накануне своего возникновения (и, еще вернее, среди сегодняшних угроз) не должна пренебрегать ими.

Завершая статью, я хочу сказать несколько слов об одном недостатке этой замечательной книги. Б.Натаниягу, к сожалению, совершенно избегает говорить о религиозном сионизме. Для автора середины XX в. (когда была написана эта книга), всей душой принадлежащего к либеральному политическому лагерю, это только естественно. Но в наше время, перед лицом невиданного расцвета фундаменталистских движений, уместно вспомнить, что религиозный сионизм возник раньше светского, происходил из более глубоких корней еврейского существования и в свое время мог бы быть назван фундаменталистским течением. Этим словом мы называем обычно безоглядную преданность исходным, "фундаментальным", принципам,

заложенным в Божественном Откровении. Такая преданность в религиозном сионизме несомненно присутствует.

В соответствии с парадоксальной природой реальности все религии содержат в себе неразрешимые противоречия. Поэтому все они в своей традиционной практике вынуждены к непризнанным, идеологически недопустимым, компромиссам. Именно поэтому различные фундаменталистские течения выигрывают благодаря схематизации Откровения в соответствии с сегодняшним уровнем постижения своих сторонников.

Религиозный сионизм провозгласил жизнь и труд в земле Израиля более фундаментальным принципом, чем все остальное и, тем самым, подчеркнул свою верность духу иудаизма в условиях, когда это противоречило общепринятой практике и букве учения о Мессии.

Религиозный сионизм в XIX в. имел, к счастью, слишком мало сторонников, чтобы всерьез отпугнуть светское общество. Иначе его фундаменталистская основа сделала бы весь сионизм, как политическое движение, неприемлемым для тех самых еврейских (и нееврейских) либеральных кругов, из которых он черпал свою основную поддержку.

Однако, религиозный сионизм имел дерзость найти внутри еврейского вероучения основания для отхода от средневековой позиции пассивного ожидания чудес. Интеллектуальное мужество этой небольшой группы обеспечило сионизму то зерно религиозного смысла, которое и сейчас сохраняет для него возможность укорениться в негуманном мире XXI века. Так что ассимилированные "кабинетные интеллектуалы", о которых рассказал нам Б.Натаниягу, не из головы выдумали свою заветную идею, а в значительной степени опирались на прочную религиозную традицию, по меньшей мере, не менее авторитетную, чем Коран. Более того, они сумели с некоторыми выдающимися представителями этой традиции найти общий язык и объединить свои усилия..

Таким образом сионизм с самого начала оказался движением, которое не полностью укладывалось в рамки своего времени. Оно сложилось как гуманистическое, эмансипационное течение во времена, когда это было актуально, но уже и тогда содержало в себе фундаменталистский элемент, сообщавший ему его неординарный характер. Именно эта неординарность дает теперь современному движению шанс удержаться в реальности, в которой, возможно, не будет места нашим привычным гуманитарным ценностям.

Гитлер, будучи припадочным визионером, неоднократно подчеркивал, что он ведет Мировую войну, собственно, не с Россией или с Америкой, а с мировым еврейством. Хотя с точки зрения большинства людей Западной цивилизации это утверждение казалось свидетельством искажения адекватной картины мира в его мозгу, именно оно, это искажение, оказалось вдохновляющей формулой, приемлемой для многих миллионов людей на земле в дни, когда все остальные его идеи уже забыты. И сейчас определенное течение в Исламе, все еще живо переживая свой многовековой конфликт с христианской культурой, пытается превратить евреев в заложников в своей борьбе из-за той фундаментальной роли, которую судьба евреев играет в обеих религиях.

Вся послевоенная история евреев и государства Израиль ясно показывает, что борьба за будущее евреев есть также и борьба за тот или иной образ всего остального мира, как и предполагали Герцль и Нордау. Потому что реальная судьба сегодняшних евреев и их государства вносит в устоявшиеся представления всех народов (христиан и мусульман, но также и традиционных евреев) такие коррективы, которые требуют готовности к пересмотру их самых фундаментальных посылок. Как бы фантастически антидемократические и антилиберальные силы во всех странах ни искажали для собственных нужд смысл и цели этого движения они, однако, правильно видят сионизм, как потенциально опасного противника. Еврейский народ приговорен к этой идеологии своей религией и судьбой, как члены царствующего дома приговорены к монархизму.

МЫ МЫСЛИМ ЛИШЬ ПОСКОЛЬКУ МЫ СУЩЕСТВУЕМ

Израильские интеллектуалы иногда с любопытством, а чаще с удивлением, порой и раздраженно, спрашивают: "Почему многие русские (израильяне) такие непримиримо правые (в политике)?" Легкий ответ напрашивается: "Ну, например, плохо воспитаны", - однако это неполный ответ, и обе стороны это знают. И сам факт, и это любопытство подтверждают, что мы, "русские", - другие, и наше отличие коренится глубже, чем в политических взглядах. Мне кажется, наше отличие коренится в нашем другом отношении к миру. Это отношение сформировалось под влиянием совершенно отличного опыта детства. Раннего опыта, в котором содержится весь человек. Или почти весь.

Поэт Вордсворт в XIX в. утверждал, что "дитя - отец человека". А Борис Пастернак, в XX-м, говорил, что "детство - это яркий пример парадокса, когда часть больше, чем целое".

Несколько лет назад в престижном журнале "Мознаим" появилось интересное эссе израильского писателя Йорама Брановского о детстве. Вот что он пишет о себе:

"Я считаю, что у меня совсем не было детства... Детство - это миф и выдумка поэтов. Они сначала открыли любовь, а потом - в тех же поисках оригинальности - детство, все для того, чтобы было им, о чем петь... Но я повторяю: не было ни леса, ни медведей... Родители мои хотели все начать сызнова. И все было с самого начала, ничего от национального или религиозного... Совсем. И так это прошло, с головокружительной скоростью... поездки в деревню, несколько детских болезней... почти ничего..."

Весь я - плод позднего чтения и путешествий, что вовсе не вела меня в страну детства, скорее - в те места, которые составили основу культуры моей, - в Грецию и Италию... Мир видится мне временами как шутка или сумасшествие, и почти всегда он видится мне, как почти несуществующий. Я... не верю, что он существует. И я связываю это с несуществованием моего детства..."

Боюсь, что это типично для сегодняшнего западного интеллектуала и захватывает многих израильян. Я рад, что пришел из глубокой провинции и ощущаю себя иначе. Может быть, это поможет мне найти в Израиле родственные души, для которых собственное детство, существование мира и наше существование в нем - еще не пустой звук. Я очень надеюсь встретить здесь тех, чье детство было продолжительным и плодотворным.

Советская власть лишила нас многих культурных достижений человечества. Мы испытали голод, холод и неволю. Многих из нас она лишила также и родителей. Но было бы несправедливо сказать, что она отняла у нас детство. Напротив, она одарила нас детством прочным и продолжительным. В сущности, мы так никогда и не изжили его до конца...

В раннем возрасте я немного заикался. Врачи рекомендовали родителям побуждать меня учить и декламировать стихи. Я декламировал со страстью:

*"Климу Ворошилову
Письмо я написал:
Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар!
В Красную Армию
В будущий год,
В Красную Армию
Брат мой идет!"*

Как хорошо был организован наш детский мир! Проникновенные эти стихи, написанные еврейским поэтом Львом Квитко, вдохновенно переведенные на русский язык поэтом-евреем С.Маршаком (и нас еще смеют упрекать в недостатке еврейского воспитания!), рисовали такую вдохновляющую картину...

Были там, конечно, присутствовали и злые силы:

*"Слышал я: фашисты
Задумали войну -*

Хотят они разграбить

Советскую страну..."

Но мы не дадим! Не выйдет! Каких бы это ни стоило жертв, даже жизни брата:

"Товарищ Ворошилов,

Когда я подрасту,

Я стану вместо брата

С винтовкой на посту!"...

Не было у меня никакого брата. Я, как и большинство моих сверстников, был единственным ребенком, родившимся в голодные годы и вскормленным искусственным молоком. Но идея нерушимой верности силам Добра пронизывала мое золотушное существо до самых печенок, и я любил моего несуществующего, самоотверженного старшего брата неземной любовью.

Если бы я знал, что мой старший брат пал, в действительности, жертвой аборта! Если бы я знал, что всего через год товарищ Ворошилов горячо пожмет руку Риббентропу! Если бы я знал, что и самого Квитко всего через десять лет расстреляют ни за что, ни про что... Мы оба, Лев Квитко и я, ничего не знали об этом и были счастливы...

Я не шучу. Я хочу сказать, что у нас было все необходимое для счастливого детства. Потому что для счастливого детства необходима только уверенность в незыблемости нашей системы координат. И она у нас была.

Наши родители тоже "хотели все начать сызнова". И все у нас тоже было "с самого начала, ничего от национального или религиозного". Но страна и режим обеспечили нас Абсолютами, и наше детство оказалось долгим и полным смысла. От пяти до десяти, когда началась Война и нас понесло в Сибирь, подальше от смерти; от десяти до пятнадцати, когда я вышел из исправительного лагеря, и меня понесло из Сибири, подальше от тюрьмы, прошли две большие, наполненные событиями жизни, каждая из которых не короче моих последующих шести десятков взрослых лет, проведенных в разных городах и странах.

В сущности, я сейчас с трудом представляю, как это я от бесконечно длинного, осмысленного периода, который обычно называется детством, добровольно перешел к тому чересчур поспешному мельканию, в ходе которого так быстро утекает моя взрослая жизнь. И как от чувства уверенности и единственно правильного выбора, которое превалировало у меня в детстве и юности, я все чаще стал переходить к бесконечным колебаниям и чувству вины, которые так отравляют нам взрослые годы.

Человек - это существо, родившееся с жаждой абсолютного. Советское воспитание, несмотря на поверхностный атеизм, эту потребность удовлетворяло. Оно внушало ребенку абсолютное сознание своей правоты, и это сознание, как потерянный Рай, навеки предносится нашему мысленному взору, давая силы верить. Опыт гармоничного мировоззрения навсегда остается идеалом, быть может и неосуществимым, по которому, однако, обречена тосковать душа взрослого.

Мы, русские выходцы, все надеемся найти и определить в реальном мире "правильную" позицию. Смешно, не правда ли? В нашей алии присутствовала и детская мысль встретить в израильтянине потерянного "старшего брата", который защитит и уладит. Который "не выдаст..."

Неизбежное с возрастом разочарование в советской (и всякой иной земной) власти несколько не могло повредить нашему здоровому идеализму, ибо ребенку с возрастом естественно стать пронизательнее и детальнее видеть реальность. В том отчасти и состоит детство...

Нам еще не исполнилось по четырнадцать лет, когда мы поняли, что власть в СССР не находится в руках рабочего класса. Такого отклонения от ленинского учения мы потерпеть не могли и должны были бороться. Нас было семеро мальчиков и одна девушка. Хотя в нас и не было "ничего от национального или религиозного", мальчики, все как один, оказались евреями и только девушка... О, русские женщины! Впрочем, случай задуматься об этом нам

представился уже только в тюрьме. Семеро - это очень много, но все же ни один не выдал. Нас поймали по результатам нашей деятельности, которая состояла в том, что мы сочиняли и разносили по городу рукописные листовки, клеймившие неравенство и несправедливость и призывавшие народ к восстанию. Восстания не произошло. КГБ стоял на страже. Во всех школах города провели графическую экспертизу, и наши почерки идентифицировали.

В тюрьме кончилось наше детство и укрепилось чувство самосохранения. Тов. Ворошилов тогда уже утратил свой ореол боевого вождя, но Л.Квитко все еще не был расстрелян. Среди других политических заключенных, которые жаловались, что они сидят ни за что, мы резко выделялись сознательным характером своего преступления. Никто из нас не захотел признать своей неправоты или хотя бы относительности коммунистического идеала справедливости.

Нашему душевному здоровью всерьез повредила бы мысль, с которой многие западные интеллигенты, по-видимому, сроднились с детства: "абсолютной правоты, истины, а быть может, и объективного мира вообще не существует". Такому взрослому, безрадостному знанию не позавидуешь. Людям, в которых такое знание прочно поселилось, приходится совершать поистине героические философские усилия, чтобы обосновать понятие верности. Хоть чему-нибудь. Ясно, что они уже не могут быть старшими братьями. Кому бы то ни было...

Конечно, нетрудно понять, что этот их поспешный релятивизм есть европейская реакция как раз на массивное идеологическое оболванивание. На тот идеологический тоталитаризм, который так широко разлился по Европе два поколения назад, произведя на свет два сходных, но враждебных друг другу чудовища: германский нацизм и советский коммунизм. Но ведь и чудовища эти родились на свет не из ничего. Они отвечали той жажде абсолютного, которой не было утоления. Они продлили детство человечества. Потому что не меньше, чем хлеба, человечество хочет счастливого детства.

В чем состоит долг взрослого? - Помочь ребенку принять сложность мира, не разрушив его уверенности в самом себе. Может ли это сделать человек, сам лишенный такой уверенности?..

Когда я украл оловянных солдатиков на именинах у сверстника, полагая, что он и так получил достаточно подарков, родители не оставили мой поступок без последствий. В горечи познал я, что в гостях следует уважать чужую собственность и сдерживать свою жадность, такую естественную при виде множества хороших вещей, собранных вместе... Но вот настал час и моего торжества: на моих именинах другой мальчик начал лихорадочно рассовывать по карманам мои игрушки. Коршуном я налетел на обидчика и впился в него изо всех своих сил, удесятеренных сознанием правоты. Ведь я уже знал, каким должно быть правильное поведение на именинах, и мной руководили, конечно, самые лучшие чувства...

Мальчишка заревел так, как будто это он поступал правильно, а я его незаслуженно обидел. Со всех сторон сбежались взрослые остановить изверга. И я сам вдруг с первобытным физиологическим ужасом почувствовал, что его тело слишком жидкое для моих железных от правоты рук...

Все же самое ужасное случилось потом. Мои родители опять приняли сторону противника! Они объявили, что поскольку мальчик был у меня в гостях, я был его хозяин, а хозяин, как известно, должен уступать гостям (а также слабым), чтобы их не обидеть. Такого предательства я от них не ожидал. Сквозь бурные рыдания прорвался мой мировоззренческий вопрос: "Если на чужих именинах я должен уступить, как гость, а на своих, как хозяин, то где, кто и когда уступит мне?"...

Я помню, что родители смутились. Они не планировали заходить так глубоко в основания этики. Скорее всего эти основания не были им вполне ясны. Ясны ли они кому-нибудь из нас? Что-то родители, конечно, говорили насчет того, что, если я сейчас уступлю Васе, то впоследствии, возможно, и Вася уступит мне. Впрочем, они, как и я, хорошо зная Васю, заранее понимали, что говорят чепуху.

Нет, на самом деле, ответа на этот вопрос. Обоснования этики не могут быть найдены рационально. Взрослый человек живет в джунглях сомнения, в пустыне свободы...

Действительно, взрослость вселяет в душу сомнения. Сознание абсолютной правоты, как и состояние невинности, редко сохраняется до зрелых лет. Но эти сомнения даны нам не для того, чтобы идти в никуда, к бессмыслице, к смерти души. Сомнения даны нам для поиска, чтобы лучше взвесить свой выбор, чтобы расширить круг возможностей.

Душа требует упорядоченности и красоты. Живая душа требует смысла. Сомнения прирождены мышлению, но они не составляют его результат. Когда мы приходим к результату, по необходимости несовершенному, возникающие у нас сомнения свидетельствуют вовсе не о бесполезности умственных усилий, а о необходимости их продолжать. Для интеллигенции - это профессиональный и одновременно гражданский долг. Если вместо созидания сомнение приводит к разрушению, интеллигент обязан сознавать, что идет не вперед, а назад. Йораму Брановскому, который разуверился в "существовании мира" нечем гордиться...

Человек отличается от скота своей жаждой абсолютного. Поэтому, когда мы разоблачаем относительность очередного абсолюта, мы делаем это не ради относительности как таковой. Мы делаем это ради другого абсолюта, высшего.

Относительность Эйнштейна не разрушила гармоничную картину мира, а создала более совершенную. Своим названием эта теория сбивает с толку только профанов. У самих физиков хватает детского оптимизма, чтобы верить, что они изучают реальный мир - и даже больше - что он "хорош", то есть гармоничен. Они мыслят, эти физики, и, следовательно, существуют. Даже такой скептик, как Сартр, называл эту максиму Декарта "абсолютной истиной познающего сознания".

Мы, русские выходцы, сохраняем детскую уверенность в своем существовании и существовании мира, просто поскольку мы в нем действуем. Действуя, мы начинаем также верить, что это наше необоснованное существование в мире - ценность. Таким образом, про нас скорее можно было бы сказать, что мы **мыслим лишь постольку, поскольку мы существуем**. Это гораздо меньше, чем Сартр признал бы за абсолютную истину, ибо логически не равносильно декартовскому утверждению. Однако пусть гордится своей утонченностью тот, кому этого недостаточно. Мы приходим не "от позднего чтения и путешествий", а от наших родителей. Мы похожи на них вопреки раннему и позднему чтению, а также путешествиям в Грецию. В нашем "русском" национализме и религиозности нет "ничего от национального или религиозного", но зато сколько угодно экзистенциализма. В нашем правом консерватизме содержится ровно 50% левого радикализма. Те же причины, которые на Западе склоняют к левизне, в России отталкивают вправо. И наша нетерпимость включает способность принять самую неожиданную радикальную точку зрения. Просто наша манера и терминология сложились в другом социальном климате, и выбор, который Израиль нам предложил, не соответствует нашему настроению. Наш экзистенциализм не философского, западного происхождения, а полудидактического, автодидактического, с русской Достоевщиной из XIX века, замешанной на возвышенных мечтах о "хрустальном здании" всеобщего согласия вперемежку с социальным цинизмом, происходящим от жизненного опыта: "Пусть даже так будет, что хрустальное здание есть пух, что по законам природы его и не полагается, и что я выдумал его только вследствие моей собственной глупости, вследствие некоторых старинных, нерациональных привычек нашего поколения... Не все ли равно, если оно существует в моих желаниях, или, лучше сказать, существует, пока существуют мои желания?.. Я не успокоюсь на компромиссе... Я не приму за венец желаний моих - капитальный дом с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет.

"Какое мне дело до того, что так невозможно устроить... Зачем же я устроен с такими желаниями? Неужели же я для того только и устроен, чтоб дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание? Неужели в этом вся цель?"

("Записки из подполья", Ф.Достоевский).

Цель, я думаю, действительно не в этом. Я думаю, цель, возможно, в том, что в Израиле открылась вакансия на замещение должности "старшего брата". Наше жестокое и трогательное русское прошлое обеспечило нас непотопляемой устойчивостью, которая при наших нынешних условиях может пригодиться. Гуляя по чужим именинам и видя, как быстро

растаскивают вокруг игрушки, которые могли бы принадлежать нам, да еще и выслушивая время от времени лекции о правильном поведении, мы с неприятным, издавна знакомым чувством ощущаем, как твердеют от правоты руки. Ну, устройте нам именины по-нашему, дайте разок ощутить себя хозяевами, а уж потом требуйте уступок в пользу Васи! Кто знает, может, как хозяину, мне и впрямь захочется уступить...

В любом случае, наш детский эгоцентризм и острое чувство подлинности существования возвращают этику на ее реальную почву: наше право жить по своему образу и произволу предшествует гуманизму, освободительным движениям и международным договорам. Напротив, наша экзистенциальная цепкость, не зависящая от политических убеждений, воля к абсолютной жизни ведут нас к гуманизму, порой толкают к сочувствию освободительным движениям и, быть может, приведут еще и к международным договорам. Может, мы еще сгодимся израильтянину на роль "старшего брата"?

P.S. "Романтический бред" - может быть, сказал бы Йорам Брановский. "Да, пожалуй. А почему бы и нет?" - отвечу я. "Но ведь все это уже не ново... да и кому это нужно?" - скажет кто-нибудь. "А я живу впервые, и это нужно мне".

Беспорядок как гарантия демократии

Выдающийся английский историк Арнольд Тойнби, мало известный в России из-за своего скептического отношения к марксизму, еще лет 50 назад писал: "Западные наука и техника, рожденные, чтобы превращать знание в силу и богатство, обладают опасной эзотеричностью. Они возникли как результат интеллектуальных усилий творческого меньшинства. Однако главный источник нестабильности, угрожающей существованию этой "соли Земли", как раз заключается в том, что большинство людей, увы, по-прежнему "пресно"... Убожество современного человека в полной мере видно на страницах желтой прессы. Стагнация масс является фундаментальной причиной кризиса, с которым сталкивается западная цивилизация... Огромные массы народа не выходят из состояния духовной спячки, подавляющее большинство представителей любой цивилизации индивидуально ничем не отличается от человека примитивного общества".

Такая шокирующая констатация ошеломляет выходца из России. Хотя, вполне соответствует жизненному опыту - и в России, и в Израиле: "Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей" (А.С. Пушкин). Мы просто не привыкли к литературному выражению такого откровенного скепсиса по отношению к простому народу. Разве что вспомнить "Собачье сердце" М.Булгакова...

Однако, в тех же цивилизациях решение большинства жизненных проблем осуществляется при участии голосования. Все эти "огромные массы" голосуют. И с ними приходится считаться.

Желтая журналистика, которую так часто винят в навязывании своих стереотипов читателям, несколько не виновата в своей примитивности. Не журналистика навязывает читателям газет свойственную им примитивность, а скорее голос толпы диктует журналистам уровень, выше которого им не следует подниматься. Ведь журналистика (желтая она или голубая - давно уж этот критерий в руках дальтоники) может выполнить свою функцию, только если она успешна. Большая мировая практика показала, что наиболее успешны у массового читателя именно испытанные приемы упрощения реальности (то, что у греков называлось демагогией). Упрощение картины мира на газетных страницах отражает, таким образом, не злонамеренный заговор журналистов, а их закономерное стремление к успеху. В частности, ко всеобщей доступности. Без такой доступности ни больших тиражей, ни, следовательно, оплаченных реклам у газеты не будет. Русская журналистика в Израиле в этом отношении иногда оказывается даже лучше западной, потому что, наперекор стихиям, сохраняет исходную российскую тенденцию "глаголом жечь сердца людей" и бывает, что жертвует доступностью текста ради пророческого вдохновения.

Здесь опять уместно процитировать Тойнби: "Даже в наиболее развитых обществах подавляющее большинство представляет собой инертную массу. Подтягивание нетворческого большинства до уровня пионеров на практике решается только благодаря мимесису (подражанию) - свойству человеческой природы, которое есть скорее результат коллективного опыта, чем вдохновения. Мимесис - это такая форма социального поведения, в которой посредственный человек опережает творческую личность..." Отсюда и происходят неизбежные преувеличения в применении всех и всяческих доктрин и концепций.

Таким образом, винить в примитивности обсуждаемых решений нам, в конце концов, придется рядового избирателя, читателя газет.

То есть, себя, что ли?

Среди сомнительных достижений ушедшего века мне видятся два момента, особенно выдающиеся по своим последствиям для всего мира:

(1) массовое участие простых людей в историческом процессе во все большем числе передовых стран и

(2) успешный опыт манипулирования их сознанием (и судьбой) небольшими сплоченными группами интеллектуалов.

Когда я называю эти достижения сомнительными, я имею в виду буквальный смысл

этого слова, а не свое ироническое отношение к обеим этим реальностям.

Если наш читатель не склонен делить мир на черное и белое, он легко поймет, что в той новой ситуации, когда "каждая кухарка способна управлять государством", преимущества демократии уже не затеяют смертельных опасностей, таящихся в ней же. Изобретение атомной бомбы, например, тоже есть величайшее достижение XX-го века. И оно тоже создало грандиозную опасность для всех...

Основа парадокса здесь та же самая: изобретали и разрабатывали это средство совсем не те люди, которым предстоит его использовать. Кухарка, возможно, и способна управлять государством, но она неспособна его создать и удержать на демократическом уровне. Сама идея всенародного участия в политике была выдвинута в свое время элитарными, либерально настроенными интеллектуальными кругами в передовых странах, где эти круги и до сих пор в значительной мере контролируют сознание и поведение широких народных масс.

В старых демократических странах массы людей, хотя и получили право участвовать в политической жизни, фактически дальше футбольных сборищ и фольклорных ансамблей не пошли. И политику практически целиком оставляли в опытных руках национальной аристократии и представителей крупного бизнеса.

Реальное (хотя и очень кратковременное) осуществление идеи народовластия не случайно произошло именно в странах без демократической традиции (Италия, Германия, Россия), где сознание и поведение масс совсем не регулируются общественным договором.

Революция в России, захватив широкие массы, разрушила исходную культурную (хотя и деспотическую) основу организации общества и позволила кучке людей с ограниченным кругозором развязать невиданный по масштабам террор, поглотивший со временем и всех его устроителей. Одновременно, монополизация СМИ и умелая макиавеллиевская пропаганда, производимая новыми, одаренными и незастенчивыми людьми, привели к невиданному прежде уровню лояльности и унификации мышления, которая соблазняла даже выдающихся поэтов. Даже утонченного сноба и индивидуалиста Бориса Пастернака:

"Иль я... урод, и счастье сотен тысяч

Не ближе мне пустого счастья ста?"

(Кого он имел в виду? Миллионы заключенных?)

Десятки падких на социальные идеалы западных "мастеров культуры" были в совершенном восторге от достигнутой в СССР общественной "гармонии".

Подобно этому, волна народного энтузиазма в Германии привела к власти Гитлера, а затем небольшая группа не устроенных в прежней жизни интеллектуалов, ошалевших от открывшихся им широких творческих возможностей, применив те же средства манипуляции - и монополизации - за считанные годы сумела превратить среднеевропейский народ в современное пугало. Сочетание террора со стратегически продуманной, вдохновляющей пропагандой преобразило немцев в идеальное орудие безумной войны, конец которой мог предсказать любой деревенский мудрец.

Однако не один выдающийся писатель в Германии, Италии и Скандинавии соблазнился этим "счастьем сотен тысяч", презревшим "пустое счастье ста" (в это малое число, к сожалению, вошли и шесть миллионов наших соплеменников!).

В обоих этих случаях народные массы, как всегда, конечно, не ведали, что творят, но дальновидные, отнюдь не примитивные, интеллектуалы (Михаил Кольцов и Илья Эренбург, например, или Йозеф Геббельс и Ленни Рифеншталь) надолго убедили их в правильности сделанного ими выбора.

Подобно тому как атомная бомба вышла из-под контроля ученых, потому что крутить ручки и нажимать кнопки умеют все, механизмы демократии даже в самых передовых странах постепенно переходят из умелых рук выдающихся адвокатов и менеджеров в общее пользование.

Демократия теоретически существует лишь до тех пор, пока в стране поддерживается произвольный баланс, то есть в конечном счете хаос мнений. Хотя бы и примитивных. Каков уровень сложности политического общества и соответствующий горизонт гражданина,

таков и диапазон обсуждаемых вариантов.

Так же и в экономике: свободный рынок успешно осуществляет необходимую хаотизацию спроса и предложения и т.о. обеспечивает правильное усреднение цен на товары и услуги.

В этой модели (но не следует забывать, что это только модель) человеческое общество - система статистическая, и чем выше уровень внутренней свободы граждан, тем, очевидно, больше разброс их стремлений. Устойчивость статистической системы, если она насмерть не заморожена (не заморочена), поддерживается не единодушием составляющих единиц, а максимальной энтропией, т.е. разногласиями.

Однако, в реальной жизни грандиозный механизм демократии все больше освобождается от индивидуального контроля людей, создававших и сознательно поддерживавших его. Прежде всего от контроля людей, чья политическая культура требует от них чего-то еще, кроме умения крутить ручки и нажимать кнопки. Например, в какой-то степени считается также и с жизненными интересами людей, не умеющих оказать непосредственное давление на политический истеблишмент. Именно здесь примитивная пресса оказывается тут как тут. Газеты и телевидение, которые постоянно ищут сенсаций, вводят в политический обиход все новые группы якобы обездоленных граждан, чтобы поразить воображение своих потребителей.

Конечно, это обычно сопровождается безбожным упрощением, а иногда и искажением, действительности. Но, в результате даже в демократическом механизме, тронутым ржавчиной коррупции, всегда найдется влиятельный честолюбец, которому покажется полезным прослыть благодетелем новой несправедливо обиженной группы...

Пока журналисты примитивны, жизнь на земле может продолжаться в тех же демократических формах. Пока в Израиле одни из них убеждают нас, к примеру, в необходимости твердо идти дорогой мира, не считаясь с потерями, а другие, наоборот, требуют, не считаясь с потерями, твердо противостоять давлению арабских соседей - все идет как надо. И те, и другие очевидным образом упрощают дело, потому что и то, и другое в разной мере вынуждены делать все правительства Израиля, если они не хотят навсегда остаться в оппозиции. Но, упрощая, журналисты дают нам шанс каждый раз взвесить наши "за" и "против" в сиюминутной ситуации, пока она неоднозначна. Вот, когда они все запоют одно и то же... Когда, например, кроме ежедневного заработка, у них еще сформируются стратегическая цель и далекие общие интересы... у нас появятся твердые основания для беспокойства.

В наше время глобальное развитие информационных технологий и тотальное господство масс-медиа заметно нарушает хаотическую структуру информационного поля. Фактически политическими предпочтениями избирателей - конечно, также и рыночными реалиями - манипулируют средства массовой информации, которые фактически сосредоточены в очень немногих руках. Если на страницу выше мне удалось подчеркнуть некую положительную роль журналистики в гуманизации общества, здесь будет уместно подчеркнуть ее исключительно успешную роль в его оболванивании. Доступ к СМИ ограничен по самой своей природе, и это всегда создает перекося в сторону самых бойких и успешных журналистов, которых условия доступа делают более или менее согласными между собой. Успех такой привилегированной группы в свою очередь создает преимущества для тех политических концепций, (а на рынке - только тех товаров), которые эти джентльмены удачи удостоивают своим вниманием. Всевластие рекламы происходит в результате бурного развития средств коммуникации, далеко опережающего наличный рост политической мудрости населения, а также набора реальных благ и удобств, предлагаемых рынком.

Манипулируемый рынок не намного отличается от монопольного, и в этом свете корни сегодняшнего мирового кризиса становятся более понятны.

Поскольку самостоятельность мышления индивидуального гражданина сильно преувеличена человеческим самомнением, перспектива демократии была бы безнадежна, если бы не природная склонность людей к образованию клик, партий, организаций, этнических групп. В каждой клике господствуют мнения ее ведущих фигур, а ведущим фигурам для сохранения своего ведущего положения необходимо уметь формулировать, в чем состоит отличие их

взглядов от идей лидеров конкурирующих клик. Т.о. в обществе, несмотря на низкую степень независимости избирателя, может сохраняться желательная разноголосица. Вместо статистики людей в развитых демократиях действует статистика групп. Демократия в большинстве стран уже давно существует не для отдельных граждан, а для действующих в их пределах сплоченных групп - клик. И права и возможности отдельного гражданина в обществе гарантированы не абсолютно, а лишь в меру влияния его группы.

В конкретной ситуации Израиля множество непроницаемых секториальных, условно этнических (этико-эстетических) перегородок создают в нашем обществе тот целительный беспорядок, которого следовало бы ожидать от множества различных убеждений интеллектуально самостоятельных избирателей. Кажется, это больше способствует устойчивости демократии, чем когда-то ожидаемая, окончательная унификация ("плавильный котел"). Хорошо приготовленная железобетонная смесь прочнее сплошного металла.

Безотчетно смелый шаг русскоязычной группы, проголосовавшей в свое время за "свою партию", позволил расширить пределы привычного израильского хаоса за счет включения наших имперских претензий, внедрения нашей ментальности. Независимо от конкретных политических шагов этой бывшей партии, это было одно из самых творческих, самых обещающих достижений нашей группы в Израиле, потому что оно нарушило зашедшую в тупик поляризацию "правых-левых", разбило единодушные сложившихся (слежавшихся) групп, пробудило политическую амбицию репатриантской массы. Сравнить его можно только с одновременным успехом партии ШАС, как бы ни было нам неприятно такое сравнение. Потому что и ШАС - это не повторение стереотипа давних вымогателей - "харедим", а внедрение в политику новой ментальности (пусть и весьма чуждой нам) со своими специфическими требованиями к жизни.

Может быть, все это и вправду приводит к более низкому среднему уровню конформизма израильтян. Хотя бы оттого, что, происходя из множества разных по культуре групп, израильтяне не имеют общих идолов для подражания. Мимесис не ведет их к унификации, а, напротив, работает на поддержание существующих различий.

Соотношение голосов избирателей, принадлежащих к разным группам, особенно если каждый из них еще и претендует на собственное мнение, конечно, не может оставаться стабильным. "Невозможность стратегического планирования национальных целей и ориентиров", упоминаемая в русскоязычной публицистике, как раз и синонимична чересчур демократическому (анархическому) характеру нашего общества.

Уровень участия в политике среднего израильтянина далеко превосходит западные нормы. Это, слава Богу, происходит от повышенной претензии всех евреев считать себя солью Земли, элитой. Попробуем поверить, что эта претензия - даже если это только подражание групповым лидерам - подражание свободному духу. Роль одиночки в нашем обществе - и к добру, и к худу - все еще заметно выше общего стандарта. И этот дух свободы - даже если это всего лишь свобода в переборе вариантов, - возможно, поможет государству удержаться на уровне творческого развития. Здоровое общество экспериментирует на себе. Именно поэтому (уже более шестидесяти лет) наша политическая жизнь всегда движется от одного кризиса к другому.

ОРУЖИЕ АСАССИНОВ

Тот, кто утверждал, что в споре рождается истина, явно преувеличивал. В лучшем случае в споре рождается понимание несовместимости позиций сторон, исходящих из разных посылок.

В своей полемике с экуменической позицией либерального российского культуролога Григория Померанца еврейский ортодокс Эдуард Бормашенко сформулировал ("22", N 103) фундаментальное (не путать с фундаменталистским!) требование к любому диалогу, которое выглядит особенно очевидным для математиков: "Когда два математика произносят два одинаковых утверждения, они имеют в виду одно и то же". Это следовало бы назвать **нулевой аксиомой математики**, ибо только после принятия такого предположения (а это именно предположение!) приобретают смысл все остальные определения и аксиомы (вроде того, что "прямая линия - кратчайшее расстояние между точками" и т.п.).

Если уж проблема неадекватного понимания дает о себе знать в математике, она тем более присутствует во всех остальных человеческих коммуникациях. Особенно, если иметь в виду коммуникации между представителями разных цивилизаций.

Языки цивилизаций могут вести людей к согласию, только если обеспечено предварительное согласие в нулевой аксиоме. Даже два человека, говорящие одно и то же на одном (общем) языке, должны быть предварительно уверены, что они в самом деле стремятся к согласию. Ибо, если цель одного из них - уничтожить другого, этому другому лучше прекратить разговор и подумать о спасении.

Для разных народов, тем более для разных культур, стратегическая оценка возможных намерений оппонента просто входит в обязанность правительств. Никакого общего языка, тем более общего принципа, между Западом с его либеральными ценностями и его радикальными противниками в сегодняшнем мире никогда не было. На какой же основе вести переговоры? Что выбрать за нулевую аксиому?

Западная политическая мысль сегодня бессильно цепляется за "права человека" в надежде обрести в них такую общечеловеческую идею, на которой можно было бы построить основу международной солидарности. Я думаю, эта попытка бесперспективна.

"Права человека" - идея модернистская, секулярная, чисто западная, и уже потому совершенно не подходит для большинства человечества. Она, вдобавок, несет в себе внутренние противоречия, которые проясняются по мере того, как ее перенимают неофиты, принадлежащие к иному культурному кругу.

Одно из фундаментальных "прав человека", к примеру, состоит в "праве получать и распространять информацию", т.е. в свободе коммуникаций. Однако эта свобода сама имеет тенденцию превратиться в нарушение прав, потому что в понятие свободы не входит обязательство распространять только "правдивую" информацию или информацию, "не нарушающую нравственность". Ни строгого определения "правдивой информации", ни общепринятого представления о нравственности не существует. Описание дарвиновской теории эволюции или библейской истории евреев в умах десятков миллионов людей подпадает под определение ложной информации. Игривые карикатуры Эффеля (не говоря уж о датских карикатурах на Мохаммеда) оскорбляют нравственность многих искренне верующих. А информация, распространяемая мусульманскими СМИ, превосходит все допустимые в Западном мире стандарты достоверности, вовсе не нуждаясь в правдоподобии. **Возможно, что и восприятие материальной действительности в разных культурных кругах тоже в чем-то различно**. Кто знает, "что есть истина"?..

Вплоть до XX в. Западная цивилизация не нуждалась ни в каком одобрении со стороны остальных и приводила другие народы к согласию силой. Во многих исторических случаях (например, побежденные Германия и Япония) это привело к отличным результатам. Такое "согласие", однако, включало и усвоение множества западных либеральных идей (в том числе и идеи "прав человека"), которые неизбежно вступали в противоречие с насильственным способом их внедрения.

Российские выходцы, хорошо понимают эту проблему на примере насильственного внедрения европейских порядков Петром I-ым. С тех пор прошло 300 лет, но и сейчас не перевелись еще там убежденные сторонники допетровского уклада. Основатель современной "Евразийской партии" и горячий поклонник теорий Льва Гумилева, Александр Дугин, определил свое видение чаемого будущего "евразийской" цивилизации в России, как "Цивилизации пространства", в отличие от беспокойной "Атлантической цивилизации времени"*.

**Хотя многие "атлантисты" вовсе не спешат звать нас в свою компанию, весь "евразийский" мир совершенно уверен, что Израиль с головой принадлежит к этой "цивилизации времени". Конечно, при сопоставлении с допетровской "цивилизацией пространства", это выглядит правдоподобно .*

Не только согласие, но даже и обсуждение подобных вопросов, не может быть обеспечено без принятия какого-нибудь общего принципа, который смог бы послужить начальной аксиомой для обществ, ориентирующихся на столь различные ценности.

Есть, однако, в Библии призыв, который внятен почти всем вариантам послепетровских конфессий и, в первом приближении, мог бы рассматриваться как нулевая аксиома для всех:

"Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие..."

Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое..." (Втор. 30, 19.)

Мир Библии асимметричен. Жизнь лучше смерти. Свет лучше тьмы. Материя лучше пустоты...

Природа не знает этих противопоставлений. Наше сознание (и познание) невольно детерминировано нашими глубинными интересами. Сама эта концептуальная двойственность отражает нашу страстную заинтересованность в одной из сторон. Мы знаем только жизнь.

А смерть для нас остается предметом пугающих спекуляций. Даже не минусом, а сплошным вопросительным знаком...**

**** Мир китайских представлений, развитый отрешенными мудрецами, более нейтрален и включает на равных "Инь" и "Ян".**

Так же отчасти сбалансированы мировые тенденции и в цивилизации индусов. Поэтому и время в этих культурных группах, не имеет определенного направления, а ведет их по кругу, сообщая характеру их обществ некоторую избыточную пассивность.

Предпочтение жизни для всех жизнелюбивых народов еще недавно казалось чуть ли не само собой разумеющимся. Если люди хотят жить, можно попытаться найти такую общую формулу, которая позволила бы им примирение перед лицом неминуемой смерти. Даже и "джихад" - неуправляемая тяга к преодолению - категорический императив, культивируемый Исламом, предусматривал такой компромисс для крайних случаев - "сульх" - перемирие.

Однако библейская жизнеутверждающая асимметрия, превращаясь в господствующее мировоззрение, порождает и свою внутреннюю оппозицию. Сосуществование в видимом мире контрастов и различий, света и тени, богатства и нищеты соблазняет изоциренный человеческий разум к мысли о возможной вражде между ними. Иногда даже в форме непримиримой космической борьбы между Добром и Злом.

Влияние такой мысли, впервые укрепившейся в древнем Иране благодаря зороастризму, проникло во все варианты монотеистической религии еще в античные времена (ессы в иудаизме, множество сект гностиков, манихеев, катаров в христианстве и исмаилитов в исламе) и иногда направляло мысли людей и судьбы народов в течение веков.

Во всех послепетровских религиях сложились с тех пор, так называемые, "гностические" ереси и толки, склонявшие своих последователей переменить направление асимметрии на противоположное и представлять торжество жизни на земле как победу зла, небытие как более высокое состояние и материю как грязь, засоряющую сияющую пустоту. Это неизменно

приводило к мрачным, мироотрицающим идеям и даже к культуре смерти и несуществования. Для членов такой секты предпочтительность жизни не очевидна, и упомянутый выше общий принцип не может вести к взаимопониманию.

Христианство систематически боролось с этими ересями, порою словом, а чаще, огнем и мечом. Против альбигойцев (катаров), населявших Прованс и Лангедок, римский папа даже организовал целый Крестовый поход. Когда благочестивые рыцари обратились к духовному авторитету с вопросом, как отличить еретика от честного католика, он ответил исчерпывающе: "Убивайте всех. На том свете Господь распознает своих." Война продолжалась 30 лет. Целые области Франции были опустошены... Поэтому в христианской культуре почти не осталось наследников гностических учений.

Иначе обстоит дело в Исламе. Возникновение и распространение Ислама совпало с возникновением и расширением мусульманского государства, и вопрос о вере всегда переплетался у них с вопросом о власти. Три из первых четырех ("праведных") халифов были убиты на почве якобы религиозных разногласий. Убийство халифа Али (из рода пророка Мохаммеда) узурпатором Муавией (из рода Омейядов) послужило причиной первого, фундаментального раскола Ислама на две ветви - шиитов (сторонников Али) и суннитов - всех остальных.

Прецедент несправедливого отстранения от власти халифа - всемирного главы верующих - впоследствии повторялся много раз, и едва ли не каждый раз это приводило к образованию новой секты последователей обиженного или замученного "праведника". Члены отделившейся секты затем развивали Ислам, как им казалось, в духе заветов Пророка, но уже с поправками, внесенными их временем и обстановкой.

В одной из больших шиитских гностических сект "исмаилитов" к концу IX в. оформилось сильное радикальное крыло, "низариты", - от имени Низар - очередной неудовлетворенный претендент на халифат - впоследствии печально прославившееся в Европе под именем "асассинов" (гашишников). Тайное, мистическое учение низаритов позволяло им не только явно курить гашиш, но и аллегорически толковать Коран, включая истовую веру в переселение душ и презрение к наличной, материальной жизни вплоть до прямой тяги к смерти. Бесстрашные посланцы секты -асассины - проникали повсюду и демонстративно открыто убивали своих врагов, не заботясь о собственной судьбе.

В конце XI в. низариты овладели несколькими крепостями в Иране и Сирии и создали централизованную структуру (орден - государство в государстве), оказавшуюся способной более 150 лет противопоставлять себя всему окружающему миру. Их мощь основывалась не столько на их военной силе, сколько на систематической практике политических убийств. Множество вождей крестоносцев, сельджукских сановников и египетских мамелюков погибло от рук бестрепетных асассинов-смертников, посланных Горным Старцем из Аламута (так назывались глава секты и их крепость в северо-западном Иране близ Каспийского моря).

Правление Старцев, наводившее ужас на все соседние страны, было прервано только нашествием монголов, которые, будучи еще варварами-язычниками, не вникли в вероисповедные тонкости мусульман, сравнивали с землей Аламут и перебили все его население (т.е. они поступили, как крестоносцы во Франции поступали с катарами). Мамелюки воспользовались замешательством и сделали то же самое с опорными пунктами низаритов в Сирии.

Низариты, как единая политическая сила, рассеялись, но, в отличие от альбигойцев, не исчезли. Они навсегда остались в памяти народов, как устрашающий прецедент. Во всех европейских языках слово "assassination" с тех пор означает "убийство". Хотя с точки зрения ортодоксального Ислама, все они были несомненные еретики, их былая пугающая слава способна и сейчас подавать вдохновляющий пример мусульманским экстремистам. Число их открытых последователей в разных районах Азии достигает теперь нескольких миллионов человек.

Поскольку гностические секты (и катары в Европе, и исмаилиты в Азии) веками подвергались гонениям, в их среде выработались привычные способы маскировки под ортодоксию, которые получили арабское название "такыйя" - мысленная оговорка. Член такой секты может (и часто даже должен) скрывать свою религиозную принадлежность и расхождение с

общепринятой догматикой, внешне выполняя все правила общины, в которой он живет. При такой тактике никто не может знать наверняка, сколько из правоверных принадлежит к этой секте.*** Более того, уровень знания своих первоисточников у мусульманских (да и у всех прочих) масс сегодня таков, что отличить ересь от ортодоксии в своей вере они могут не более, чем могли крестоносные рыцари в XIII в.

***** Приняв в расчет эту практику, мы поймем, что недоуменные вопросы крестоносцев к папе о катарах, возможно, происходили не только от их простодушия.**

Никто из мусульманских священнослужителей не гарантирован от мести тайных асасинов, если он публично попытается протестовать против их практики использования понятия "джихад" в политических целях, которое в последние годы стало чуть ли не нормой. Не скрывается ли за идеологией шахидов, которая в столь короткое время распространилась по всему мусульманскому миру, несмотря на очевидное противоречие с Кораном, влияние тайной секты, сильной своей древней верой и хранящей опыт тотальной войны против всего мира?

Представители крайних мусульманских организаций уже не раз открыто заявляли, что "западный мир обречен, потому что они слишком любят жизнь, а мы любим смерть". Это всем не согласуется с буквой Корана. Однако исламские священнослужители, по-видимому, тоже "слишком любят жизнь", чтобы обратить внимание своих верующих на то, что это не правоверный Ислам, а еретическое исповедание асасинов.

Пожалуй, не стоит гадать о неизвестном. Достаточно того, что мы достоверно знаем. Многочисленные представители **мусульманского мира** (ортодоксальны они или нет) **в своем демонстративном противостоянии западной цивилизации успешно освоили новый вид оружия и застали западное общество врасплох на полдороге к торжеству пацифизма. Введение в практику боя самоуправляемого, самомаскирующегося и самокорректирующегося снаряда с неограниченным радиусом действия, которым становится снаряженный и обученный шахид, меняет все сегодняшние тактические правила войны** на земле, на море и в воздухе, и отчасти уравнивает шансы.

В западном мире нанесение ущерба противнику всегда сопоставлялось с риском возможных потерь для себя. И предполагаемые действия противника до сих пор оценивались по той же рациональной схеме.

Современное оборонительное оружие было рассчитано на врага, которому есть, что терять, и он не ищет гибели. При тактической игре в поддавки упрощенная партизанская доктрина самоубийственных террористических атак оказывается вполне конкурентноспособной с суперсложными системами, призванными обеспечить безопасность западного человека. Это нововведение меняет понятие о войне...

Изменение понятия о войне меняет и понятие о мире. Точнее, меняет наше представление о возможности заключения мира.

Принимая общебиблейский принцип - **"Избери жизнь!"** - мы все еще остаемся на одной почве с противником. И мы можем с ним торговаться, но можем и уступить, допустив существование у нас общих интересов и, возможно, даже общего будущего.

Отвергая этот общий принцип, противник не оставляет нам выбора.

Западный человек под страхом смерти оказывается вынужден принять тотальный способ ведения войны варваров-монголов (или варваров-крестоносцев), от которого он уже давно, в принципе, отказался.

Американский президент вынужден выслушивать упреки в нарушении "прав человека" от представителей стран, где об этих правах знают только из американской пропаганды. Внутри западного либерального общества принять решение о тотальной войне почти столь же трудно, как и принять решение о тотальной капитуляции, и наши постоянные уступки террористическому противнику всегда рассчитаны лишь на оттягивание решающей конфронтации.

Внутри мусульманских обществ любая уступка агрессивной еретической идеологии

означает замедление в их общественном развитии, которое и так слишком медленно, чтобы предотвратить их неуклонное сползание в нищету.

Библейская жизнеутверждающая асимметрия небезразлична к благосостоянию обществ. Время у пост-библейских народов однозначно течет от прошлого к будущему. Оно движется от создания мира к его концу. И это направление для нас многозначительно, ибо оно совпадает с направлением времени в каждой индивидуальной жизни. Совпадение это невозможно переоценить. Именно оно порождает концепцию Истории и Прогресса. ****

****** Впрочем, во всех религиях сохраняется, как не обязывающая, пессимистическая тенденция ссылаться на прошлые, более счастливые времена, когда уровень благочестия якобы стоял выше, а идеализм и добродетель процветали.**

Оно порождает иллюзию Цели и Смысла и направление стрелы времени в нашем сознании. Совпадение это заложено в самом основании Западной цивилизации***** и сообщает также и Исламу его наступательный характер.

******* "Только цель, вынесенная вперед, превращает путь в железнодорожную колею, аккуратно разбитую на километры. На этой модели времени (которое считают как деньги) основана вся современная экономика и техника." (Г.Померанц, "Синтаксис", N 15)**

Оно придает неосознанной природной активности человека онтологически положительную оценку и благословляет его на дальнейшие свершения. Западное общество не остановится. Оно развивается не по воле отдельных лиц. Инерция его развития далеко еще не исчерпана.

Однако, и террор мусульманских (хотя бы и еретических, квази-мусульманских) экстремистов-фанатиков не может остановиться. Он психологически необходим всему мусульманскому сообществу в целом, как открыто не признаваемое ободрение, как скрытая моральная компенсация за их историческое отставание. Как допинг отстающему спортсмену. Как лекарство от многолетнего комплекса неполноценности...

К счастью отдельные преуспевающие группы и организации в мусульманском мире совершенно не нуждаются в таком допинге. Более того, террор, осуществляемый якобы от имени всего мусульманства, разрушает их благосостояние и преуспеяние...

Однако до сих пор еще влиятельные мусульманские круги не выступили с открытым осуждением еретического характера идеологии террора. Скорее всего потому, что этот террор угрожает им самим в первую очередь, и в их обществах нет эффективных средств защиты. Однако, пожалуй, только на существовании этих немногих преуспевающих мусульман и основаны все надежды Запада на достижение мира. Они и есть та чрезвычайно тонкая нить, на которой подвешена судьба человечества в XXI веке.

НАЧАЛО И КОНЕЦ

"История культуры есть цепь уравнений в образах, попарно связывающих очередное неизвестное с известным, причем этим известным, постоянным для всего ряда, является легенда, заложенная в основание традиции, неизвестным же - каждый раз новым - актуальный момент текущей культуры. Мир построен из двух времен, наличного и отсутствующего".

Б.Л.Пастернак, "Охранная грамота"

Предчувствие конца христианской эры побуждает чувствительные художественные натуры возвращаться мыслью к ее началу. В русской литературе такое возвращение было впервые возведено в "Мастере и Маргарите" М.Булгакова, а спустя несколько лет и в евангельском цикле стихов к "Доктору Живаго" Б.Пастернака.

Оба романа были написаны авторами, воспитанными еще в досоветской культуре, в которой евангельские подробности составляли необходимую часть памяти образованного человека - "легенду, заложенную в основание традиции" - но оказались совершенной культурной новостью для советского читателя и до основания потрясли его воображение.

Впрочем, за последние десятилетия и западный читатель так основательно отошел от традиционного религиозного воспитания, что евангельская история выглядит для него если не полной новостью, то во всяком случае подходящим материалом для домыслов и интерпретаций.

Дэн Браун и многие другие по-своему переписали сегодня Евангелия, и их коммерческий успех подтвердил одновременно и правоту сентенции, высказанной в эпиграфе, и плотность непроглядного тумана, в который погрузился исходный текст в сознании большинства читателей.

Сравнительно недавно к такому повороту подошли и в современном кино. Почти одновременно на этом поле выступили два баловня успеха - Мэл Гибсон и Ларс фон Триер, - каждый в соответствии со своим артистическим амплуа.

Мэл Гибсон, суперзвезда, многократный исполнитель ролей героических персонажей, любимец массового зрителя, не стал опускаться до переинтерпретаций, осовременивающих Евангелия, подобно М.Булгакову или Б.Пастернаку, ни, тем более, перевернуть их, как Дэн Браун, а поставил себе фундаментальную (но также и фундаменталистскую) задачу воспроизвести "подлинную" картину события и прямо принял канонический евангельский текст за свой сценарий.

Ларс фон Триер противоположен Мэлу Гибсону во всем, но их объединяет тонкое понимание пружин зрительского успеха. Для громкого успеха не всегда нужно потакать публике, иногда есть смысл публику раззадорить или даже умело оскорбить. Это особенно верно, если речь идет о публике изысканной, о театральных снобах и пресыщенных кинокритиках, как в случае фон Триера. В обоих случаях публику нужно ошеломить и озадачить. Оба фильма блестяще справляются с задачей.

Если современная европейская публика и привыкла к мысли о распятии Христа, она привыкла к лакированному, эстетически облагороженному образу этой, когда-то позорной, казни. Варварские подробности мучений казнимых, физиологические детали истязаний в фильме Мэла Гибсона сделали из канонически закрепленных, освященных (и отчасти одухотворенных) традицией сцен распятия современный кровавый триллер, способный по своей экспрессии конкурировать со сценами гладиаторских боев, заполнивших в последние десятилетия экраны кинотеатров.

Напротив, нарочито условная, обманчиво игровая режиссура фон Триера, возвращающая зрителя к упрощенным "шекспировским" театральным меркам, затрудняет восприятие неискушенным зрителем издевательски мизантропического замысла фильма "Догвилль" ("Псоград").

На первый взгляд фильм фон Триера вообще ничего общего с Евангелиями не имеет. Это история избалованной дочки (суперзвезда Николь Кидман) всемогущего гангстера-миллионера, бежавшей из отцовского дома, где жизнь людей была основана на грехе и жестокости, в поисках "простой и чистой" жизни.

Она попадает в маленький городок, заповедник американо-протестантской добродетели, где пытается на деле осуществить евангельские заповеди, которые якобы искренне исповедуют его обитатели. Здесь она встречается с местным интеллигентным молодым человеком, который так глубоко ее понимает и сочувствует, что становится ее доверенным лицом и представителем, озвучивающим и осуществляющим ее связи с жителями города, ее советником и наставником в новой, незнакомой для нее, обстановке коммунальной жизни американской глубинки. Они ведут душевные разговоры о красоте простоты и прелести неиспорченной низкими страстями провинциальной жизни.

Городок живет по правилам ранней американской демократической традиции, принимая все свои решения на общем собрании, неизменно сопровождая их пуританской, христианской риторикой. Сначала героиню увлекает эта идиллия. Именно о такой чистой, общей с простым народом жизни она и мечтала, к этому всей душой стремилась. Ее принимают в городскую общину на условии безоговорочного принятия их давно устоявшихся правил. Она изо всех сил старается понравиться обывателям и всячески услужить каждому из них.

Однако евангельская кротость и безграничная уступчивость героини очень быстро приводят к тому, что город понемногу привыкает ею помыкать и ее эксплуатировать. Молодой человек каждый раз со знанием дела объясняет, хоть и не всегда идеально чистые, но оправданные общечеловеческим несовершенством, мотивы горожан и горячо одобряет ее самоотверженное смирение, утешая ее цитатами из Писания.

Постепенно прорисовывается евангельская ситуация, при которой город привыкает взваливать на нее свои огрехи (а в конце концов и грехи) и требует от нее все большей самоотверженности в ее преданности людям.

Через небольшое время она устает от своей добродетели и в отчаянии пытается бежать из города. Однако ее останавливают на полдороге, напоминая о бесчисленных невыполненных обязательствах, которые она невольно на себя взяла в тщетном усилии никому и ни в чем не отказать.

После неудачной попытки бежать она окончательно попадает в рабство к окружению, выполняя всю черную работу, которую на нее сваливают, а весь город еще дополнительно винит ее в неблагодарности. Жители города, еще так недавно единодушно хвалившие ее бескорыстие и отзывчивость, принимают все новые фарисейские решения о ее недостаточной уступчивости, неблагочестии и несоблюдении правил.

Окончательно проясняется евангельский сюжет о Иисусе Христе, которого непостоянный и неблагодарный народ, еще недавно обожавший (и обожествлявший) его, уже готов был развенчать и распять. Совершенно в духе современной нетерпимости к мужскому шовинизму здесь по произволу режиссера-модерниста в качестве страдающей за грехи всех людей фигуры выступает женщина.

Молодой человек, красноречиво уговаривающий ее "подставить вторую щеку", каждый раз представляет ей (и зрителю) новую изысканную казуистику, с помощью которой требует поверить, что каждое очередное надругательство над ее человеческим достоинством может (и даже необходимо должно) быть оправдано духом христианской кротости и всепрощения.

После многих недель унижительной нищеты, недоедания, непосильного труда, издевательств местных подростков (включающих, между прочим, и серию изнасилований, за которые позорят ее же) героиня порывает со своим гидом, добровольным идеологом непротivления и возвестителем коллективной воли жителей, и окончательно решает вернуться к своему отцу-гангстеру.

Здесь у ее отца (блестящий актер Майкл Кан) открываются черты Отца-Саваофа и религиозный сюжет окончательно выходит на поверхность. Отец прямо задает дочери вопрос Громовержца: оставить ли жизнь этому жалкому городку и его жителям или уничтожить все

разом.

Дочь уже в совершенно пророческом стиле приговаривает город к гибели и лично стреляет из пистолета в ханжу-идеолога (то есть попросту в христианского гуманиста), который все это время оправдывал перед ней вопиющее лицемерие и двойные стандарты жителей этого вместилища ложной веры и скрытого порока. Таким образом, евангельской легенде в фильме приписано новое завершение вполне в ее апокалиптическом духе: после предсмертного взывания Иисуса с креста - "Зачем же ты меня покинул, Господи!" - Всемогущий отец-гангстер (гневный, жестокий Иегова - Бог мщения!) явился во плоти и силе и по слову Апокалипсиса разрушил весь мир греха.

Искусные условные постановочные ходы и прекрасная игра актеров отчасти прикрывают намеренное кощунство режиссерского замысла, но рассыпанные по сценарию многочисленные намеки не оставляют сомнений. Сторожевого пса в городе зовут Моисей, и он неприкаянно торчит на краю города в виде молчаливого картонного манекена, никак не участвующего в драматическом действе, но сообщающего ему его библейскую многозначительность.

Оба режиссера получили шумный и скандальный успех.

Мэл Гибсон - за то, что возвестил миру свою преданность христианской цивилизации, хотя при этом и не отказал себе в личном удовольствии подчеркнуть зловещую роль евреев при самом ее зарождении. Как он сам сказал, отвергая обвинения въедливых журналистов в намеренном показе евреев в таком некомплементарном сюжете: "Чего вы от меня хотите? Норвежцев там не было!"

Ларс фон Триер - напротив - за то, что он на весь мир проклял эту цивилизацию. Он проклял ее за ее фактическую неспособность соответствовать своим собственным заповедям и настойчивое лицемерие, с которым эта несостоятельность ею отрицается.

Впрочем, это также единственная цивилизация, которая может позволить внутри себя такое безоговорочное осуждение. Мера свободы художника в европейской (уже не совсем христианской) культуре давно выплеснулась за рамки не только христианства, но и простого инстинкта самосохранения христианских когда-то народов. Именно эта безграничная свобода провоцирует особо чувствительных граждан нагло бросать свой ботинок в истеблишмент, который не в силах удовлетворить их обостренную потребность ощущать себя праведными.

Да! Гуманистическая цивилизация дала просвещенному человеку безбедную жизнь, но она не нагрозила его сознанием неотменимого долга, который составил бы смысл этой жизни. И он бунтует, чувствуя себя обманутым. Как будто в самом начале этот смысл проглядывался. Или это была иллюзия?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

А. Солженицын в "Архипелаге ГУЛАГ", касаясь неизбежных в лагере столкновений с блатными, писал, что уголовный мир не подлежит человеческим законам, и блатные - не люди. В этом представлении он сходится со многими авторами и читателями, потрясенными уровнем жестокости и цинизма, принятым в уголовной среде.

Мне часто приходилось слышать от окружающих, что и террористы, особенно мусульманские террористы, не люди.

Я хотел бы возразить против такого рода представления. Но вовсе не для того, конечно, чтобы защитить человеческое достоинство террористов или уголовников. Звание человека на мой взгляд вовсе не звучит гордо. Никакого достоинства в этом звании нет. Человек, если и не произошел от обезьяны, все же во многих важных отношениях остается очень близок к ней, и отличие не всегда к лучшему. Но, если мы хотим защититься от упомянутой опасной категории существ, нам придется понять их, именно, как людей. Прежде всего, как людей принадлежащих к определенной, чуждой культурной общности.

Мой короткий опыт общения с уголовниками в детской исправительной колонии пришелся на такой ранний возраст, при котором мое понимание еще не было безвозвратно ограничено культурой моего круга. И потому, вероятно, моя еще несложившаяся душа была открыта альтернативным вариантам интерпретации явлений.

Блатные, конечно, люди, и им вполне присущи все обычные человеческие свойства. Однако, их отщепенческое сообщество построено на принципе, который по отношению к общепринятым правилам является дополнительным. Понимание этого принципа дополнительности может пролить свет также и на многие загадочные для европейца черты поведения неевропейских народов.

Уголовники составляют как бы иную, замкнутую цивилизацию внутри существующей, и их успешное функционирование определяется, как раз, факторами, составляющими ее слабость. Именно их демонстративное пренебрежение "общечеловеческими" нормами поведения позволяет им ошеломить обывателя ("фраера"), опередить реакцию толпы и восторжествовать над повседневностью.

Поведение блатных, больше чем наполовину - артистическая форма жестикуляции, рассчитанной на аудиторию. Оно в сильной степени ритуализовано и имеет свои законы, этику и эстетику, свой фольклор и своих хранителей традиции.

Блатной не живет в объективном мире вещей и установленных фактов. Он живет только в моментальном мире людей, к которым не чувствует ни уважения, ни симпатии. Поэтому он действует в соответствии с психообразующей моделью реальности, как циркач (еще лучше сказать, гипнотизер-иллюзионист) на арене. Единственной значимой величиной для него является

его собственное поведение, которое призвано на эту реальность в той или иной форме повлиять, т.е. шокировать, озадачить или разжалобить.

Уголовник знает, что его реальных сил всегда недостаточно, чтобы приспособить к себе весь окружающий мир. Но, если его решимость (вдохновение - "дух" на фене) действительно безгранична, а, главное, впечатление, которое он способен произвести на аудиторию, внушает надлежащий трепет, ближайшая к нему часть мира, может склониться перед ним, обеспечив ему точечный успех. Конечно, он рискует сорваться и пропасть, но готовность к риску - обыденная часть его профессии. Поэтому он (как и викинги, и ассасины в древности, как террористы-смертники сегодня) культивирует в себе способность к сомнамбулическим, неменяемым состояниям, при которых действительность перед его глазами как бы прогибается и временами действительно идет навстречу...

Именно так уже в течение десятилетий ведет себя Палестинское руководство и, вслед за ними, многие другие "освободительные" и "революционные" движения "третьего мира". Варяжские витязи, рыцари-крестоносцы или мусульманские чудо-воины тоже не склонны были тянуть трудовую лямку и в большинстве были отщепенцами в своей народной среде. Они не

рассчитывали прожить долго и между грабежами не задумывались о будущем.

Слабость любой существующей цивилизации состоит, в частности, в том, что между преступлением и наказанием всегда остается зазор времени, который для преступника может показаться вполне достаточным для оптимистического отношения к жизни. Персонаж романа Достоевского "Преступления и наказания", Родион Раскольников, прежде чем попал на казнь, успел пережить целую сентиментальную драму с Соней Мармеладовой и, т.о., отчасти устроил свою дальнейшую жизнь.

Нормальный человек с трудом понимает и предугадывает поведение отморозка, потому что он ценит свою жизнь на свободе. Профессиональный преступник, напротив, воспринимает свое пребывание в тюрьме, как основное, нормальное состояние в жизни, и его внутренняя свобода продлевается и в заключении. Для него, как раз, ежедневная рабочая рутина нормального человека - тюрьма. Член блатного сообщества живет минутой и ловит кайф при всякой возможности, в том числе и на тюремных нарах. Он стремится только к сиюминутному счастью, и краткие перерывы между отсидками проводит в счастливом, совершенно беззаботном состоянии, соответствующем его представлению о райском блаженстве.

Английские пираты правильно называли себя "джентльменами удачи". Никаких привходящих обстоятельств - только удача и кайф. Неудача не в счет, потому что, если нет удачи, нет и жизни - впереди виселица.

Такому, наполовину солипсическому, сознанию чрезмерная расчетливость - только помеха. (Все же лишь наполовину солипсическому, потому что с опытом наш герой научается симулировать обманчивые или устрашающие состояния, призванные электризовать окружающих, но не обязательно глубоко задевающие его самого.) При поимке вора его психологическая установка близка к поведению капризного ребенка, который бросается на пол и бьет ногами, если родители не поддаются манипулированию. Часто, это - не столько поступок, сколько жест. Если родители отвечают полным невниманием, ребенок может остановиться.

Если обыватель не пугается, уголовник не всегда знает, что ему делать дальше. Его действия направлены не на объективную реальность, данную нам всем в ощущениях, а на противопоставленную ему коллективную волю общества, обывательскую психологию. Здесь большую помощь ему могут оказать члены правозащитных организаций, исходящих из презумпции доброй воли. Очень редко ему удается провести опытных полицейских.

Еще больше, чем с детьми, все эти признаки сближают образ действий уголовников с ритуализованным поведением примитивных племен, которые живут в постоянном, тесном контакте с населяющими окружающую природу потусторонними духами и надеются их запугать, обмануть или задобрить. Своей устрашающей татуировкой, воинственными плясками и жестокими казнями врагов они отпугивают духов, своими жертвами ублажают их и обеспечивают себе успех на войне и охоте. При этом они допускают, что духи сильнее их и могут не поддаться магическим усилиям, но они привыкли жить в присутствии опасности и рано умирать.

Зато героическое поведение погибших (и особенно приукрашенный рассказ о нем) укрепляет общую традицию и дух следующих поколений и обеспечивает мертвым почетное место среди храбрых... Эти черты преступных сообществ не столько демонстрируют их низкий культурный уровень, сколько подчеркивают именно их сугубо человеческий характер.

Конечно, вся эта субкультура создана поведением выдающихся одиночек, которые, возможно, и впрямь не знали страха, не ведали колебаний в своем зверстве и не чувствовали боли, голода и холода. Артистизм природы позволял этим людям даже и в гибели черпать упоение своим превосходством над унылой законопослушностью их жертв и преследователей. Большинство же в блатном сообществе (как и во всяком другом) просто копирует формы поведения авторитетных воров-старожилов ("воров в законе") и обычно может быть сбито с ритма и обращено в бегство всяким решительным сопротивлением.

Также и современный терроризм - это не единичный поступок, который можно объяснить отчаянием или религиозным психозом. Терроризм не объясняется и одними

стратегическими решениями преступных политических групп. Это специфический образ жизни, патетическая культура, включающая свой внутренний язык и жестикуляцию, иерархию авторитетов, жажду престижа.

А также свободу от обыденных норм, восхищение женщин и любовь друзей, недоступные простым смертным. Террор - это власть сильных своим бесстрашием одиночек над бесчисленными, беспомощными "фраерами", неспособными противостоять "настоящим людям".

Напрасно европейцы всерьез обсуждают нелепость веры шахидов-смертников в мусульманский рай. Рай тут не главное, они успевают отведать всю полноту ощущения сильной жизни еще на этом свете. И острота их переживания героической борьбы и близости победы (которые неизменно видятся им в сильно приукрашенном виде) не сравнится со скукой их тягостного существования на задворках Европы в качестве чернорабочих...

Уголовники презирают фраеров. У них есть для этого основания. Фраера живут в мелочных заботах о надежности своего существования. Они подвержены бесчисленным страхам, которые преступнику неведомы. Их снедает беспокойство о хлебе насущном, о близких, о будущем...

Искусство всех народов внесло свою долю в обнажение пресности обыденного существования и эстетизацию лихой беззаботности и преступления: "Орел клюнул раз... и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст!" (А.С.Пушкин, "Капитанская дочка"). Потому что искусство любит все из ряда вон выходящее, преувеличенное, впечатляющее. Искусство любит успех. А успех достается тому, кто выходит за пределы обывательского воображения.

У преступника (как и у революционера) всегда есть возможность отобрать у фраера хлеб. У преступника нет близких, которыми он не мог бы пожертвовать. Воровство и грабеж в его сознании суть справедливые формы перераспределения жизненных благ между трусливыми и неспособными с одной стороны и смелыми и гордыми с другой... - "Запирайте этажи, нынче будут грабежи..." (А.Блок). "Грабь награбленное..." (В.И.Ленин).

Этот стереотип совсем не бесчеловечен. Нелепо называть бесчеловечным то, что так глубоко укоренено в человеческой истории. На протяжении многих тысячелетий так вели себя лихие представители всех народов. Например, этот образ действий близок к героическим представлениям варварских племен Римской империи, среди которых считалось, что "стыдно добывать плугом то, что можно добыть мечом". Действительно, как только Империя ослабела, шайки кельтов и германцев рассыпались по всей Европе и создали свои минигосударства-загоны, где они издевались над культурным населением, как хотели, а настоящее сопротивление встречали лишь друг от друга (при дележе).

Так же поступали и многие другие завоеватели. Еще в XV11 в. в Европе солдатский грабеж и насилие считались законной наградой победителей. Всего 30 лет назад в Нью-Йорке из-за аварии на электропередаче на несколько часов произошло затемнение ("Blackout"). За эти часы все магазины в затемненном районе оказались разграблены...

Нечто подобное произошло и в златоглавой Москве, которая без всякого сопротивления была поделена на районы, "опекаемые" разными экзотическими мафиями, "азербайджанской мафией", чеченской мафией, "солнцевской" группировкой, орехово-зுவской и т.д., и т.п.

Т.о. преступная субкультура всегда тлеет в складках цивилизованных обществ. Профессор Дельбрюк, автор фундаментального труда "История войн и военного искусства" утверждает, что взрыв варварской мощи происходит всякий раз, как титульная нация теряет охоту к войне.

Бесчеловечной я бы скорее назвал массовую неготовность людей к защите своей жизни и благосостояния и неспособность поддержать (хотя бы простым сочувствием) те общественные силы, которые предназначены защищать их интересы.

В периоды социальных бедствий и катастроф у многих обывателей возникает соблазн предпочесть открытую воинскую доблесть воров в законе сомнительным гражданским

добродетелям честных полицейских, хладнокровных биржевиков и ловких менеджеров. Кому из них лучше вручить заботу о своей жизни и собственности?

Обыватель - не "джентльмен удачи" - всегда ищет, кому перепоручить заботу о своей жизни. К этому и сводится смысл политических прав для лишнего честолюбия гражданина. По мере роста общего благосостояния даже и реализация политических прав становится ему в тягость, как мы ясно видим во всех богатых обществах, где даже в судьбоносных выборах участвуют едва ли 40% избирателей.

Десятилетия господства упорядоченной жизни под защитой закона создали у многих из нас иллюзию, что государство и закон имеют под-линное, субстанциональное существование и эти структуры держатся своим собственным весом. На самом деле и государство, и закон существуют лишь условно и лишь в той мере и до тех пор, пока подавляющее число граждан склонно их систематически поддерживать своим деятельным соучастием.

Во всяком цивилизованном обществе существуют преступные структуры и потенциальная люмпенская среда, готовая воспринять уголовные правила. Полностью уничтожить преступность не удастся ни в одной стране. С развитием глобализации глобализуется и эта преступная культура. В наше время обнаружилось преступные, террористические движения (например, "Светлый Путь" - организация китайских бандитов в Перу, вооруженные формирования наркодилеров в Колумбии и Мексике и др.), принимающие разные политические формы прикрытия. Коррупция правящих кругов, избыток свободного капитала в мире и извращение понятий в духе "политической корректности" позволяет этим группам существовать и даже представлять на международном уровне, где разница между допустимым и нетерпимым с каждым днем катастрофически размывается.

Соединение преступных стихий с романтическим идиотизмом (Че Гевара) грозит совершенно размывать основы всякой цивилизации.

Если верить Жозефу Де Местру*, нас отделяет от бездны хаоса очень тонкая психологическая преграда, созданная еще несентиментальными предками сегодняшних граждан в суровые времена религиозного засилья и беспредельно жестоких наказаний. Эта преграда утончается на наших глазах с каждым днем. Свободный мир практически отменил наказания в своих пределах, а влияние религий на светские дела сугубо ограничено.

*** Граф Жозеф Де Местр - итальянский аристократ, талантливый литератор и философ, бывший послом Сардинского королевства (Пьемонт) в Санкт-Петербурге. Обладая большим влиянием при дворе Александра I-го. Ж. Де Местр был горячим противником Французской революции, придавал определяющее значение репрессивным мерам сдерживания разрушительных инстинктов масс и отговаривал царя от немедленного освобождения крестьян.**

У свободного мира не остается прямых, оперативных средств контролировать поведение преступных групп и индивидов. Всякий сдвиг в сторону усиления контроля воспринимается обществом как шаг к тоталитаризму, и, действительно, открывает для правящих кругов слишком широкие, если не беспредельные, возможности.

Впрочем, перед лицом смертельной угрозы во время 2-й мировой войны, по крайней мере, два традиционно супер-либеральные общества (Британия и США) сумели мобилизоваться и, вопреки собственному внутреннему сопротивлению, дать сокрушительный отпор и Германии, и Японии. Но это произошло только после пяти лет изнурительной войны, в течение которых они понесли тяжелые жертвы и потерпели не одно горькое поражение.

Война, говорят, великий Учитель, но до чего же не хочется идти к нему в эту школу...

УЧИТ ЛИ ИСТОРИЯ?

Библии приписывают открытие феномена Истории. Не простого пересказа отдаленных и отделенных друг от друга событий, а как бы связного сюжета, который существует в объективной действительности и куда-то ведет (или заводит) народы. Всякий человек, в принципе, может ощутить соучастие в таком сюжете, как ценность, как повод для гордости или стыда.

В России эту идею принял в полноте П.Я.Чаадаев: "Народы ... воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы. ... Это и составляет атмосферу Запада; это - больше, нежели история: это физиология европейского человека. Чем вы замените это у нас?"

Мы живем одним настоящим... , среди мертвого застоя... Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня ... С каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно... Каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является Бог весть откуда. Исторический опыт для нас не существует..."

Сегодня, после всемирного "восстания масс", легко видеть, что он сильно переоценивал западного человека и слишком самокритично приписал соотечественникам то, что свойственно, к сожалению, человеку массы вообще. Но идея Истории надолго поселилась в русском сознании. Окончательно утвердило эту идею внедрение марксизма в Россию.

Анализируя свое отношение к миру, я обнаруживаю и в себе эту фундаментальную априорность, которую несомненно подарил мне марксизм, внушенный воздухом российской средней школы.

Вот, в пятом классе начинается История древнего мира, сплошь состоящая из греческих мифов и римских доблестей, потом в шестом - Средние века, протекающие почти целиком в пестрящем гербами и крестами католическом мире, и к седьмому мы подходим к Новому времени, в котором уже лидирует Франция и звучит Марсельеза. Школьная наука создавала у нас цельное впечатление, что все это были звенья одной цепи, неуклонно ведущей от бесчеловечного рабовладения через красочный рыцарски-турнирный феодализм к мнимой буржуазной свободе, которая, конечно, есть лишь предпосылка к будущему нашему социалистическому братству: "Вся история - это история борьбы классов".

Когда в свои 14 лет я понял, что советское общество несправедливо, мне не хватало только окончательной уверенности, какой именно класс нас угнетает.

В этой схеме важна не наукообразная фантазия Карла Маркса, что европейский феодализм якобы наследовал античному рабству, а сама иудаистская идея общемирового времени (и общемировой морали), которое объемлет эти разные цивилизации, разделенные на самом деле не только временем и пространством, но и относящиеся к совершенно разным народам. Благодаря этой сомнительной идее мы, бывшие советские люди, до сих пор удерживаем в памяти огромный кусок культурного прошлого, который сообщает глубину многим общепринятым условностям и иногда дает нам ключ к пониманию иных культурных моделей.

Современный постмодернизм, отнимая (и отменяя) универсальные мерки, утверждая отдельную историю для каждого культурного ареала, частично отнимает и эту нашу связь с прошлым. Счастлив тот, для кого религиозная традиция, отсчитывающая время "просто от создания мира", эту связь восстанавливает.

Ну, хорошо, пусть наша история это только история нашей "иудео-христианской" цивилизации, как бы ни определять это понятие. При любом определении Россия не полностью принадлежит к этому историческому целому. Для российского выходца чрезмерный либерализм западного общества необъясним и недальновиден. Его нельзя понять без анализа всей предшествующей истории европейских стран, полной (впрочем, не больше, чем у всех остальных) звериной жестокости и диких притеснений. Может быть этот либерализм - хотя сегодня это прозвучит совершенным парадоксом - как раз один из тех немногих случаев, когда история (прямо по Чаадаеву) чему-то все-таки человека научила. Целые века она учила людей в Европе бояться деспотического произвола королей, сила которых не ограничена уравновешивающим гражданским сопротивлением. Масс-медиа, парламенты и суды в наше либеральное время всячески стараются выполнить эту свою первостепенную функцию ограничения власти, когда

о самодурах-королях и о собственном произволе их самодуров-чиновников все уже почти забыли. Сложная юридическая канитель и бесконечные "права" преступника имеют исходной целью оградить законопослушного гражданина от, все еще возможной, злой воли представителя судебной инстанции, действующего от имени государства. Пока еще преступления считались из ряда вон выходящими событиями, изоляция и наказание преступника, и в самом деле, могли казаться современникам второстепенной задачей.

К сожалению, эти идиллические времена ушли безвозвратно. Нельзя сказать, что в былые времена в европейском обществе не хватало преступников. Но у преступников в руках тогда не было таких средств.

Я имею в виду оба значения этого слова. У преступников в прошлые века не было таких грандиозных технических средств. Пока Альфред Нобель не изобрел динамит, а террористы не освоили взрывное дело, т.е. до конца XIX века, опасаться всерьез произвола отдельных заговорщиков или даже небольших добровольных коллективов обществу не приходилось. Но у преступников в прошлом никогда также не было и таких грандиозных денежных средств, которые теперь щедро поступают, как от заинтересованных государств, так и от политически или финансово вовлеченных частных спонсоров.

Мировая, якобы всеобщая, история сумела научить только европейского человека (конечно, не всякого), который - бог весть почему (может быть, чтобы заслужить одобрение Чаадаева?) - склонен был учиться. Все остальные страны и народы, не прошедшие эту школу (т.е. огромное большинство человечества), воспринимают юридические идеи европейцев как специфическое чудачество, с которым они, хотя на словах и вынуждены считаться, но могут (и, конечно, всемерно должны) использовать против них же самих. Зато динамит и другие смертоносные изобретения европейского гения (включая неконвенциональное использование самолетов и бульдозеров) по-прежнему на равной основе остаются в общем пользовании. И, конечно, злоумышленники на всех континентах пользуются ими при всяком удобном случае, нередко при активной поддержке своих нещепетильных правительств.

Западные страны оказались перед неприятным выбором. Что важнее - оградить себя всемерно от международного террора сейчас или, в расчете на будущее, попробовать приучить все другие народы считаться с демократическими законами, т.е. "уважать права человека"? Западная мысль, направленная сразу на обе эти цели без трезвого учета их конечной несовместимости, бессильно бьется в паутине юридических противоречий и взаимной демагогии, происходящей от заматывания под ковер политической корректности факта фундаментального неравенства наций.

Возможно, мировое европейское сообщество подошло вплотную к тому крайнему пределу, у которого сказывается исходно христианская основа его цивилизации.

Ведь террор и пиратство можно остановить только террором. Незачем обманывать себя. Полюбить террориста, как собрата по человечеству - хорошее средство самим для себя стяжать царство Божие, но вряд ли эффективное для защиты будущих поколений. И без энергичных насильственных действий о прекращении террора можно только мечтать.

Яснее всех эту антихристианскую идею выражают мыслители, не связанные гуманистической традицией. Вот, что говорил почти 100 лет назад известный реакционер и пессимист О.Шпенглер: "Жизнь есть война. Можно ли отказаться от ее смысла и в то же время сохранить ее? ... Цветной видит белого насквозь, когда тот говорит о "человечности и вечном мире". Он чувствует неспособность и отсутствие воли себя защищать..."

В наше время, после свершившейся антиколониальной революции, чтобы насквозь разглядеть лицемерие политика (будь он белый или цветной), рассуждающего о "человечности и вечном мире", не обязательно самому быть цветным. Достаточно быть трезвым и внимательным.

Сколько времени требуется в любой свободной стране для подготовки террористического акта, даже такого грандиозного, как разрушение небоскребов-близнецов 11 сентября? - Около года или близко к тому.

А сколько времени понадобится для внедрения традиции юридически допустимого

поведения в политику и обыденную жизнь страны, для которой эта традиция совершенно чужда?

- Хорошо, если хватит жизни целого поколения ...

Пока легалистская традиция повсеместно не закрепилась, все антитеррористические меры либеральных стран неизбежно будут нарушать их собственную либеральную традицию презумпции невиновности и, тем самым, ярко подчеркивать лицемерный характер требований либералов ко всем остальным. Настойчивые призывы к миру, исходящие от далеко превосходящих по своим военным возможностям стран, воспринимаются как однозначная демонстрация их фактической беспомощности.

На заре европейского либерализма Томас Гоббс, английский философ XVII в., в своей книге "Левиафан" сформулировал теорию "войны всех против всех", которая по его мнению лежала в самом основании истории, как исходное, "природное" состояние человечества: "Равное право каждого на обладание всеми вещами провоцирует непримиримый конфликт, особенно при конкуренции за ограниченные ресурсы (сюда входят и такие вещи, как земля и женщины). Побуждаемые страхом нападения соседей, люди неизменно старались их опередить и напасть первыми. Конфликт затем был сильно подогрет и умножен разницей в толковании религиозных догм, различием в моральных суждениях или банальным расхождением взглядов на то, что кому полагается, и кто чего заслуживает..."

Тогда неизбежно в результате успешной инициативы одного из самых агрессивных возникает деспотическое государство ("Левиафан"), которое только и способно ограничить этот "природный" хаос, ввести его в определенные рамки и установить более или менее оправданную иерархию прав.

Весь следующий век многие философы вдоволь позабавились, критикуя Гоббса, который мало того, что не верил в природную добродетель человека, но к тому же еще придумал такую смешную идею, как равенство прав в начале истории...

Гоббс, может быть, и в самом деле думал, что в начале истории каждый сам был свободен решать, в чем он нуждается, чем он владеет и в чем состоит правильное поведение и достойный образ жизни. Но, поскольку он был не чужд математике, **скорее можно предположить, что он рассматривал такое идеализированное состояние всего лишь, как упрощенную модель**, имевшую целью объяснить разумную необходимость той самой абсолютной королевской (т.е. государственной) власти, от которой современный либерализм в западных странах с таким энтузиазмом нас защищает. При этом, он, в согласии с законами роста всех сложных организмов, рассматривал эволюцию такой системы во времени от полной неупорядоченности, хаоса личных стремлений, к государственному порядку, т.е. в сторону снижения энтропии.

Такое направление эволюции свойственно, на самом деле, только живым, развивающимся системам. В мертвых, неорганических системах энтропия всегда растет - сложное распадается на более простые элементы (о чем нам наглядно напоминает процесс гниения). Таким образом Гоббс оптимистически предположил, что история цивилизации - это антиэнтропийный процесс развития, который ведет человека от банального скотства к чему-то более высокому.

Такого природного положения, какое он полагал в начале истории цивилизации, действительно не было. Но такое положение стремительно надвигается по мере нашего приближения к ее концу. Равенство прав, людей и народов, превратилось в навязчивую идею в мире западной политики. Она захватывает массовое сознание, в котором это равенство прав никак не скоррелировано с соответственным равенством ответственности. И былая (черно-белая) математическая модель, которая была очевидным упрощением реальности, в упрощенном понимании широких масс грозит превратиться (и во многих странах уже превращается) в чаемый идеал.

Королей больше нет, положить конец своеволию. При такой тенденции, когда "каждый свободен решать, в чем он нуждается, чем он владеет и в чем состоит правильное поведение и достойный образ жизни" нам еще только грозит осуществление пророческой антиутопии

Гоббса: "войны всех против всех". При современных средствах это не обойдется поединками одиноких храбрых рыцарей или даже битвами лихих воинственных ватаг, а грозит гибелью всему человечеству. Это значит, что история, по крайней мере в той части нашей цивилизации, где эта угроза реальна, вопреки видимой глобализации, движется задом наперед (от сложного к простому) и представляет собой скорее процесс разложения, чем развития.

Действительно, происходивший на наших глазах распад всех империй, постепенное отделение Шотландии от Англии, близящийся распад Бельгии и Канады заставляют думать, что и бескровное разделение Чехословакии, кровавый распад Югославии, и даже, все еще не завершившийся, развал Советского Союза происходят в рамках той же общей исторической парадигмы.

Может быть, и отчуждение евреев, и выделение (отпад) Израиля из состава "иудео-христианской" цивилизации (а ведь была в прошлом и "иудео-мусульманская") должно рассматриваться нами не как поразительная историческая флюктуация, связанная с пророческими идеями Герцля или с адскими фантазиями Гитлера, а как закономерный результат того же общего процесса распада этой цивилизации, ее социальной и культурной эволюции (хотя в данном случае уместнее назвать ее "инволюцией"), которая не приемлет какого-то важного чужеродного цивилизационного признака, по-видимому, заложенного в евреях еще на заре времен. Похоже, нечто вроде такого катастрофического предчувствия охватывало и библейского Ноя перед Всемирным потопом и, уж наверное, привиделось нашему предку Аврааму в Уре Халдейском перед его необъяснимым уходом в неизведанную страну.

Позвольте мне еще раз процитировать Шпенглера, который при всех своих недостатках глубоко переживал возможный конец своей западной, европейской цивилизации: "Пацифизм либеральных столетий должен быть преодолен, если мы хотим жить дальше. Является ли галдеж против войны ... серьезным отречением от истории за счет достоинства, чести и свободы? Потребность в покое, в застрахованности от всего, что нарушает рутину, означает сорт мимикрии, замирание человеческих насекомых перед опасностью, торжество бессодержательного существования, в скуке которого джазовая музыка и танцы негров играют похоронный марш великой культуре....."

Согласны ли мы следовать и дальше вместе со всем Западом по этой дороге до конца, или наш, отколовшийся от континента "великой культуры", островок начнет свой новый неизвестный путь, узнают, может быть, только наши внуки.

ПРОРОКИ И "ПРАВЕДНИКИ"

Усвоенный нами в средней школе примитивный марксизм сыграл некую положительную роль в нашем мировоззрении.

Нас не пугают слова, что "государство есть орган насилия" и нас не шокирует любимая цитата Остапа Бендера из "Золотого теленка": "Большинство крупных состояний в современном мире нажито нечестным путем."

Но есть на свете чистые души, не задетые жизненным опытом, которые не смиряются с такой низкой прозой. Какое-то количество таких людей обязательно присутствовало во всех западных правозащитных организациях еще со времен Холодной войны, сообщая им оттенок политического бескорыстия, пока этот оттенок не выветрился окончательно в наше суматошное время. Многие прекрасные души украшали также и хорошо мне знакомые российские диссидентские кружки 60-х. Пожалуй, тот парадоксальный факт, что никто из этих кружков так и не вошел в демократический истеблишмент сразу после Перестройки, показывает, что чрезмерная чистота помыслов несовместима ни с каким реальным жизненным успехом. Для прочного жизнеустроения необходим корневой личный интерес, хотя и не обязательно материальный.

Такой интерес, конечно, присутствовал в сионистском движении, которое ставило себе целью вырваться из СССР

и состояло отнюдь не из праведников, озабоченных только юридической справедливостью своих требований.

Такой интерес несомненно присутствовал и у ранних киббуцников и первых индустриализаторов в Израиле. Никто из них не был праведником или юридическим казуистом. Они строили это государство для себя. И для своих детей и внуков. И понимали это.

Но уже в поколениях их детей и, особенно внуков, беспечная жизнь под защитой закона и, созданной усилиями нещепетильных дедов, израильской армии, сформировала заметный процент крайне бескорыстных идеалистов, готовых (по крайней мере, на словах) пострадать, но не отступить от принципов, каким добросовестно учили их не столь добродетельные родители, воспитанные в жестоких странах. Спустя десятилетия эти люди иногда приходят в ужас, узнавая ненароком, что родители поступали не всегда безупречно.

Израильская культурная элита как-то до сих пор затрудняется открыто признать, что своим основанием наше государство (впрочем, подобно всем иным государствам) было обязано отнюдь не всемирно известному письму лорда Бальфура и не компромиссному решению ООН, заведомо составленному так, чтобы из него ничего не могло получиться, а твердой решимости тысяч озверевших от безнадежности евреев победить или умереть в Войне за независимость.

Если при этом в ходе военных действий какое-то число враждебного населения было в сердцах убито и разорено, то поражаться следует вовсе не самому этому факту, а скорее тому, что таких жертв оказалось все-таки сравнительно мало.

Израильской элите никуда не деться от фундаментального знания, что их отцы и деды захватили эту землю силой, что бы кто ни говорил, и с тех пор десятки лет удерживают ее силой. У гуманитарной (особенно, художественной) элиты присутствует тщетная надежда перескочить этот некомфортный моральный барьер на пути к своей, впрочем, невиданной в истории, праведности.

Хотя это выглядит, как совершенно детское заблуждение, в склонности израильской культурной элиты к комплексу вины различимы свои чисто еврейские корни. Израиль имеет специфическое наследие почти трехтысячелетней давности, которое в какой-то степени может оправдать легкомысленное с обычной точки зрения поведение интеллектуалов.

Наши древние пророки, горько упрекая свой народ в неблагочестии, утверждали, что предстоящие Израилю военные поражения в жестоких войнах с Ассирией (а потом и с Вавилоном) будут посланы ему за его грехи: "За то, что они оставили закон Мой ... и не слушали

гласа Моего, и не поступали по нему; ... вот, Я накормлю их... полынью, и напою их водою с желчью. И рассею их между народами, и пошлю вслед им меч..."

Хотя в наше скептическое время кажется, что были для этих поражений и более обыденные причины, древние пророки смотрели чрезвычайно, даже может быть чрезмерно, глубоко:

"Походите по улицам Иерусалима, посмотрите, разведайте, поищите на площадях его, не найдете ли человека, нет ли соблюдающего правду, ищущего истину? ... Дома их полны обмана; через это они и возвысились, и разбогатели. Сделались тучны, переступили даже всякую меру во зле, не разбирают судебных дел, дел сирот, благоденствуют и справедливому делу нищих не дают суда. ... Как лук, напрягают язык свой для лжи..Всякий брат ставит преткновение другому и всякий друг разносит клеветы. Каждый обманывает своего друга, и правды не говорит... ..Сердце мое рвется во мне, все кости мои содрогаются, стал

я подобен пьяному... Из-за Господа, из-за святых слов его, потому что страна полна прелюбодеев, потому что скорбит страна из-за ложной клятвы, засохли пастбища в пустыне; стремление их - зло и сила их в неправде." (Иер.23, 9,10,11)

- Ну, действительно, похоже, что нравственный прогресс сильно отстает от технического. Человечество, хотя уже очень далеко ушло от лука и стрел, еще и теперь не пришло к верности и прямоте.

"Неужели Я не накажу их за это? Говорит Господь. ...

Вот Я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, народ сильный.... Колчан его как могила разверстая... И поест он жатву твою и хлеб твой, съест он сыновей твоих и дочерей твоих, съест овец твоих, объест он виноградник твой и смоковницу твою; опустошит мечем укрепленные города твои, на которые ты надеешься..." (Иер.5 , 15.16,17)

Может быть, все это и было именно так. Пророков жгли несправедливость и неравенство, царившие в обществе, и, особенно, идолопоклонство людей избранного народа. - "Вы оставили Меня и служили чужим богам ..Производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы, и невинной крови не проливайте..." Пророки решительно предпочитали гибель и поражение Израиля безответственной жизни в пучине греха. "Если спросят тебя (т.е. Иеремию, прим. А.В.): "куда нам идти?", то скажи им: так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть; и кто под меч - под меч; и кто на голод - на голод; и кто в плен - в плен.... Устал Я миловать..." (Иер.15 ,2,6) Кому такой призыв придаст силы?

Вряд ли грехи Израиля заметно превосходили общечеловеческие грехи смежных народов, но пророки требовали от своего народа больше, чем от других. И считали военные поражения заслуженным наказанием "за слезы вдов и сирот", проливаемые от притеснений "сильными в Израиле".

Впрочем, по нравам того времени "вдовам и сиротам" грозили от агрессора те же смерть и неволя, что и "сильным".

Неистовый Иеремия заходил в своем пораженчестве так далеко, что открыто требовал прекратить всякое сопротивление Вавилонскому завоевателю. Царю Седекии (Цидкиягу) нехотя пришлось посадить его в яму, чтобы предотвратить разлагающее влияние его пропаганды на народ и армию.

Особенно резко Иеремия возражал против заигрывания Седекии с Египтом, как единственным тогда потенциальным союзником против восточной супердержавы. "Египет, - говорил еще другой пророк - как трость надломленная. Тому, кто обопрется о нее, она войдет (т.е. вонзится, прим. А.В.) в руку." Таким образом и в те, уже далекие, времена пророки не одобряли иллюзорные надежды на Запад перед лицом сокрушительного враждебного натиска Восточных деспотий.

Призывы пророков не спасли Израиль две с половиной тысячи лет назад, но заметно продвинули моральное состояние всего цивилизованного человечества за это время, так что в большей части мира эти разоблачения сегодня уже не всегда и не полностью актуальны. За 65

лет прошедшие после провозглашения независимости и Израиль уверенно присоединился к этой преуспевшей части; быть может, не в последнюю очередь именно потому, что считался с заповедями пророков в гораздо большей мере, чем окружающие его общества. Значит ли это, что бывшие проклятия пророков сегодня уже теряют свою силу?

Простой еврейский народ в массе, к сожалению, и тогда, и сейчас, был не слишком внимателен к речам пророков. Другое дело - интеллектуалы, оттачивавшие на риторике пророков свой стиль в высоком иврите и красующиеся своим гуманизмом. "Вдовы и сироты" (т.е. имущественное неравенство) и "пришельцы" (т.е. палестинцы, иностранные рабочие и инфильтранты из Африки) превратились в главные темы, на которых ивритские журналисты, театральные режиссеры и кинопродюсеры упражняются в своей праведности. Однако, правда состоит в том, что вопрос о праведности, как и две с половиной тысячи лет назад, начинает волновать простой народ только после решения всех остальных вопросов.

Можно, конечно, осуждать такую простоту. Но наивно ожидать от народа беженцев и диссидентов самоотверженности, превосходящей все международные нормы. Ситуация становления, возникновения и укрепления государства, в начальной фазе которой мы сейчас находимся, соответствует совсем не временам Иеремии, когда Израиль (т.е. Иудея, прим. А.В.) был уже на закате своего более чем 300-летнего существования и изрядно нагрелся), а ранней поре завоевания Ханаана ("Книги Судей"), когда Израиль был еще буйной конфедерацией племен и не ведал ни греха, ни праведности.

И сейчас ведь нет у нас еще морального единства в Израиле, как нет и согласованности (т.е. "царя" - прим. А.В.) в деятельности разных государственных институций. Речи пророков не потеряли своей моральной силы, но они потеряли большую часть своей применимости к сегодняшней обстановке.

Именно пророки особенно популярны в среде христиан, привыкших восхвалять (но отнюдь не всегда практиковать!) уступчивость и кротость. Оказалось, что наиболее сочувственную аудиторию израильские интеллектуалы обрели не в своей стране среди соотечественников, а в Европе, среди потомков многолетних гонителей своего народа. Сомнительность такой позиции отнимает у них ту моральную высоту, которую могло бы дать им следование пророкам, тем более что такое, слишком буквальное следование, ведет к дезориентации народа и, в конечном счете, к национальной аннигиляции.

Спору нет, и морально, и материально еврейскому народу было бы лучше жить в признанных границах и опираться на твердые международные соглашения, гарантирующие его безопасность. Но судьба в XX в. распорядилась иначе. И я боюсь, что при сложившейся международной атмосфере ожидать таких соглашений нам предстоит еще много лет.

Поверхностное и необъективное освещение событий в СМИ привело к тому, что любой обыватель в любой стране считает себя сейчас вправе уверенно судить об Израиле и его политике. Заветы наших пророков, конечно, отчасти изменили мир (большую его часть), но до праведности ему все еще бесконечно далеко. Сентиментальные проповеди о "вдове, сироте и пришельце" все теперь любят приговаривать как заклинание, но в Торе им предшествуют гораздо более фундаментальные указания, которые равно игнорируются и нашими знатоками Библии, и, особенно мировым общественным мнением (включая большинство делегатов ООН): "Не разноси ложного слуха; не давай руки твоей нечестивому, чтобы быть свидетелем о неправде.

Не следуй за большинством на зло и не отзывайся в тяжбе, кривя судом, лишь бы клониться к большинству. И нищему не потворствуй в тяжбе его." (Исх. 23, 1,2,3) Эти основополагающие принципы, на которых покоится всякое представление о праве, были сформулированы еще до того, как еврейский народ столкнулся с линчующими толпами, еще задолго до "кровавых наветов", до дела Дрейфуса, до доклада Голдстоуна и до бесчисленных, единогласно осуждающих Израиль, резолюций ООН.

К сожалению, израильская гуманитарная интеллигенция не воспользовалась своим превосходящим знанием Священного Писания, чтобы вразумить всемирных гуманистов, ищущих, где и как им применить свою доброту и склонность к милосердию. Если бы израильская техническая интеллигенция, вопреки былым увещаниям пророков не преуспела в технологическом развитии и, в частности, в военной технике, которая сдерживает наших темпераментных соседей, вряд ли нашим прекрасным душам еще долго удалось бы удивлять мир своим самоотверженным гуманизмом.

МИР КАК ВОЛЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

" ... человеческая реальность состоит не из времени и пространства, а из неизвестно чьих шепотов, бормотаний, выкриков и голосов."
Виктор Пелевин "Зал поющих кариаид "

Волею судеб Израиль оказался связан с Западной (можно назвать ее и Европейской) цивилизацией бесчисленными нитями технических, экономических и моральных обязательств. А также парадоксальной сентиментальной преданностью большинства населения. Поэтому благополучие и безопасность этой цивилизации в слишком большой мере определяет и наше благополучие.

Способность этой цивилизации защититься от вторжения врагов или чуждых варварских норм поведения определяется не военными силами. Материальные силы свободного мира (с небольшой натяжкой можно эту цивилизацию называть и так) почти безграничны. Однако готовность западного человека следовать собственным принципам сегодня повсеместно сильно подорвана. Он и сам по временам не прочь повесить серьгу в нос, разрисовать татуировкой свое тело и заткнуть рот оппоненту. Во всех европейских странах растет процент неонацистов, антиглобалистов, сатанистов и всяческих отщепенцев ...

В таких условиях избиратель (благо в этих демократических странах кое-что еще зависит от избирателя) хочет от своего политического руководства какого-то прояснения, как говорят журналисты, "политического горизонта".

Однако в делах и речах современных политиков часто поражают логические несуразности, непоследовательность, отсутствие исторической перспективы - недостаток всего того, что, казалось бы, должно составлять основу профессиональных качеств общественного деятеля. Это часто дает рядовым гражданам основания пренебрежительно судить о политическом руководстве и ощущать свое интеллектуальное превосходство. Возможно, оправданное...

Однажды на отдыхе мы с девятилетним внуком шли вдоль деревенской улицы в немецкой деревне, и он меня спросил: "Почему все в Израиле так сильно ругают правительство?". Мы в это время подошли к местному кафе, и я задержался с ответом, заходя напить. У стойки с пивом толпились местные жители и громко орали. Все перекрывал мощный согласный рев: "Unsere Regierung - Scheisse!" ("Наше правительство - говно!"). "Вот видишь", - сказал я внуку: "Мы не одиноки." ...

Издваться над своим правительством даже вошло в джентльменский набор всякого западного интеллигента. Джорджа Буша американские интеллектуалы единогласно считали дураком. И Рейгана, кстати, тоже...

Однако, что такое интеллект и каким образом его можно применить к реальности общественной жизни?

По-видимому, интеллект - это способность анализировать сложную реальность, выделять существенные тенденции в хаотическом потоке событий, распутывать клубки противоречий, различать главные и второстепенные скрытые мотивы и предвидеть будущие последствия поведения людей и организаций. Одним словом, схематизировать.

То есть, упрощать. Несомненно, что это хорошо для понимания действительности. Многие интеллектуалы хорошо ее понимают...

Хорошо ли это для эффективного воздействия на нее? Непременно ли для такого воздействия необходимо детальное понимание?

В этом, как раз, можно сомневаться.

Когда, выехав из России, я впервые посетил США, со мной захотели встретиться люди из РЭНД Корпорэйшн (исследовательская фирма, которая составляет аналитические обзоры для правительства).

Может быть, они рассчитывали узнать от меня какие-нибудь важные российские секреты?

Я пошел на встречу, уверенный, как и все советские диссиденты, до и после меня, что, наконец, открою глаза этим жалким, беспомощным либералам, которые спят на краю пропасти, куда вот-вот готов провалиться весь их демократический мир...

Обе стороны были разочарованы встречей. Оказалось, что мне нечего сообщить об СССР, чего бы лихие ребята из РЭНД не знали. Обо всех аспектах советской жизни они были осведомлены гораздо лучше меня.

Я был поражен их осведомленностью и спросил: "Почему же ваш президент ведет себя и высказывается так, будто он ничего об СССР не знает и не понимает?" Вместо ответа эксперт, беседовавший со мной, приоткрыл дверь в соседнюю комнату и крикнул: "Бен, поди-ка сюда! Здесь у нас сидит парень, который верит, что наш Президент, принимая решения и пронося свои речи, считается с нашими отчетами..."

А с чем же считается президент?!

Экспертные оценки фактического состояния дел - вроде тех, что дает РЭНД-корпорейшн - лишь один из факторов, и часто не главный, влияющих на принятие ответственного решения.

Политическая реальность является только наполовину материальной, а более чем наполовину виртуальной, воображаемой и изображаемой (см. Л.Штильман, "22", N152).

Соподчинение элементов этой действительности не поддается строгому мышлению, прежде всего потому, что в первую очередь приходится учитывать, как раз, полностью нестрогое мышление многомиллионных соучаствующих масс. Это мышление только в исключительно редких случаях определяется волей политических деятелей. Скорее политические деятели сами являются заложниками (а наиболее успешные - даже медиумами) спонтанно сложившихся массовых стереотипов.

Всякий предмет, приковывающий общественное внимание, всякое

явление и всякое государственное устройство имеют три разных модуса существования:

1) Что на самом деле. 2) Что люди об этом думают. 3) Что профессиональные оценщики - реклама, масс-медиа или журналисты, критики или эксперты - захотят нам представить. Три эти стороны одного образа редко находятся в гармоническом согласии, и относительный вес его компонент в разных группах людей совершенно разный.

При современном уровне глобализации мы стоим перед почти непроницаемо вязкой общественно-политической реальностью, в отношении которой любое воздействие может оказаться катастрофическим по своим последствиям. Одновременно, эта топкая трясина бесконечно податлива. Случайный локальный скандал или колебание биржи может изменить весь пасьянс. Политическая реальность в отличие от материальной состоит из совершенно несопоставимых, разнородных элементов, среди которых не только трудно угадать относительную важность каждого, но и невозможно удержать один и тот же расклад на протяжении заметного промежутка времени.

Согласно одному из сюрреалистических рассказов Борхеса при дворе китайского императора *"все животные делятся на: а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) нарисованных кистью, д) сказочных и е) прочих"*...

Подобно этому и политическая действительность состоит из: *нераспознаваемых государственных интересов, неотличимых от личных интересов их представителей, случайно закрепившихся словесных штампов, военных возможностей, устоявшихся привычек обывателей, исторических народных обид, доходов коммерческих и масс-медийных компаний, решений судов, повсеместных сознательных и произвольных дезинформаций, амбиций должностных лиц и журналистов, случайных недоразумений, зарплаты поденщиков и профессоров, качеств программистов и еще многих, многих прочих реальных и воображаемых элементов...*

Я еще ведь, кажется, не упомянул бесчисленные подкупы, забастовки, посулы и угрозы,

колебания биржи, шпионские и воровские аферы, причуды знаменитостей... Судьбы целых народов зависят от капризов голливудских звезд и остроумия телекомментаторов. Какой бы отдельный аспект реальности мы ни выделили, окажется, что в единственном числе он не является решающим, и многие из них вступают в противоречие (или усиливающее взаимодействие) друг с другом...

60 лет назад при возникновении Израиля мир, казалось, был проще. Нефть была дешевле. Газеты и телевидение были не так влиятельны. Западные обыватели, обнищавшие и напуганные недавней мировой войной, были меньше уверены в себе. Поп-звезды не всегда имели политические предпочтения. Население Израиля было в десять раз меньше и гораздо более однородно. Успехи израильских, да и других демократических, политиков того особого времени ни в какой мере не могут служить примером для сегодняшнего лидера.

Демократия, как сообщество свободных и ответственных индивидов, какой она мыслилась в Американской Декларации Независимости, не существовала, конечно, и в момент ее провозглашения. Но стремление к ней в значительных группах населения европейских стран присутствовало.

Однако за прошедшие 200 лет благосостояние свободных стран сильно выросло. Слишком большая часть их населения, будучи освобождена от давящей ежедневной заботы о хлебе и безопасности, может себе позволить не ограниченное ни страхом, ни нуждой, не мотивированное ни классовым, ни расовым стимулом участие в общественных (а равно и антиобщественных) движениях.

Если в прошлом можно было приблизительно согласиться, что "любовь и голод правят миром", в государствах "всеобщего благосостояния", особенно после успешной сексуальной революции, ничто уже больше миром не правит. Свободный мир стал неуправляем. Политическая жизнь стала не столько полем столкновения интересов социальных слоев, сколько полем столкновения амбиций профессиональных политиков. Моментальный успех стал единственным критерием для лидера. И склонность к компромиссу, иногда и в ущерб здравому смыслу и собственному отдаленному будущему, вошла в регулярную практику этой цивилизации.

Серьезное отношение ООН к требованиям палестинских организаций, которое в 1947 г. диктовалось условиями назревающей Холодной войны и открывало СССР редкий шанс протянуть руку на Ближний Восток, уже и тогда означало многообещающую уступку требованиям террористов изменить в их пользу европейские критерии. Существовавшие тогда же и в Германии организации беженцев из Судетов, Силезии и Польши в просоветских масс-медиа раздраженно называли "реваншистскими".

Как-то в Америке нам с женой пришлось разговориться с хозяйкой придорожного мотельчика. Она оказалась судетской немкой и рассказала, как им с братом (тогда, еще детям - в 1945-м году) пришлось бежать из Чехии. От неминуемой смерти в руках разъяренных чехов их спасла только счастливая мысль деда представляться евреями. (А мы и не знали, что родиться евреем может быть ценным преимуществом!) Вместо того, чтобы, подобно палестинцам, протестовать и всю жизнь мстить чехам они перебрались в Америку и после долгих мытарств открыли свой маленький бизнес...

Представим себе теперь, что миллионы этих "реваншистов", насильно выселенных из своих домов и переживших кровавые погромы и бескровные изнасилования, отказались от вживания в чуждый им, образцовый порядок западных земель Германии, пренебрегли судьбой детей и внуков и решили потратить жизнь на массовые протесты и террор (а при обострении Холодной войны у ЦРУ, возможно, нашлось бы для них и финансирование!). Разгневанные немцы-пруссакки из Померании и Кенигсберга взрывались бы в Берлинском и Пражском метро и захватывали советских, польских и чешских заложников на международных авиалиниях. Требовал бы тогда ООН вернуть "обездоленному прусскому народу" Восточную Пруссию?...

В отличие от "мягкосердечных", ненастойчивых немцев, реваншисты в арабском мире и через 60 лет (т.е., по-видимому, уже их внуки и правнуки) все еще надеются на какого-то Хоттабыча, который произведет для них чудо, до сих пор считавшееся недоступным даже Богу - стереть прошлое и вернуться к границам какого-нибудь прошедшего года...

Впрочем, это только у нас с тех пор прошло 60 лет.

В мусульманском мире время не течет.

Все преобразования в пользу прогресса в прошлом происходили в результате деспотической, едва ли не преступной активности элитарных групп и отдельных деспотов, выбрасывавших массы людей из их традиционных ячеек и превращавших их в резервную рабочую (или военную) силу, которую можно сосредоточить для использования в новом направлении. Огораживания в Англии, войны с индейцами в Северной и Латинской Америке, вывоз рабов-негров из Африки, преобразования Петра I и И.Сталина в России имеют один и тот же смысл - мобилизации и переориентации больших масс населения на иной (потенциально, более динамичный) образ жизни (или смерти).

Все эти действия, спустя столетия справедливо трактуемые как злодеяния, были возможны лишь в той мере, в какой (и только до того времени, пока) большая часть вынуждаемых к переменам людей, не имела собственного голоса.

Атмосфера последних 100 лет, зависящая от общественного мнения, препятствует всякому реальному изменению, ибо всякое рациональное, инициированное сверху изменение общественных условий возможно лишь насильственно. Оно неизбежно ущемляет интересы какой-то части населения, успевшей приспособиться именно к этим условиям.

А всякое насильственное изменение (например, переселение), не согласованное с его жертвами, есть - по современному определению - преступление властей.

Михаил Горбачев, который на Западе оценивается как прогрессивный герой, давший свободу своему народу, воспринимается самим этим народом чуть ли не как преступник, нарушивший их цветущее существование на полдороге к полному торжеству справедливости и в мировом масштабе. Только умелое манипулирование и изощренная демагогия спасли Ельцина от победы коммунистов на выборах...

- И это после всех разоблачений преступлений прежних режимов!

Любые изменения болезненны для какой-нибудь части населения. Особенно болезненны они всегда для той части, которая не склонна (или чаще неспособна) к ним приспособиться. Это прежде всего касается бедных, необразованных и догматично настроенных. Такая коалиция почти всегда побеждает в обществе, где у каждого только один голос. Поэтому в демократических обществах так велика (я бы сказал, решающая) роль политической демагогии, лоббирования и разных форм коррупции. Именно эти отклонения от демократического идеала и обеспечивают обществам некоторую подвижность. Вопросом номер один для каждой демократической страны становится вопрос о направлении результирующего вектора изменений.

Логически безупречные концепции знающих интеллектуалов хороши, как идеологический материал для сплочения кружка сторонников, возможно, группы лоббистов, может быть, даже для основания новой партии. Но вряд ли они могут послужить основой для принятия конкретных сиюминутных политических решений лидеров. Их конкретные решения почти всегда непоследовательны и недально-видны, хотя эффект этих решений часто оказывается долгоживущим. Только из таких - непоследовательных, но со временем ставших прецедентными - случайных решений и составляется тот кусочно-разрывный процесс, из которого мы в своей наивности хотим вылепить непрерывную Историю.

Демократически избранный политик должен не только осуществлять свое головокружительно парадоксальное движение в такой действительности, но еще и как-то объяснять и

обосновывать свои решения одновременно своему и окружающим народам.

Вот почему демократический лидер часто запинается и временами допускает логические зияния в обосновании своих решений. Вот почему он часто подозревается (и то и дело уличается) в лицемерии. Его реакция на видимые всем события одновременно является также и его непризнанным отзывом на те неуловимые дуновения в настроении масс людей, нюансы в тоне дипломатов, колебания в самолюбии влиятельных лоббистов, расхождения в экспертных оценках генералов и аналитиков, которые в своей совокупности внятны только опытным манипуляторам. Успешные лидеры обладают интуицией игрока, которая подсказывает им момент для удачного хода, когда интеллект молчит (и, может быть, даже мешает?).

Тридцать лет назад весь мир и заметная часть нашего населения был в бешенстве, когда Израиль разбомбил атомный реактор в Ираке, на котором работали французские техники. Теперь мир должен был бы поблагодарить за это Менахема Бегина (см. Приложение ниже), а европейские техники вряд ли еще раз захотят попытать судьбу, хотя в тот раз, благодаря деликатности наших спецслужб, французские техники не были задеты. Все же Иран теперь обречен нанимать только более беспечных российских техников.

Тот же Менахем Бегин, вопреки своей идеологии, сопротивлению старых соратников и обоснованным сомнениям, принял решение о мире с Египтом, который, худо-бедно, держится уже почти 30 лет и, похоже, президент Мубарак теперь становится чуть ли не одним из вернейших наших союзников...

Бегин принял оба эти решения потому, что он привык полагаться на свою интуицию больше, чем на экспертные оценки... Это очень неприятная человеческая черта. Но без такой самоуверенности ни один глава правительства не смог бы работать.

Наибольшей самоуверенностью, наряду с магнетической силой внушения, обладают, как раз, некоторые тяжелые психопаты, и это не секрет, что вся история XX века прошла под знаком титанической борьбы двух великих параноиков за господство над миром. Оба они, и Сталин и Гитлер, неоднократно принимали решения, радикализм которых поражал современников, заставляя одних признавать их гениальными, других - безумными. Их деятельность во многих деталях до сих пор порождает ужас в свободном мире и, пожалуй, ученическое, неумелое подражание и обоснованную зависть в несвободном мире деспотов и экстремистов.

Невообразимая сложность современной реальности поощряет обывателя к вере в вождей. Все более слепая вера в вождей, в сочетании со столь же слепой верой в универсальные демократические процедуры формирует в "свободных" обществах необоснованную надежду на чудесные решения неразрешимых проблем. Эта вера у избалованного легкой жизнью обывателя, привыкшего вручать свои проблемы политической элите, то и дело берет верх над всякими рациональными соображениями и здравым смыслом.

После целого столетия веры в "науку", Историю, эволюцию, объективные условия, производительные силы, "классовые" и "расовые" интересы; после Льва Толстого с его "народным разумом" и Карла Маркса с его "классовой борьбой" и "производственными отношениями"; после возникновения и развития научной социологии и признанных успехов антропологии, мы опять, как старуха к разбитому корыту, возвращаемся к произволу предводителей, эпидемическим народным психозам в духе Крестовых походов и "Священных войн" и отчаянным планам заговорщиков...

Наступает всеобщее господство волюнтаризма. Мир уже больше не "объективная реальность, данная нам в ощущениях", а скорее опять "воля и представление", как было до исторического материализма, во времена королей-завоевателей, волшебников и героев. Не пора ли уже поверить и в чудеса?

ЗАВЕТ КОНФУЦИЯ

Обдумывая нашу сегодняшнюю ситуацию, я обнаружил поразительное коллективное явление, типичное для израильской "русской улицы". В Союзе мы были как бы заодно с прогрессивной интеллигенцией против "предрасудков" простого народа, а в Израиле мы, в общем, оказались заодно с простым народом против интеллигенции.

Я даже чувствую, как во мне просыпается болельщик израильской баскетбольной команды. А в СССР я мог бы болеть только за чехов... Как это мне удалось, наконец, слиться с простым народом?

Поверхностный взгляд шовиниста немедленно найдет объяснение: "Конечно, ведь это разные народы. Вы, евреи, были против русского народа, а здесь вы заодно с евреями". Это совершенно ложное объяснение. Израильская интеллигенция тоже состоит из евреев и, кроме того, мы никогда не были настроены против русского народа. А еврейский простой народ у многих выходцев из России часто даже вызывает ужас и неприятие. Но, к счастью, это чувство пока не приобретает политического характера.

Парадоксальная правда состоит в том, что израильская интеллигенция в некотором отношении похожа на советскую. Но рывок из СССР сильно изменил наше сознание. Мы познакомились с либеральным Западом вблизи. И мы ощутили горячее дыхание Востока непосредственно на своей коже...

Причина отчуждения интеллигенции от народа в обоих случаях одна и та же. Интеллигенция в обеих странах - неукорененная европеизированная часть народа. Она мыслит в европейских терминах, сообразуясь именно с европейскими, ориентированными на "прогресс", представлениями о жизни и справедливости, которые большинству евреев в России очень импонировали.

Чем интеллигент живет? Ученый он или писатель, артист или инженер, он своим творчеством обращен ко всему миру. И, конечно, честолюбие подталкивает его к оригинальности, порой не считающейся с рутинными взглядами и народными предрасудками. Мы там легко перенимали такой как бы естественный взгляд.

Простой же народ, повсюду заземленный, мыслит в своих местных масштабах, в пределах только реальной ситуации, сообразуясь с собственным коллективным интересом, как он его понимает, здесь и сейчас. Тут действительно важно, что речь идет о разных народах в разных ситуациях. Русский народ, которому извне ничто не угрожает, приученный своей историей к великодержавию, очень ценит свой престиж и международное значение. И готов уделить этому чувству первое место в своем сердце. Ему безразлично, что говорят про него грузины, финны (и даже осетины), и как оценивают его значение в мировых столицах. А еврейский народ, многократно гонимый, что бы про него ни сочиняли разные "интеллектуалы" типа проф. Ш.Занда, хочет выжить при всех условиях, и как народ, и каждый сам по себе. Так что успехи баскетбольной команды для него значат не только, что наши ребята хорошо играют, но и что нас уже не сковырнешь...

Это совсем не один и тот же интерес. Конечно и простым израильтянам вовсе безразличен их международный престиж и авторитет, но им слишком часто не до того. Перед непосредственной угрозой гибели, которая то и дело маячит перед глазами израильтянина, общие понятия "права", "законности", "невмешательства" и "доброй воли", которыми оперирует европейская и европоцентрическая элита, отступают. Перед ним, незаслоненный чрезмерным философствованием, стоит вопрос жизни и смерти. Инстинкт человека знает еще до сознания, что только жизнь - это продолжение, а смерть - это конец игры. Их нельзя поменять местами. В отличие от арифметики сумма здесь сильно зависит от перестановки мест слагаемых.

Любая ситуация, в которой участвует эта универсальная реальность - смерть - не вполне охватывается международным правом и юридической логикой. Если в начале идет смерть, то последующее торжество права уже лишено смысла (по крайней мере, для простого народа).

Поэтому любая сделка или компромисс, которые включают подобный риск, для здравого смысла в наших условиях неприемлемы.

Израильским интеллектуалам почему-то такая простая мысль не дается. Может быть потому, что она выходит за пределы формальной логики, которая многим кажется достаточной для понимания? Ни международное право, ни гарантии Великих держав, ни даже "права человека" после поражения Израиля нам уже не понадобятся...

Конечно, я мог бы посвятить свою статью доказательству того, что "право" и "справедливость" тоже на нашей стороне. Это было бы не слишком трудно, и многие журналисты - к сожалению, в большинстве иностранные - уже неоднократно это делали. Но это было бы чисто интеллигентской уловкой.

Потому что все то, что до сих пор называлось правом и справедливостью было лишь идеализированными условиями сосуществования европейских народов (и народов, происходящих из Европы), уже захвативших и освоивших свои территории. И право, и справедливость - понятия, выработанные ими в ходе их сложной многовековой борьбы, в которой и то, и другое (а, особенно, территории) систематически корректировалось (и искажалось) с вмешательством силы. Ничего подобного, никакого "права" и никакой "справедливости" не существует для народов, которые еще не самоопределились и не успокоились, например, в Африке или на Ближнем Востоке.

Я однажды слушал объяснения гида в старинном германском замке. Кто-то из публики спросил, почему в этой области так много укрепленных замков. Гид, не задумываясь ответил: "Ну, ведь тут близко Франция, а французы - известные разбойники!" Вот - это и есть европейский мир, до которого нам все еще очень далеко...

Весь мир сейчас переживает именно такой момент, когда массивное вмешательство силы (теперь силы, чуждой европейских понятий) в очередной раз пытается скорректировать наши понятия и условия нашей жизни. К сожалению, это корректирование (скорее похожее на искажение) происходит так интенсивно, что от прежних принципов не остается и следа.

Тут дело не в том, что какой-нибудь сирийский диктатор требует сначала уступить ему Голаны, с которых простреливается весь Израиль, а потом начать (а, может, и не начинать!) договариваться о мире. Правящие деспоты-самозванцы и вожди террористов всего мира, пользуясь склонностью либеральных режимов решать дело миром, пытаются переобозначить и переосмыслить все слова и политические термины бывшего европейского мира в свою пользу. Так, строительство новых поселений и освоение пустынных земель Израилем называется палестинскими "лидерами" агрессией, а их систематический обстрел населения из "Катюш" - "законным сопротивлением оккупации". Такое переобозначение необходимо слабому амбициозному агрессору, у которого нет силы победить, но достаточно наглости, чтобы напугать и что-нибудь разрушить.

Хотя я, конечно, больше всего заинтересован именно в Израиле, это варварское искажение первоначального смысла слов можно наблюдать во всем мире. Замбийский диктатор Мугабе, домучивший свою страну (до него бывшую житницей Европы) до голода, упрекает США в нарушениях прав человека. Президент Ахмадинежад, предварительно объявив своим долгом "стереть Израиль с карты мира", высылает в Газу "корабль миротворцев". Кого с кем мирить?

ООН, задуманная как инструмент достижения согласия народов, превращается в цирк, где каждый отдельный правитель, используя свое толкование слов, может безнаказанно демонстрировать пренебрежение к этому согласию. Никто не смеет публично назвать ложью речи Уго Чавеса о его "настоящей демократии"... Юмор ситуации состоит в том, что, быть может, в своем собственном понимании он и не лжет. Таков его (или его народа) уровень развития.

Во времена Конфуция Поднебесная Империя раздиралась междоусобными войнами. И,

спрошенный императором, Конфуций, чтобы достичь мира, посоветовал вернуть всем словам языка их прежний, исходный смысл. Тогда скрытые намерения каждого будут ясны всем, коварство станет невозможным, и заговоры и войны прекратятся. Император оказался не в силах это сделать, и Китай окончательно пришел в упадок. Власть императоров тогда, как и сейчас, не распространялась на общеупотребительный язык и, тем более, на тайные замыслы амбициозных авантюристов.

Приобщение к европейским понятиям стран, не прошедших европейской истории, грозит абсолютным извращением смысла всех принятых до сих пор фундаментальных понятий.

Пол Пот, зверски умертвивший несколько миллионов своих соотечественников в Камбодже, перед тем окончил Сорбонну и составил свою репутацию лидера в "свободолубивой" Парижской среде, как революционер и "борец против колониализма".

Как нам быть теперь со словом "революционер"? Сохранять ли за ним привычную положительную коннотацию?

Можно ли теперь поверить, что его "революция" имела целью народное счастье? Так ли уж страдал народ Камбоджи под гнетом французов? Куба до сих пор не может оправиться от последствий своей "освободительной" революции. Наконец, "мусульманская" революция принесла несчастье не одному Ирану - под угрозой теперь существование человечества.

Не пора ли сменить вехи?

Именно так решили после печального опыта революции 1905 г. в России несколько опомнившихся русских интеллигентов, опубликовавших знаменитый сборник "Вехи", подвергший справедливой ревизии идеологический багаж (и значения слов) бывшего российского мыслящего общества...

Оказалось, уже слишком поздно для России. Былая русская интеллигенция пошла в таксисты в разных центрах эмиграции, а, пришедшая ей на смену, советская, пережив пару десятков лет интенсивных репрессий и чисток, потеряв тысячи талантливых своих представителей, начала свою историю с самого начала. Это начало почти совпало по времени с началом израильской интеллигенции.

Новая многомиллионная русская интеллигенция (в основном, техническая и в большом проценте состоявшая из евреев) была Александром Солженицыным пренебрежительно названа "образованщиной". Он имел в виду отсутствие у новой популяции глубокой гуманитарной культуры, что, конечно, не было их виной. Изоляция от прошлого (и от заграницы) была в СССР настолько полной, что современному молодому человеку уже трудно будет поверить, что первым "самиздатом", подпольно ходившим по рукам, был совсем не Солженицын, а стихи Цветаевой и Гумилева, Ахматовой и Пастернака. Даже П. Чаадаев из XIX века был недоступен обыкновенному гражданину. Мне удалось прочесть его в Ленинской библиотеке только после защиты докторской диссертации, которая тогда открывала доступ к "закрытым" фондам. При этом библиотекарь сомневался, является ли моя докторская степень по физике достаточным поводом для знакомства с философом-современником Пушкина. Он успокоился, лишь услышав от меня, что "философия Чаадаева мне необходима для успешной работы в лаборатории". Т.о. стало ясно, что и сам хранитель этого "закрытого" фонда Чаадаева не читал...

Гуманитарная культура России была искусственно заморожена на уровне первой половины XIX в., по отношению к которому труды Карла Маркса могли казаться глобальным научным достижением. Но, возникшая в те же годы, израильская интеллигенция (очень часто с русскими корнями) вовсе не была изолирована от мира. Тем не менее, она в значительной мере следовала тем же путем, включая марксизм (правда, иногда в своеобразном сочетании с толстовством), и зачастую принимала наивную до примитивности советскую продукцию (и даже заведомую пропаганду) с искренним энтузиазмом.

... Конечно, Солженицын был несправедлив. Даже и с тем минимальным багажом, что у нее остался, советская интеллигенция - худо-бедно - сумела вооружить (и технически, и

психологически) свой народ для противостояния гитлеровской агрессии. И израильская элита - до-"Веховская", неэволюционистская, ожидавшая наступления "царства Божия" сразу после военной победы, не имевшая своей собственной философии, основывавшая свои принципы на поверхностно понятых европейских понятиях - сумела вывести Израиль, почти начисто лишенный природных ресурсов и не имевший традиции государственного существования, на заметное место в мире по многим важным показателям.

Может быть и та, и другая интеллигенции, глубоко пережив и осмыслив опыт народных революций тоже растеряли бы свой незрелый, юношеский оптимизм. Если бы они усвоили поздний западный, скептический взгляд на человеческую природу, отнявший волю к жизни у европейских народов, они не сумели бы вынести те поистине грандиозные нагрузки, которые навалила на них судьба. Ругать их - смертный грех...

Но, чтобы жить дальше, необходимо разорвать неразрешимые порочные круги, которые образовала в нашей жизни их эклектическая идеология. Стремление к абсолютной правоте, чуть ли не к праведности, заводит наших интеллектуалов в глубокое противоречие с политической реальностью Ближнего Востока. Роковая несовместимость культур остается подводным камнем "мирного процесса" с мусульманским миром, который не растворяется в пылких речах наших писателей и демонстрациях нашей доброй воли. Непризнание этой несовместимости обрекает интеллектуала на поверхностность, которая исключает понимание действительности. Чем выше взлетает его мысль, тем дальше она от реализма.

Вот, что говорит один из ведущих писателей Израиля, профессор Хайфского университета А.Б. Иошуа: "Мы, еврейский народ, в сущности - некий андрогин, в том смысле, что мы, одновременно, нация и религия... Нас в какой-то момент сделали такими, изначально и по существу дефективными... Мы, нечто самопротиворечивое в самом себе, ... дефективный андрогин, никогда не могли создать для себя нормальный дом. ...Именно поэтому андрогин, каким мы все являемся, вызывал и вызывает к себе такую ужасающую ненависть. ...Потому что всегда был и остается вопрос - что же это такое в действительности? Религия ли это? Или нация?"

Может ли такой взгляд составить основу для самоуважения? Может ли простой человек с незасоренными мозгами поверить, что "ужасающая ненависть" к евреям вызвана каким-то отвлеченным вопросом философского характера?

Комплекс затуманенной европейским образованием идентификации приводит и к безграничной политической левизне, и к оправдательной позиции израильской интеллигенции, в которой обнаруживается ее поразительная готовность принести интересы своего народа в жертву интересам (и даже амбициозным фантазиям) чужого.

Обращенность "ко всему миру", столь типичная для интеллектуалов вообще, провоцирует склонность к сенсационным "разоблачениям" своего общества, которые охотно подхватываются враждебной пропагандой. Так, например, профессор Бенни Моррис, в своей книге "1948. История первой арабо-израильской войны", сообщает (впрочем, неубедительно) что часть голосов, необходимых для провозглашения независимости Израиля в ООН в 1947 г., была куплена за взятки международными еврейскими организациями. Профессор сообщил эту сомнительную сплетню, ходившую в кулуарах Британского Министерства Иностранных Дел, спустя 60 лет после образования государства, населенного 6-тью млн.евреев, выдержавшего 6 войн с арабским окружением, поставив тем самым под сомнение законность его существования.

Как физик, я привык к примату реального перед условным: существование государства для меня неизмеримо более весомый факт, чем любые обоснования его легитимности. Может быть это и делает меня близким к простому народу?

Стоит ли гадать о мотивах профессора-гуманитария? Я не сомневаюсь, что проф. Моррис уже получил из-за границы несколько приглашений с лекциями.

Какие бы усилия израильская культурная элита ни предпринимала для своей реабилитации, фундаментальный факт остается неопровержимым: мы (точнее, их собственные отцы и

деды) захватили эту землю для того, чтобы на ней жить, подобно всем другим народам. Как бы это ни произошло, у нас нет никаких оснований для комплекса вины. Как сказал Эрнест Ренан о древнем Израиле: "Израиль творил свое дело так, как творятся вообще все человеческие дела: путем насилия и коварства, посреди препятствий, страстей и бесчисленных преступлений." Вряд ли история образования других современных государств выглядит чище, чем история Израиля. Но и быть похожим на всех остальных людей не так уж стыдно, особенно если тебе не оставляют выбора, как это случилось в Европе с еврейским народом.

ЭДВАРД ТЕЛЛЕР И МИРСКАЯ СЛАВА

Однажды после заседания попечительского совета Тель-Авивского Университета ко мне в коридоре подошел пожилой джентльмен и в небрежной американской манере спросил, был ли я в России знаком с профессором Ландау.

Я только что выехал из Советского Союза и сильно запинался при разговоре по-английски. Но все же сумел выразить, что был, конечно, знаком, но не слишком близко, потому что я не теоретик... Тут он меня перебил и азартно закричал: "Ну и как, он до самого конца остался таким же дураком, как и в 30-е годы?!..."

Не уверенный, что я правильно понял этот ошеломляющий вопрос, я смущенно забормотал, что учился физике по его гениальному "Курсу Физики" и не совсем понимаю... Он отмахнул все мои возражения одним взмахом руки: "Я ведь не о физике говорю. Я говорю, что он был фанатично предан Советской власти и верил всем их идиотским выдумкам..."

Эксцентричный джентльмен, который не догадывался, что в 30-е годы я вряд ли смог бы судить об умственном уровне Ландау, оказался профессором Эдвардом Теллером - великим физиком и отцом американской водородной бомбы. В молодые годы он вместе с Ландау участвовал в Семинаре Нильса Бора в Копенгагене и, оказываясь, вступал там в горячие споры с ним по политическим вопросам.

Ландау был тогда не одинок. Бесчисленное множество молодых интеллектуалов в Европе всерьез в то время (да ведь и сейчас!) верило, что стоит "научить каждую кухарку управлять государством", как жизнь на земле потечет по иному сценарию. Волки станут пастись вместе с овцами, люди полюбят друг друга и т.п.... Вслед за редкими советскими счастливыми, преуспевшими за границей, Ландау, Шубниковым, Капицей и другими, сотни западных идеалистов рванулись в Россию строить страну победившего социализма. И там искренне пытались слиться и отождествиться...

Некоторым потом удалось вовремя унести ноги. Другие погибли. Им несть числа. От третьих произошли такие устрашающие плоды, как Миша Вольф - будущий глава восточно-германского ШТАЗИ.

После приезда на родину Ландау работал в Харькове, в УФТИ (Украинском Физико-Техническом Институте), который достиг очень высокого научного уровня. Там вместе с ним работала сильная группа немецких и австрийских энтузиастов, которые сделали этот институт авторитетным за границей, и которых впоследствии всех обвинили в шпионаже. Как написал через несколько лет в своем донесении в НКВД директор этого заведения: "в институте возник заговор под руководством Л.Д.Ландау и А.Вайсберга * для саботажа военных работ".

** А.Вайсберг приехал из Берлина в начале 30-х. Вместе с Л.В. Шубниковым (приехавшим из Голландии) - создатель низкотемпературной лаборатории в УФТИ. В 1937 г. после двух месяцев следствия Льва Васильевича Шубникова расстреляли, "как врага народа". Вайсберга (как германского подданного) после трех лет скитаний по советским тюрьмам выдали Гестапо в ответ на письма к Сталину от Эйнштейна и других нобелевских лауреатов. В 1951 г. во Франкфурте на Майне вышла его книга "Ведьмовский шабаш" о его опыте жизни в СССР и сталинском терроре. Верно ли, что до "Архипелага ГУЛАГ" люди на Западе ничего об СССР не знали?*

Профессор М.Каганов ("22", N 117), работавший с Ландау в шестидесятые годы, свидетельствует, будто Лев Давидович впоследствии укорял себя, что понял суть советского режима лишь только после того, как арестовали его самого.

Поскольку я был знаком с ним гораздо позже этого события, мне было легко заверить Теллера, что по моим наблюдениям Ландау в последние годы дураком совсем не был. В первые годы "оттепели" Ландау стали приглашать с популярными лекциями и он высказывался настолько неортодоксально, что часто пугал советскую публику. Я помню, как после одной из таких лекций случайно подслушал разговор двух преданных партийцев из публики. Один из них страшно возмущался кощунственными речами Ландау, а второй уговаривал его, что "от

Ландау государству столько пользы, что партия позволяет ему говорить, что он хочет."

Я в свою очередь спросил Теллера, откуда у него в его молодые годы взялось столько проникательности, чтобы уже в двадцатые, в атмосфере левого энтузиазма в Западной Европе, ясно увидеть, куда идет дело?

Впрочем, и в 40-х, во время войны с Германией, Теллер был достаточно проникателен, чтобы горячо поддержать проект атомной бомбы. А в 50-х, и тем более в 70-х, он не испугался даже прослыть поджигателем войны и махровым мракобесом, настаивая, что коммунизм - это всего лишь разновидность фашизма, и все, кому дорога свобода, должны строить защиту от него.

Как ни странно, в научном сообществе он был почти одинок. Его пессимистическая позиция не вызывала сочувствия прекраснодушных интеллигентов, а его чересчур прямая, эксцентричная манера (кстати, похожая на манеру Ландау) отпугивала людей, привыкших к принятым на западе обтекаемым формам выражения. Те самые западные ученые, которые не знали как ярче выразить свое восхищение мужественной позицией профессора Сахарова, с трудом сохраняли простую вежливость в отношении профессора Теллера, сделавшего (и, по самому существу, провозглашавшего) те же самые идеи.

Теллер смолodu был уверен, что идея планируемого общества, которая восторжествовала в России, вообще ничем иным, кроме безграничной тирании не может обернуться, и поэтому советскому руководству заведомо нельзя доверять, что бы оно ни провозглашало.

Он принял участие в работе над атомной, а потом и водородной бомбой, считая, что от нацизма, равно как и от коммунизма, следует ожидать смертельной опасности демократическому образу жизни.

Я не думаю, что он исходил из какой бы то ни было социальной теории. Просто его представления о человеческой природе и обществе, не будучи заслонены схематическими моделями, оказались гораздо более реалистическими, чем у слишком интеллектуальных сверстников и коллег, падких на теории и глобальные проекты.

Но как физики, они оба, и Сахаров и Теллер, работали над одной из самых важных для будущего человечества проблем: создание источника энергии, не зависящего от органических запасов Земли. Политики и журналисты всего мира видят здесь одну только бомбу, которая заслоняет им весь горизонт, но если человечеству суждена долгая жизнь, эта проблема вскоре станет проблемой номер один.

Мы разговорились, и я опять спросил Теллера, почему все-таки он смолodu, когда людям столь естественно питать иллюзии, был уже скептически настроен по отношению к человеческой природе, и ее склонности к добру. Он ответил, что в 1919 году, во время Советской революции в Венгрии, попутчики выбросили его на полном ходу из поезда, заподозрив в нем еврея. Они оказались правы. Он выжил. И, хотя он с тех пор хромает (ему тогда было 17), он благодарен судьбе за этот жестокий урок практического человековедения.

Конечно, это не объяснение. Почему одни люди (большинство) поддаются иллюзиям и коллективным психозам, несмотря даже на выдающийся интеллект, а другие - нет, не знает никто. И никто не может защитить этих редких провидцев от общественного осуждения. Никто не вспомнит о них и после того, как это массовое очарование иллюзией испарится...

В ответ на мои извинения по поводу бедности моего английского, Теллер, в свою очередь, пожаловался, что и он тоже без напряжения поболтать может только по-венгерски и - вот уже тридцать лет - вынужден смиряться с неадекватностью своих речевых возможностей... Но он рад, что мы оба в силах понять друг друга и на нашем ломаном английском, так что, если я буду в США, он с удовольствием опять со мной встретится.

Спустя полгода мы с женой были в Лос-Анжелесе. Так как местная еврейская община приложила большие усилия для нашего освобождения из СССР, ее руководство ликовало, видя нас у себя живыми и невредимыми, и устроило множество официальных встреч, которые совсем не оставили нам личного времени. Один из приемов в нашу честь носил более частный

характер, и я спросил, могу ли я позвать на прием своего коллегу-физика. Разумеется, отказа не было, и я позвонил Теллеру. Он откликнулся с энтузиазмом.

Однако мои хозяева, увидев его имя, как ни странно, ответного энтузиазма не проявили. И я подумал, что все же демократическое общество слишком уж буквально понимает идею равенства, если участие такой выдающейся личности в званом вечере их не радует.

Мне это по контрасту напомнило смешной эпизод из моей совсем недавней московской жизни. Другой выдающийся физик, академик Михаил Александрович Леонтович, изъявил желание посетить мою лабораторию. Мой ВНИИФТРИ был закрытым заведением, и без специального разрешения войти туда было невозможно. Я пошел в отдел кадров и заказал пропуск для Леонтовича, не подозревая, какую бурю это вызовет к жизни. Наш институт на самом деле был заштатный, вовсе не академический, так что знаменитые академики заглядывали туда не часто.

Поэтому, когда встретив Леонтовича в проходной, я повел его через двор в лабораторию, навстречу выбежал дворник со шлангом в руке и заорал: "Убирайтесь с дороги! Нечего тут шляться в рабочее время! велено срочно мыть дорогу!" И не дожидаясь, пока мы отпрыгнем в сторону, обдал нас обоих водопадом брызг.

"А что за срочность?" - спросил я.

"К нам академик важный из Москвы приезжает, а вы тут под ногами путаетесь!"

Дворник, конечно, не знал, что значит, академик Леонтович, но он хорошо знал, что значит приказ директора.

Мы в лаборатории потом так увлеклись обсуждением новых задач, возникавших в ходе моих экспериментов, что не заметили, как бежит время. Пару раз в дверях появлялось искаженное заботой лицо директора института, но мы от него отмахивались, не вслушиваясь. На третий раз он не дал от себя отмахнуться и ворвался в кабинет с упреком:

"Александр Владимирович! Намерены вы нашего гостя обедом кормить или нет?"

"Конечно, намерен, - ответил я, глянув на часы. Действительно, уже перевалило за два часа пополудни. - Сейчас мы договорим и пойдем в столовую".

Директор, успокоенный, убежал, а мы с Леонтовичем, не прерывая разговора, отправились в институтскую столовую, закрывающуюся в пол-третьего. Конечно, все приличные блюда были уже съедены и оставался только фасолевый суп. Под воркотню кассирши, что "приходят тут всякие перед самым закрытием", мы схватили две тарелки супа и сели к заляпанному пластиковому столу. Не успели мы поднести ложки ко рту, как растворилась какая-то незаметная дверь в дальнем углу, и из нее выскочил белый от ярости директор - губы его дрожали, щека дергалась: "Хотел бы я знать, Александр Владимирович, что вы тут делаете?"

"Как что? Суп едим".

"Почему суп?" - взвыл директор.

"Потому что больше ничего не осталось!"

Директор приблизил свое искаженное лицо к моему, искренне удивленному: "Вы это нарочно устроили, чтобы поиздеваться?"

Леонтович молча наблюдал сцену - он был не так наивен, как я, и ему, наверное, все уже стало ясно. Директор впопыхах схватил тарелку академика и бегом припустил к той таинственной двери, из которой появился. Мы последовали за ним и вошли в нарядный банкетный зал, о существовании которого я, проработавший в институте пятнадцать лет, понятия не имел. Стол был накрыт на троих, но за этим столом можно было накормить небольшой взвод. На крахмальной белой скатерти красиво поблескивали хрустальные фужеры и рюмочки для коньяка, меж разноцветных бутылок выстроились невиданные блюда: красная и черная икра, копченая колбаса и даже - невероятный для России тех лет в ноябре - салат из свежих огурцов. Я с удивлением уставился на всю эту благодать.

"Вы что, никогда здесь не были?" - перехватив мой взгляд, спросил директор.

"Меня никогда сюда не звали", - ответил я, как-то сразу оценив многие, казавшиеся мне прежде таинственными, подводные течения нашей институтской политики.

Но тут, в Лос-Анжелесе, таинственным было все, - и неумеренное торжество вокруг моей персоны, и явное пренебрежение к присутствию выдающегося гостя, и очевидное отсутствие направляющей директорской воли.

Гости, адвокаты, бизнесмены и политики громко радовались очередной победе "мирового общественного мнения", которое вывело меня на свободу, а в ближайшем будущем приведет нас и к "разрядке международной напряженности", близкой дружбе с Советским Союзом и мирной, но убедительной, победе мира и демократии во всем мире.

Тут диссидентская натура Теллера не выдержала этого общего торжества "вишфул тинкинг" (принятия желаемого за действительное), и он громко попросил меня сказать несколько правдивых слов о реальном положении в Советском Союзе и возможном будущем.

Мне, конечно, и в голову не пришло, что это может огорчить наивных (или выглядевших такими) американцев, и я откровенно рассказал им, что советская политика в самой своей основе включает введение западного мира в заблуждение и недопущение общественного контроля на всей своей территории, а непосильные первоочередные расходы на оружие оставляют простого советского человека лишенным основных жизненных благ. Россия одна из самых богатых природными ресурсами стран, но все ее богатства оказываются бесполезными для ее граждан. Производство оружия и конфронтация с Западом остается в СССР суперприоритетной задачей, обрекающей весь его народ на перманентную нищету. И это положение не может коренным образом измениться под влиянием демонстрации американского дружелюбия, потому что, чтобы сохранить народное единство и поддержку, власти регулярно создают у своего населения впечатление внешней угрозы. Искусственная информационная замкнутость России ни в коем случае не позволит ее гражданам узнать фактическое положение дел.

Мне уже приходилось много раз выступать в Америке. Еврейская аудитория с напряженным вниманием относилась к положению евреев в СССР и восторженно воспринимала мои рассказы о нашей героической борьбе за выезд. Мои публичные выступления неизменно пользовались успехом. Но это мое выступление было первым, которое не снискало аплодисментов. Собравшиеся на этот вечер акулы капитализма решительно симпатизировали социальной справедливости и бесплатному зуболечению (среди гостей было много богатых зубных врачей), а трудности евреев в СССР воспринимали как досадные пятна, которые, как известно, бывают и на солнце...)

Теллер был, похоже, единственным, кому моя речь понравилась. Остальные, наверное, приписали мои, не совсем для них привычные, заявления несовершенству моего английского, и после недолгого замешательства продолжили непринужденно веселиться и декларировать свои мирные намерения.

Поздно вечером, выдающийся адвокат, который отвозил нас в нашу гостиницу, спросил меня, имея в виду Теллера: "Вы давно знакомы с этим типом?". Я ответил, что со студенческих лет, хотя, к сожалению, только по литературе. Ведь он один из классиков в моей профессии. Для меня было большой честью познакомиться лично и найти с ним общие интересы... "Вот, и напрасно, - отрезвил меня адвокат, - вы, наверное, не знаете, что это очень опасный человек, поджигатель войны. Он говорит, что в Советском Союзе нет никакой демократии, и что его правительство ведет постоянную скрытую войну против нас на всех континентах." Я ответил, что советское руководство, конечно, не делилось со мной своими скрытыми планами, но именно такое впечатление создается у всякого жителя СССР, который следит за мировыми событиями изнутри той страны.

Адвокат, как всякий гражданин демократического общества, привык подозревать в лицемерии только свое правительство ("развращенность которого ему хорошо известна") а всякое заявление врагов ("о которых все же, не зная в точности всех фактов, нельзя судить сплеча"), оценивать, как хотя бы отчасти, справедливое. Не убедив друг друга ни в чем, мы расстались друзьями. В Америке, как и всюду, люди просто не хотят знать правду.

Кстати, Михаил Александрович Леонтович рассказал мне, как однажды ему удалось настоящее политическое пророчество. В 1950-м он узнал, что А.Д.Сахаров решил теоретическую задачу, и испытание водородной бомбы прошло успешно. "Сейчас начнется война!" - в

ужасе воскликнул он (к счастью в достаточно узком кругу).

Через месяц началась война в Корее... Впрочем, тогда американцы перестали тормозить проект Теллера, в 1951 испытание американской водородной бомбы тоже прошло успешно, равновесие было восстановлено, и война тут же кончилась на тех же рубежах, что и началась.

"Разрядка" тоже продолжалась недолго и вскоре сменилась новым витком "холодной войны", но репутация Теллера уже не улучшилась. Он так и остался в глазах широких кругов американской интеллигенции "поджигателем войны" и закоренелым "сторонником гонки вооружений".

Мне стало ясно, что на Западе иногда требуется гораздо больше мужества, чтобы поддержать правительственную политику, чем для того, чтобы против нее бороться.

СЮЖЕТ БЕЗ РАЗВЯЗКИ

Я попробую проанализировать сегодняшнюю ситуацию в израильско-палестинском конфликте, как я ее вижу. Но не ждите от меня политкорректности или согласия с общепринятыми стереотипами, потому что сами эти стереотипы в значительной степени являются причиной (или, по крайней мере, стимулами) сегодняшнего конфликта. Мне не обойтись без краткой истории вопроса.

С конца XIX века по множеству причин, которые сегодня нет смысла разбирать, наметился заметный приток евреев (и еврейских капиталов) в Палестину, тогда еще заброшенную провинцию отсталой Османской империи. Идеи Отцов сионизма были основаны на оценке ситуации того времени, включавшей почти пустую землю и редкое неразвитое население, для которого возведение еврейских поселений представляло несомненное (материальное) благо. Международная пресса старательно умалчивает, что в течение, примерно, ста лет Еврейский Фонд – «Керен Каемет» - собирал деньги со всех евреев мира и скупал неиспользованные земли в Палестине для еврейских поселений. Моя собственная бабушка тайком показывала мне (60 лет скрывавшийся ею) сертификат, выданный ей «КК» в 1912 г. на половину квадратного метра земли в Палестине, купленную на ее деньги.

В результате связанного с еврейским поселением оживления экономики возникла также и усиленная тяга в Палестину окрестного арабского населения из Египта и Сирии, открывшего для себя новые возможности заработка. Этот поток резко усилился после Первой Мировой войны и до самого 1947 г. возрастал пропорционально потоку евреев. Жизненный уровень арабского населения Палестины отставал от еврейского, но был выше, чем в других арабских странах.

С самого начала понимание между лидерами этих групп было исключено из-за их разного положения в мире. Еврейское руководство было выборным и зависело от общественного мнения в Европе, а арабское – наследственным (хотя в угоду англичанам случались и формальные выборы) и пользовалось поддержкой родственных арабских кланов из соседних стран.

Еврейская политика по отношению к арабам исходила из мифических интересов «арабских трудящихся» (Бен-Гурион: «Только в узких кругах арабской верхушки есть эгоистические причины бояться еврейской иммиграции... Могут ли быть сомнения, что только помощь еврейских рабочих приведет к развитию арабского рабочего класса?»), была направлена на сомнительное «взаимовыгодное сосуществование» и стремилась юридически обосновать свои достижения. Арабская политика, направляемая трезвыми аристократами, напротив, исключала всякий долговременный компромисс, отрицала законность договорных сделок с евреями и периодически (в 1920-21, 1929 и 1936-38) инициировала кровавые стычки (чтобы не сказать погромы). К тому же главный муфтий Иерусалима Хадж Амин Аль Хусейни и военный лидер арабов Аль-Каукджи были открытыми сторонниками Гитлера и не скрывали своей враждебности к Британской империи.

Британское правительство, избрав политику «умиротворения», которая позже нашла свое завершение в Мюнхенском соглашении с Гитлером, почти полностью потеряло контроль над обеими сторонами и, после Второй Мировой войны, предпочло отказаться от управления Палестиной.

Решение 1947 г. разделить Палестину на два государства отразило не столько стремление ООН к справедливости, сколько полное равнодушие участников к судьбам обоих народов. Никто не спросил, могут ли эти государства существовать вообще и, в частности, в намеченных границах. Зная немного одного из участников этого судьбоносного решения, я подозреваю, что именно он и запланировал эту вечную войну, которая позволила бы СССР, наконец, протянуть свои руки прямо на Ближний Восток и в Средиземноморье, минуя турецкий барьер.

Легкость образования новых нестабильных государств на Ближнем Востоке после падения Османской империи создала благоприятную атмосферу для авантюризма вождей.

Любой достаточно смелый офицер или предводитель небольшой шайки имел шанс возглавить новое государство. В такой атмосфере и пришлось Израилю вести свою Войну за независимость, в которой каждая из соседних арабских стран призывала население Палестины к обще-арабской Священной войне, а каждый командир отряда видел себя будущим Президентом. Так как никакого арабского государства из этого не получилось, главарям, которым пришлось с боями уводить свои ополчения в соседние страны, осталось только винить в этом коварный Израиль. Так возник «многострадальный палестинский народ» и проблема «беженцев».

Несмотря на постоянную враждебность арабского мира, господствующим стремлением еврейского истеблишмента на протяжении последующих десятилетий было «укрепление еврейско-арабской дружбы». В этом отношении израильское лево-либеральное крыло вполне унаследовало британское политическое лицемерие. Всячески превознося «еврейско-арабскую дружбу», все израильские правительства, однако, укрепляли пограничные поселения и стратегические опорные пункты. Я не хочу, чтобы у читателя возникло впечатление, что я или кто-нибудь другой в Израиле против еврейско-арабской дружбы. Я только решительно против распространения заведомо ложного утверждения, что такая дружба где-нибудь в заметных масштабах существует. К сожалению, иллюзия, что если не называть беду по имени, она, может быть, и минует, укоренена в человеческом сознании.

Многолетние усилия отрицать несовместимость арабских и еврейских интересов в Палестине разрушили единство еврейского народа в Израиле.

Этот раскол обнаружился еще в 30-х годах в сионистском движении и привел к отделению партии В. Жаботинского от либерально-социалистических партий.

Впоследствии наследники Жаботинского превратились в израильскую парламентскую оппозицию, которой впервые удалось почувствовать вкус власти только в 1977 г. – через тридцать лет после решения о Независимости. У правой оппозиции, кроме политического чутья Жаботинского, была еще, по крайней мере, одна причина для скептического отношения к арабскому миролюбию. По социальным причинам оппозиция включила гораздо большее число выходцев из арабских стран, для которых арабская культура вовсе не была закрытой книгой.

Политический парадокс заключается в том, что первый шаг к миру удалось сделать именно правому правительству Бегина, а не миролюбивому правительству Рабочей партии. Воинственная риторика правых, может быть, и раздражает арабские режимы, но остается им вполне понятной. Мирные предложения левых ставят арабов в тупик («В чем подвох?») из-за невозможности уловить, в чем их обманывают... Наконец, благодаря безмерной щедрости предложений предыдущего израильского премьера Эхуда Барака, Арафат понял суть дела: евреи просто хотят забыть о нем и об арабах вообще! Этого не вынесла его душа, и он начал «интифаду Аль-Акса».

Я сильно забежал вперед в своем изложении, но в моем шутливом преувеличении содержится зерно всей проблемы. Еврейское государство может обойтись без палестинцев и без поселений, (и, возможно, даже без Аль-Аксы, хотя это уже почти святотатство), а вот Палестинское государство самодостаточно существовать не может. Это было очевидно еще в 1947 г. арабским соседям, которые оккупировали его территорию, пока мания величия (и безответственная поддержка СССР) не толкнула Г.А.Насера на Шестидневную войну. Это было очевидно и всем американским и европейским экспертам по международным делам, которые зачастили в Израиль с 80-х, когда уже стало ясно, что ни Египет, ни Иордания получить обратно палестинские территории не захотят. Однако, впоследствии и США, и Европейское сообщество изменили своей реалистической позиции в угоду арабским режимам, для которых престижные соображения, связанные с торжеством ислама, важнее фактических достижений.

За годы «израильской оккупации» простые палестинцы нашли для себя более выгодным работать в Израиле или продавать туда свою примитивную продукцию, чем развивать собственное хозяйство, а их самозванные «руководители» занялись разрушением этих экономических связей. Спустя тридцать лет после решения ООН выяснилось окончательно, что для образования нового государства в современном мире недостаточно лишь безоглядной решимости вождей. Требуется еще многое; например, солидарный интерес достаточно большой

группы предприимчивых, квалифицированных людей, готовых тратить свои силы (и средства) на организацию основной инфраструктуры (электричество, дороги, водопровод, продуктивные отрасли хозяйства), а не на оружие, оружие и оружие... Восемь палестинских университетов (фактически, колледжей) были основаны за время «израильской оккупации» и при активном содействии израильских властей, но вместо центров будущей образованности они, в результате «академической неприкосновенности», превратились в склады оружия палестинских боевиков.

Все демократии оказываются слабы по отношению к террору, но Израиль имеет столетний опыт успешной борьбы с терроризмом. Однако, этот опыт требует беспощадной уверенности в своей правоте. Это то единственное, чего Израилю не достает. Я уже упоминал, что в результате завышенных оценок перспектив мирного сосуществования израильский народ на время потерял ощущение своего единства перед лицом смертельной опасности. Людям стало казаться, что стоит им отказаться от каких-то там «поселений» и - войне конец. Израильская политика в отношении арабов вообще, и палестинских арабов в частности, так долго питалась ложными представлениями о «общечеловеческих ценностях», что и сейчас не все израильтяне освободились от этой слепоты. Теперь при правительстве национального единства все негодование прозревших граждан направлено на «коварство» Арафата, но по существу, скорее напротив, израильский истеблишмент и европейское общественное мнение в течение длительного времени невольно вводили арабов в заблуждение. Соглашение в Осло, Нобелевские премии и широкое сочувствие «справедливой палестинской борьбе» создали у них ложное впечатление, что их победа близка. Свою победу они представляли совсем не так, как израильские и европейские миротворцы. Они представляют ее примерно так, как афганские талибы (или, что то же самое, их враги – «Северный альянс»), т.е. как конец еврейского государства и их безраздельное господство на всей территории Израиля. Горячие прения в Кнессете и бесчисленные демонстрации борцов за мир они интерпретируют как предвестники новой серии уступок. Еще чуть-чуть припугнуть евреев, нажать на американцев, и Израиль в их руках! Фундаментальная разница в ментальности неустранима в политике. Рациональные, словесные объяснения неприменимы на уровне народов.

Напрасно Геннадий Герасимов в N38 «НВ» ругает профессора Хантингтона за противопоставление цивилизаций. Хантингтон не выдумал проблему массового взаимного непонимания. Как добросовестный ученый он ее только обозначил: «Я предполагаю, что основной источник конфликтов в современном мире будет лежать не в идеологии или экономике. Фундаментальные расхождения в человечестве и причины конфликтов будут носить скорее культурный характер. ... Столкновение цивилизаций определит мировую политику. Границы между цивилизациями превратятся в линии будущих битв... В классовых или идеологических конфликтах прошлого ключевым вопросом было «Ты на чьей стороне?», и человек мог выбрать сторону или даже перебежать на другую. В конфликте цивилизаций вопрос ставится иначе: «Ты кто?» - и человек больше не волен в ответе. Между тем, неблагоприятный ответ, как мы знаем из опыта Чечни, Боснии или Судана, может означать пулю в лоб».

Расширение кругозора и глобализация сыграли с Западной цивилизацией злую шутку. До тех пор пока мусульманский мир пребывал в глубоком сне, Европа могла безнаказанно отождествлять свою победоносную историю с историей человечества. Прогресс в известной нам истории – это развитие и экспансия Европы. Великими географическими открытиями мы называем плаванья европейцев. В центре истории Средних веков у нас стоит борьба пап и императоров, а не история Халифата. Для всего этого есть свои причины. Но мусульманин видит это, как свою вековую обиду...

Западные люди часто склонны рассматривать свою цивилизацию, как универсальную, наиболее соответствующую чаяниям всего человечества. Такое впечатление и впрямь может возникнуть при виде того, как охотно люди во всех странах перенимают западные технические новинки и бытовые удобства. Такое впечатление очень многим казалось верным и в СССР в первые годы Перестройки. Однако, на более глубоком уровне включаются мощные механизмы отчуждения, которые западный человек, как правило, не понимает и недооценивает.

Коренные западные идеи персонализма, свободы и ответственности, равенства возможностей и конкуренции, демократии и власти закона, благодаря которым достигнуто западное техническое превосходство, очень редко вызывают широкие симпатии в мусульманском или конфуцианском мирах.

Так называемая, глобализация и увеличение интенсивности международных контактов, не столько смягчает существующие конфликты, сколько повышает вероятность возникновения новых, связанных с различной конкурентоспособностью людей разных цивилизаций. В частности, внедрение элементов западной демократии в исламских странах пока что чаще всего приводит только к усилению антизападных, фундаменталистских движений. Против Запада выступают не бедные и невежественные, а богатые и образованные. 70 процентов арабских студентов, учившихся в элитарных университетах, в Оксфорде, Гарварде или Йейле, по возвращении на родину становятся фундаменталистами. Многие представители арабской интеллектуальной элиты выбирают фундаментализм, потому что они не в силах соответствовать требованиям современного технологического общества. Чтобы вернуть себе потерянное в Европе и Америке самоуважение, они возвращаются к своей архаичной культуре и древней религии, которыми могут гордиться.

Хотя глобальное развитие цивилизационного конфликта остается пока не больше, чем гипотезой, для нас в Израиле этот конфликт уже в разгаре. Наиболее пугающей чертой наличного противостояния является разное восприятие сторонами самой концепции мирного сосуществования. Равенство возможностей, открытость и безопасность, рассматриваемые как само собой разумеющиеся условия на Западе и в Израиле, в мусульманском мире представляются просто условиями западного доминирования...

При наличных обстоятельствах, отчасти, так оно и есть. Мирные отношения выгодны, прежде всего, нам.

Хотим мы этого или не хотим, прочное мирное соглашение, каким бы оно ни было, надолго закрепит отсутствие равенства в положении Израиля и палестинского общества в политике, экономике и культуре. Просто претензии палестинских лидеров направлены не по адресу. Палестинцы живут не хуже жителей других арабских стран. Мы не могли бы взять их за руку, благополучно провести через все омуты и лабиринты их собственной истории и без потерь вывести на сухое место, где их будут ожидать молочные реки. Бюджет своего государства им все равно придется обеспечивать самим. Никакие наши уступки не скомпенсируют палестинцам фундаментального культурного отставания, на которое обрекла их собственная история.

А, между тем, военный конфликт в любой своей стадии утверждает некоторое (конечно, только кажущееся) равенство сторон. Это мнимое равенство является очень сильным психологическим фактором в этнической консолидации и отчасти компенсирует палестинцам материальные потери, которые несет им война. Ординарное западное (и еврейское) сознание, которое не знает ничего дороже жизни, с трудом осваивает мысль, что угроза смерти не пугает мусульманских фундаменталистов. Но она не пугает также и многих честолюбцев и даже обыкновенных искателей приключений. Солдатское мужество во многих (особенно, молодых и бедных) обществах более распространенная добродетель, чем интеллект и трудолюбие. Так война становится тем простейшим средством конкуренции цивилизаций, которое в первую очередь привлекает внимание амбициозных лидеров.

Оба участника нашей локальной конфронтации (Израиль и Палестинская автономия) не представляют собой чистые случаи Западной либо Мусульманской цивилизации. Но наши доминирующие тенденции уже сейчас находятся в непримиримом конфликте. Если еврейское общество, так или иначе, озабочено в первую очередь жизнью и безопасностью своих граждан, внимание противостоящего ему арабо-мусульманского единства (в той степени, в какой оно - единство) направлено на защиту коллективных ценностей, вроде престижа, торжества идеологии или национальной гордости...

Европейское образование и масс-медиа разбудили в мусульманах всего мира дремлющую амбицию. Они не могут привыкнуть к своему положению на обочине. Каждый народ хочет быть в центре истории. Вся предприимчивость, все способности мусульманских народов сосредоточились в военно-политической сфере, позволяющей напомнить о себе наиболее действенным образом.

Взбудораженный и подбодренный силой нефти арабский мир переживает сейчас кризис самоопределения. Их харизматические вожди психологически подошли к уровню, на котором находились в начале прошлого века Россия и Германия, хотя народы, в основном, еще не перешли и через грань Просвещения. У честолюбивых людей в их мире всегда находится место подвигу. Все современные арабские диктаторы начинали как супермены-воители, сильной рукой и террором захватившие власть в своих странах.

В этом мире, однако, существует и подспудная тяга к национальному единству. Жажда сосредоточить на себе внимание сильнее в выдающихся людях, чем в мелких. Г.А.Насер был первый, кто откровенно претендовал на роль всеарабского лидера. М.Кадаффи и Х.Асад были непризнаваемые кандидаты. Саддам Хусейн затеял войну с Ираном, а потом и против США, не из-за заявленных им, сомнительных причин, а в своей личной борьбе за общенациональную популярность.

Арафат годами приковывал внимание всех арабских слушателей. Сначала Арафат прославился несколькими успешными террористическими операциями. Затем, сумев под страхом смерти обложить палестинских выходцев всего мира налогом в свою пользу, он показал себя также выдающимся стратегом и организатором. Наконец, связавшись с КГБ, он сумел развернуть такую фантастическую пропагандистскую кампанию вокруг «палестинского дела», что его популярность на Западе сравнялась с популярностью Че Гевары. «Палестинское дело» как-то образом включило и мировую «антиколониальную революцию».

Из года в год, посещая одни и те же университеты в Германии и США, я мог судить об уровне популярности «палестинского дела» по площади, занимаемой им на студенческих досках объявлений. До самого конца существования СССР борьба за права палестинцев опережала даже борьбу за права гомосексуалистов. В начале 90-х палестинцы исчезли с доски объявлений...

Арафат лишился поддержки СССР и стал стремительно падать в финансовую пропасть. В 1987 г. он начал «интифаду» (восстание), заставшую тогдашнее израильское правительство врасплох (все события во всех демократических странах застают их правительства врасплох). Экономические связи территорий с Израилем прервались, палестинцы резко обеднели, международное общественное мнение было возмущено. Не без внутренней борьбы израильское правительство протянуло тонущему Арафату руку для заключения мирного соглашения. Здесь-то и сказался его выдающийся политический и дипломатический талант. Ему удалось невероятное: соглашение в Осло предусматривало «территории в обмен на мир»!

Такую формулировку (кто бы это ни был) мог придумать только человек, полностью пренебрегающий западной логической культурой. Обменять вещь (территорию) на понятие (мир)? Что такое территории, знают все (хотя позже выяснилось, что и какие именно территории, осталось неясным), а что такое «мир» разные люди и народы понимают по-разному. Можно думать, что имелись в виду только разговоры о мире. Тогда следует считать, что у нас и сейчас мир.

В результате этого мира Арафат переселился на палестинскую территорию и, перекалифицировавшись в управдомы, столкнулся с трудной проблемой создания государства на пустом месте. Некоторое время он перебивался за счет западных пожертвований на мирный процесс, продолжая разоблачать Израиль, который по-прежнему не отдает ему поселений (что он будет делать с поселениями, если получит их?). Когда эта карта была уже отыграна, а все деньги на развитие разворованы соратниками, Арафат стал все больше склоняться к защите общих мусульманских святынь и разжигать «священную войну», чтобы получить поддержку от фундаменталистов и вызвать действенные симпатии всего мусульманского мира. В сентябре прошлого года он начал «интифаду Аль-Акса» за «святые места», которым ничто не

угрожало. Кое что, впрочем здесь прояснилось после Катастрофы 11 сентября. То ли он что-то знал о предстоящем нападении, то ли гениальным чутьем политического авантюриста просто предвидел будущее развитие напряженности, но он своевременно повернулся к более надежной аудитории, чем европейские гуманисты.

Бин Ладен, конечно, обошел всех претендентов на первенство в арабском мире и превратился в неформального лидера, права которого неоспоримы. Он затенил и Арафата, и Саддама. В отличие от них, он к тому же настоящий мусульманин и не запятнан предательствами и политиканством. Как бы ни кончилось сегодняшнее сражение против терроризма, Бин Ладену обеспечено тайное поклонение и благоговейная память миллионов мусульман. Но и Запад не забудет урока, который Бин Ладен ему преподнес, ткнув пальцем в его солнечное сплетение. Выживет ли эта цивилизация в XXI веке зависит от того, как будет усвоен этот урок.

После 11 сентября Арафат, завершив свой фарс со сдачей крови для американцев, приступил к новой войне против Израиля. В ходе этой, особенно жестокой войны, он стал уже систематически обстреливать из минометов жилые кварталы и снаряжать террористов-самубийц в людные места. Целая серия жутких террористических актов в больших городах и на дорогах была произведена в последние месяцы. Одновременно он не забывал регулярно призывать к переговорам и удивляться отсутствию доброй воли со стороны Шарона. Похоже, что даже Шимон Перес, который как-никак связан с ним совместным получением Нобелевской премии Мира, махнул на него рукой.

Честолюбие таких людей, как Фидель Кастро или Арафат (а также и Саддам Хусейн) не ограничивается локальной задачей возглавить «свое» государство. Не будучи в силах обеспечить своему основному населению сносное существование, они зато дарят неискушенной молодежи вдохновляющую романтику вечной, «справедливой» борьбы и используют свое государство, просто как инструмент мировой политики. Сотни кубинцев зазря сложили свои кости в странах Африки и Латинской Америки, и палестинцам предстоит такая же почетная миссия в мусульманском мире. История Арафата еще не дописана, и, возможно, он еще надеется дождаться момента, когда после героической гибели Бин Ладена он сможет предстать его лучшим, талантливейшим учеником.

Знакомый сценарий, не правда ли?

ЖИЗНЬ НА КРАЮ

На исходе самого гуманного XIX в. французский христианский философ и историк Эрнест Ренан написал: "Увы! С тех пор, как сотворен мир, никто еще не видел нации, которая была бы добра к другим." Увы и увы! Он не дождался образования Израиля.

40 лет назад, когда первые советские евреи впервые ступили на землю Израиля, его интеллигенция уже успешно соревновалась с Европой за наиболее эффективное осуществление христианских принципов доброты в своей внутренней и внешней политике.

Российские евреи, с пионерского возраста взращенные на обязанностях и дисциплине ("К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!" - "Всегда готовы!"...), знавшие о "правах человека" только из Самиздата или иностранных радиопередач, не могли это понять иначе, чем извращение.

Толстовство не оставило следов в России. Но мы встретили его расцвет среди культурной элиты в Израиле. Познакомившись с сионизмом по Жаботинскому, мы ожидали, что эта идеология, требует спартанской суровости. Мы не ожидали от израильтян - тем более от культурной элиты - такой рабской зависимости от показных европейских норм и журналистских стереотипов.

Знакомые по-настоящему только с одной войной - тотальной войной, известной среди нас как "Отечественная", мы полагали, что и война на Ближнем Востоке - это война, а не игра по правилам, обозначенным Гаагским судом. В конце концов, эта бесконечная война (пять войн!) по сути не менее отечественная, поскольку она идет именно за то, чтобы, евреи имели, наконец, отечество.

Отчуждение русскоязычной группы, которое невольно возникло у нас тогда, сохранилось потом на долгие годы, превратившись в политический водораздел. Наше не слишком либеральное сознание, безусловно отсталое, вобравшее в себя память многократно битых предков ("за битого двух небитых...), по-видимому, более адекватно воспринимало реальную ситуацию на Ближнем Востоке, чем поспешно сложившаяся, слишком оптимистическая, идеологизированная израильская элита.

С тех пор настроение в израильском обществе сильно сдвинулось и большинству из нас теперь было бы гораздо легче войти с ним в сердечное согласие. Христианские нормы уже не всегда диктуют решения правительству. И "мнение Европы" уже не так полно определяет его политику.

Многое изменилось в Израиле за эти сорок лет. Хотя отставшие от времени Амос Оз, Давид Гроссман и другие талантливые писатели по-прежнему продолжают петь свои трогательные песни о неосуществимом всеобщем мире, они уже отодвинуты далеко на периферию общественного внимания.

Иудео-христианская цивилизация имеет дерзость настаивать, что она основана на любви. Это настояние действительно имеет свои корни в первоисточниках...

Но в первоисточнике на любви основан и Ислам.

Если бы мусульмане помнили об этом, хотя бы вполнину так же неотступно, как современные христиане, большая бы часть сегодняшних международных конфликтов отпала. Первоисточники, однако, существуют лишь в мире возвышенных прозрений лучшей части человечества. А в наличном земном мире все определяется распространенными толкованиями.

Во времена Крестовых походов массовые казни и сожжение еретиков, казались тогдашним христианам вполне совместимыми с заповедями любви. Толкования, принятые сегодня в христианском мире, действительно сильно смягчились. Современные толкования в западных странах даже так расширили рамки допустимого, что кажутся уже просто отсутствием всяких пределов уступчивости. Все дозволено, даже и то, что категорически запрещено...

Израиль по структуре населения и по общественному устройству принадлежит к тому же иудео-христианскому миру, что и все западные страны. И большая часть того, что верно в

отношении этих стран, верно и в отношении Израиля...

Мусульмане отстали на целое действие этой исторической драмы. В исламе европейская тенденция пока не прослеживается. Более того, авторитетные мусульманские клерикалы, повсеместно допускают использование пугающих, архаических формул ислама (тысячу лет назад провозглашенных, как и в других религиях, в расчете на Вечность) для актуальных сиюминутных политических толкований, имеющих зачастую откровенно еретический, сектантский и, слишком часто, поджигательский характер.

Что так пугает в Исламе западного человека? Почему он кажется столь чуждым, даже враждебным нашим устремлениям, так что одна мысль о его наступлении леденит душу?

Прежде всего нужно понять, что ислам (как и исходный иудаизм, между прочим) является не просто верой, а образом жизни.

И не то, чтобы он принуждал к вере в рай и ад. - Нет, он требует кланяться пять раз в день, снимать ботинки при входе в мечеть, поститься в Рамадан. И быть всегда готовым к джихаду. О различии религиозных традиций лучше судить не по их первоисточникам, а по существующей практике. Сегодняшняя реальность такова, что мусульманская традиция неотступно требовательна, почти полностью исключает серьезную дискуссию и все чаще толкует "джихад" как повседневную реальность.

Собственно, в принципе все религии носят абсолютистский, тотально поглощающий характер. Но на их каждодневной практике сказывается пройденная ими многолетняя история. Европейская Реформация XV-XVI вв. разрушила абсолютизм католической веры и тем самым отчасти раскрепостила рядового христианина. Последние двести лет вынужденного подчиненного сосуществования еврейства с окружающими либеральными обществами выработали также и в современном еврействе значительную гибкость, которую харедим в Израиле тщетно надеются теперь изжить политическими средствами.

В истории большинства мусульманских стран такого отрезвляющего процесса не случилось.* Поэтому, несмотря на отсутствие в исламе жесткой иерархической церковной структуры, подобной католической, и наличие многих вариаций канонического права, их ежедневная практика в каждой отдельной стране сегодня столь же тотально жестко охватывает их жизнь, как это сложилось много веков назад, в те века, когда люди еще не умели видеть разницу между волей местного господина и волей Г-спода.

**** Кроме Турции. Исключение это скорее подтверждает высказанное правило. Сокрушительный разгром Османской империи в 1-й Мировой войне отрезвил турецкое общество, и в результате реформ Ататюрка оно заметно либерализовалось. Но время от времени древний архетип просыпается, и страна опять склоняется к своему клерикальному прошлому.***

Не догматические отличия отталкивают европейца в мусульманской среде, а абсолютизм запретов и категоричность требований, сложившихся за прошлые века и превратившихся в народные обычаи.

Фундаментальным для ислама стало то смешение религиозного и политического в исторической практике, которое так сильно сказывается на стиле жизни наших ультраортодоксов. Ведь еврейская религия вовсе не требует ни белых чулок, ни меховых шапок. Не требует она и париков для женщин, ни даже религиозного благословения брачующихся. Все это осталось нашим ортодоксам от европейской стилистики XII-XV вв. Однако, именно эти несущественные детали напоминают теперь верующим добродетели их далеких предков, и за прошедшие века они слились в массовом сознании с нерушимой верностью духу религии.

Подобное слияние и в исламе возникло не сразу, и, быть может, вообще не было важным в начальные века, когда мусульманское общество еще было полно творческого пыла. Но с тех пор прошло более тысячи лет без политического развития, и вырваться из этого самосогласованного клубка религиозных норм и народных обычаев удастся теперь лишь редким индивидам, никакого влияния на общую ситуацию в мусульманских странах не имеющим.

В свое время тотальным образом жизни было и христианство. И, конечно, те самые люди, которые теперь с ужасом думают об исламе, не были бы лучшего мнения и о средневековом христианстве, причем прямолинейная догматичность пуритан в первое время зачастую даже превосходила былую догматичность католиков. Ясно, что современный человек согласился бы попасть в такую экзотическую атмосферу разве что в любительском спектакле. Как высказался по этому вопросу российский эксперт, воспитанный еще в советской школе международных, пренебрегавшей "политкорректностью": "Дорастет ли когда-нибудь исламская цивилизация до цивилизации христианской, когда решение земных проблем не будет провоцировать обращение к Всевышнему?" Он был, по-видимому, уверен, что она растет именно в этом направлении.

Ежеминутное обращение ко Всевышнему обращает каждую мелкую деталь индивидуального поведения верующего в решающий шаг на пути между добром и злом. Вообще говоря, это и есть заветная, **конечная** цель всякой религии. Однако современное сознание западных народов в результате сокрушительного векового опыта вынуждено было смириться с неоспоримым фактом, что все **конечные** цели достижимы лишь в Вечности, т.е. в **бесконечном** времени.

Обращение ко Всевышнему во многих земных делах, постоянное скрупулезное страхование от возможного (и неизбежного) греха, парализует деятельную волю верующих и отторгает конструктивную помощь неверующих, последовательно обрекая исламистские режимы на неизбежную стагнацию и техническую отсталость.

Некоторая часть мусульманского общества это свое фатально отсталое состояние знает и ощущает как унижение, за которое они непрочь отомстить продвинутым нациям. Вместо того, чтобы сосредоточиться на благоустройстве собственной жизни, которое требует серьезных, и подчас мучительных, преобразований, мусульманину психологически легче сосредоточиться на образе врага, несправедное процветание которого он ежедневно наблюдает по телевизору.

Однако, определяющим фактом при этом является то, что мусульманское общество гораздо более требовательно к своим членам, чем западное, и в нем поэтому остаются актуальными высокие понятия общественного и религиозного долга - обязанности гражданина. К сожалению, эти понятия в истории монополизировали жесткие, деспотические режимы.

Привычное отвращение к гитлеровскому - и к сталинскому - режиму закрывает нам ту часть социальной истины, которую вожди этих режимов так проницательно углядели и умело использовали:

Поставить перед народом цель (хотя бы и мнимую) и подчинить всю его ежедневную, рутинную жизнь непрекращающемуся целеустремленному усилию.

Изобрести поводы (хотя бы и иллюзорные) для мобилизации общества на длительное поддержание трудового и военного энтузиазма и принесения при этом неизбежных ежедневных жертв.

Установить безусловный приоритет обязанностей человека перед его правами. Для этого нужна религиозная дисциплина сознания, абсолютность запретов и предписаний, категорический императив.

Ничего из этого ассортимента у либеральной демократии нет и в помине. Преступления власти повсюду прощаются ей скорее, чем ее очевидное бессилие. Вседозволенность, как ни странно, больше раздражает граждан, чем ограничения.

На короткие 12 лет все это вместе дало безрелигиозному народу в Германии (где еще раньше Ф. Ницше провозгласил, что "Бог умер") суррогат религиозного сознания, в котором германское массовое общество в XX в. остро нуждалось.

Не нужно строить себе иллюзий о природном свободолюбии народов. Человеческая натура противоречива. В той же (пожалуй, даже и в большей) мере, в какой индивидуальный человек ищет свободы, человек толпы жаждет ярма и руководства. **И надо до конца осознать, что это один и тот же человек .**

Религиозная рамка нужна человеку в его духовной жизни так же, как для ориентации в пространстве ему нужна система координат. Слухи об относительности всех систем координат, основанные на неосторожной популяризации идей Эйнштейна, преувеличены. В земных условиях юг и север, запад и восток вполне реальны и отчетливо различимы.

Ребенку, который учится ходить, сведения о шарообразном строении Земли не придадут устойчивости. Если бы теорию относительности или геометрию Лобачевского включили в программу начальной школы, это не расширило бы их горизонт, но безусловно нарушило бы нормальную ориентацию детей на их интуитивное восприятие геометрии Евклида, как единственно возможной в реальной жизни. Трагедия XX в. отчасти состояла, как раз, в том, что большим массам народа, освободившимся от сковывавших религиозных догм, идеи Просвещения XVIII в. оказались не по возрасту даже в Европе.

Появились самонадеянные интеллектуалы, объявившие, что человек может сам устанавливать для себя законы. Это все равно, что, игнорируя опыт человечества, самому решать, где восток, а где запад. Как заметил еще Б.Паскаль: "Закон сам себе основание. Обычай справедлив по той простой причине, что он всеми признан, - на этой таинственной основе и зиждется его власть". И дальше: "Кто докапывается до корней обычая, тот его уничтожает. Любопытный, вздумавший исследовать причину, его породившую, обнаружит ее легковесность, а то и полную несостоятельность. ... Между тем, народ охотно прислушивается к ниспровергателям. Он начинает понимать, что ходит в ярме (культуры, - А.В.), и пытается его сбросить, и, конечно, терпит поражение вместе с этими любознательными исследователями."

В XIX в. возникло множество идеологий, претендовавших на вакантную роль религии, и рядовой человек стал свободен сам выбирать наиболее близкие его душе и интеллекту. Естественно, что наибольший рейтинг набрали наиболее простые идеи.

Гитлер умело воспользовался разочарованием немцев в слишком либеральном укладе Веймарской республики и вовремя предложил альтернативу попроще. Что ни говори, остается непреложным фактом, что эта альтернатива для большинства немцев оказалась приемлемой.

Хотя такого широкого выбора у российского населения не было, все же Сталину пришлось уничтожить несколько миллионов человек, прежде, чем он окончательно утвердил в сознании масс свою нео-монархическую модель общественной жизни. Она, конечно, больше напоминала суровую модель Спарты, чем либеральный дух демократических Афин. Он безусловно преуспел, попутно превратив марксизм из ограниченной, но все же научной, гипотезы во всеохватывающую религиозную доктрину.

Молодежь в любом народе готовно отзывается на голос долга и романтику подвига. Гитлер потратил этот запас юношеского энтузиазма на всеевропейскую войну, конец которой предвидели все, кому не вскружили голову его первые успехи.

Массовый человек без сопротивления отзывается на призыв к согласованному коллективному действию, особенно если это действие сопряжено с проявлением власти или даже насилием. Сталин потратил этот недобрый запас активности на создание Империи, неизбежный конец которой также предвидели многие проницательные люди внутри и вне России.

Поскольку обязанности мусульманского человека далеко превосходят его права, коллективные силы всех мусульманских обществ легко направляются на внешние цели вместо улучшения собственной жизни. К тому же ни у кого из них нет политического опыта широкого, ненасильственного социального усовершенствования. Как заявил недавно один из авторитетных алжирских политиков-исламистов: "Демократии, как понятия, нет ни в одном арабском словаре". Хотя технологически все страны ислама отстают от Запада и оказываются не в силах ни приостановить его развитие, ни даже достигнуть сравнимого уровня мощи, природный самоотверженный энтузиазм их молодежи переплескивает через край, и тратится, в основном, на мелкий вандализм и детские восторги по поводу успешных актов террора. Постоянный соблазн честолюбивого вождя в такой ситуации пойти по пути Гитлера - отвлечь внимание рядового мусульманина от его собственного жалкого состояния и нацелить весь взрывчатый потенциал в одном избранном внешне-политическом направлении

Идейный вдохновитель российского мусульманства Гейдар Джемаль выразил это повсеместное, жизнеотрицающее возбуждение молодежи в весьма глубокомысленной философской форме, скрывающей его разрушительный характер:

"Протест - это наиболее высокая и наиболее перспективная духовная самоорганизация человечества. Потому что под этим протестом подразумевается противостояние и конфликт с инерционной системой окружения, которая есть по определению не-Бог."

Не привыкший к философскому красноречию читатель не сразу догадается, что это означает то же самое, что "весь мир наличный мы разрушим до основания, а затем...".

В качестве опоры для своей проповеди начинающий вождь, весьма дальновидно избирает не какое-нибудь положительное требование, вроде, например, мусульманского социально-политического идеала или более справедливого общественного устройства, которые всегда можно подвергнуть критике, а **протест, отрицание** в его чистом виде. И здесь Джемаль следует безусловно компетентному автору "Майн Кампф": "Понимание слишком шаткая платформа для масс, единственная стабильная эмоция - ненависть."

На ненависти основаны наиболее впечатляющие народные движения, крестьянские войны и исламские революции.

Демографическая и экономическая ситуация в нашем веке провоцируют все более тесные контакты между разными культурами, которые в ходе соревновательной конкуренции и взаимного непонимания, вольно или невольно, перерастают во все более глубокие конфликты.

Население западных стран до такой степени вошло во вкус своей "сладкой жизни", что не готово ни на какие немедленные жертвы ради отдаленных, не видимых простым глазом, целей. В свободных странах общественные обязанности добросовестно выполняют только те, кто почему-то изначально был к этому склонен. С течением времени процент этих идеалистов близится к нулю. Западный человек все больше сосредоточивается на улучшении и обогащении своей собственной индивидуальной жизни. Расширение его частных прав все больше вытесняет в его осознанном поведении значимость обязанностей, необходимых для поддержания общества в целом. Служить в армии, исправно платить налоги и даже просто вовремя проголосовать становится ему все тягостнее.

Мусульманское сознание оценивает это явление, как развращенность и тенденцию к близкому распаду. В значительной степени (большей, чем хотелось бы) это так и есть. При таком условии согласный нажим мусульманских обществ на западные демократии кажется почти неодолимым.

Христианский мир медленно но верно отступает...

Многолетнее, чересчур близкое присутствие смертельной опасности вызывает у израильского гражданина некоторую дополнительную мобилизацию нервных ресурсов без всякого политического нажима. Не у всякого, конечно, гражданина. Но в числе достаточном для успешного функционирования. Эта мобилизация с годами осуществляет незримую селекцию в израильском народе, выделяя тех немногих избранных, у кого в сознании их обязанности, и сопряженная с ними ответственность, пересиливают расслабляющую мысль о безграничных правах. Уже в третьем поколении складывается своеобразный тип ментальности, которая отличает молодого израильтянина от еврея диаспоры.

Все, что Бог ни делает, он делает к лучшему. Он окружил нас врагами, чтобы мы не избаловались. Чтобы лень, невнимательность и техническая некомпетентность не возобладали в стране. Чтобы избыточный израильский гуманизм и расслабляющее европейское влияние не затуманили нам трезвости взгляда. Российские евреи со своей параноической подозрительностью и имперскими замашками неплохо вписываются в эту ситуацию.

Эрнест Ренан, описывая древнюю историю падения Израиля, заметил: "Праведники и герои становятся двумя враждующими лагерями на арене человеческого прогресса и редко вступают в мирное сожительство ... Военное мужество, которое так блестяще проявляли израильские цари, потеряло свою цену." И дальше - "Социальные условия, в которых находятся

военные, требуют известной внешней гордости; смиренный воин есть противоречие в себе. Общество кротких лишено силы. Мир не состоит из идеальных людей. ..." (Э. Ренан, "История Израильского народа", М., 2001)

Стремление к праведности уже не раз в истории подводило евреев и, несмотря на все изменения нашего облика и внешнюю секуляризацию, нужно признать, что мы, как народ, опять балансируем на краю пропасти в своей амбиции создать "розу без шипов", войну без ненависти, государство без принуждения и экономику без эксплуатации. Как будто эта судьба запрограммирована у нас в генах.

Однако жизнь на краю пропасти вовсе не обязательно должна вести к катастрофе. Демократия вообще очень странная форма организации, слишком близкая к состоянию анархии и распада.

И, тем не менее, чрезвычайно устойчивая. Температура 36,6 по Цельсию, при которой успешно функционирует организм человека, находится в очень узком зазоре между недопустимо смертельным переохлаждением и столь же недопустимым перегревом. Однажды, присутствуя на конференции по биологии, я обратил внимание, что оптимальные условия для жизни биологических организмов всегда оказываются в опасной близости к температуре разложения ДНК (т.е. ядер) их клеток. По-видимому, интенсивная жизнь сложных организмов вообще возможна лишь на краю гибели. В еще большей мере это относится к сложному общественному организму. Когда мы читаем историю войн Израиля, часто кажется, что только случайное стечение обстоятельств или чья-то поразительная находчивость спасли страну от поражения. Но это и есть проявления упомянутой устойчивости. За 60 лет современный Израиль, вопреки многолетней миролюбивой риторике, создал свои мощные средства защиты и достаточно многочисленный, инициативный народ, способный умело этими средствами пользоваться.

СУДЬБОНОСНЫЙ ПРОЦЕСС (Синявского и Даниэля)

Когда в результате сложного обмена в 1965-м году нам с Ниной досталась комната в большой коммунальной квартире старинного дома в Хлебном переулке Москвы, мы не подозревали, что это Судьба втягивает нас в будущую драму, в которой близкое соседство квартиры Андрея и Майи Синявских, Центрального Дома Литераторов и здания Верховного Суда РСФСР сыграют первостепенную роль.

Может показаться странным, что для первого осознанного протеста властям в 60-х годах в СССР людей сплотили не бесконечные очереди в магазинах и нехватки самого насущного, не тотальное регламентирование и ежедневный мелочный надзор. Наконец, и не "граница на замке". Первый открытый протест прозвучал в ответ на судебный процесс двух писателей, А.Синявского и Ю.Даниэля, напечатавших свои повести за границей в стремлении избежать всеобщей обязательной цензуры.

Я уверен, что анализу этого уникального явления еще будет посвящена не одна докторская диссертация по истории и социологии в будущей России. Поэтому мне кажется важным не столько объяснить что-нибудь в этой истории, сколько сообщить реальные детали ее, которые с фантастической скоростью уже покрываются слоем мистификаций, производимых общественным сознанием, склонным скорее к мифам, чем к фактической истории.

Однако, прозрачной до конца эта история все равно не станет, как и многие исторические сюжеты, вроде убийства президента Кеннеди, включающие всем известные факты наряду с глубоко запрятанными деталями, известными, по-видимому, только секретным службам.

Во первых, писателей, тайно печатавшихся за границей и передававших свои произведения через дочку французского атташе Э.Замойскую (Пельтье), было не двое, а трое - А.Синявский, Ю.Даниэль и Н. Ремезов. Почему этот третий, служивший библиотекарем в Библиотеке Иностранной Литературы в Москве, так и не попал на скамью подсудимых, и даже до сего дня нигде и никогда не упоминался, остается тайной и сегодня. Тем более, что повести первых двух авторов были талантливой художественной прозой, и следствию потом стоило немалого труда привести убедительные "доказательства" ее якобы "подрывного" характера, а писания Ремезова (псевдоним - Иванов) были, напротив, примитивными политическими фельетонами, довольно топорно высмеивающими советскую систему и саму идею коммунизма, и несомненно подходящими под скучное определение "антисоветской пропаганды". Во всяком случае должно быть достаточно ясно, что содержание вменяемой литературы не сыграло никакой роли в судьбах фигурантов этого события.

Во вторых, следствие по этому делу велось несколько месяцев, допрошены были десятки людей, но в ходе суда выяснилось, что у обвинения, кроме самих текстов и признаний обвиняемых, ничего нет. Суд несколько дней занимался произвольным толкованием и клеймением этих, ускользающе неоднозначных, иронических текстов, громогласно ужасаясь их кощунственному цинизму, но так нигде и не сумев обнаружить что-нибудь похожее на политическую конспирацию.

В третьих, власти сами подтолкнули своих граждан к активности, впервые начав открыто публиковать в газетах сведения об обвиняемых и их мнимых преступлениях, придав таким образом легальный статус открытому обсуждению. Официальные журналисты, описывая ужасающий цинизм и преступный образ мысли двух коллег, исходили из, установившейся за десятки предыдущих лет, презумпции "всенародного согласия" и с горячностью призывали читателей разделить их точку зрения.

Но, после Хрущевских разоблачений "культы личности", и особенно сразу после неожиданного устранения самого Хрущева от руководящей позиции, это выглядело как возврат уже осужденной тирании, и скорее провоцировало сомнения и склонность к протесту. Так как эти публикации были все же не постановления Партии и Правительства, не допуская спора, а всего лишь высказывания журналистов, у читателя возникал законный соблазн не согласиться

и даже, быть может, возразить. До этого всякое упоминание о возможном несогласии с государственным стандартом, и даже просто с газетной публикацией против "врагов народа", было немислимым. Но за несколько лет Хрущевской оттепели очертания этого стандарта расплылись и потускнели, а "страх и трепет" заметно отступил. Хрущев неосмотрительно широко призывал граждан к самостоятельности мысли, и его разоблачения Сталинских преступлений открыли дорогу сомнениям в неизменной справедливости советского правосудия. Сразу после свержения Хрущева власти (возможно, еще и сами для себя) не определили пределов законности (или беззакония), до которых они готовы были допустить свой народ.

Мы, группа личных друзей Даниэля и Синявского, тем более, не знали, чего можно ожидать от новых властей. С одной стороны нам слишком ясно помнились недавние сталинские времена и мы вполне допускали, что наших друзей могут уничтожить. По сталинским нормам, мы могли ожидать и для всего нашего круга сходной судьбы. Но, с другой стороны нам казалось не исключенным, что вслед за бывшей оттепелью, власти как-нибудь символически их осудят, но к былым своим драконовским мерам не вернуться. Особенно, в случае международной огласки.

Поэтому мы старались сделать все возможное, чтобы приостановить суд или смягчить возможный будущий приговор. Мы писали заявления в судебные инстанции, напрашивались в свидетели защиты (покойный Толя Якобсон и я), ходили на прием к Верховному судье (Э.Любошиц, И.Голомшток, Н.Кишилов и я). Мы требовали выпустить их на поруки, готовили материалы (и собирали деньги) для адвокатов и т.д. и т.п.

Когда уже стало ясно, что суда не миновать, мы решили, по крайней мере, запротokolировать этот процесс - мы уже начинали предвосхищать его историческое значение. Процесс шел, еще как обычно, за закрытой дверью. Публику тщательно подбирали. Но все же какие-то либеральные флюиды витали в воздухе.

Раньше гражданское противодействие официальным инстанциям рассматривалось как абсолютно немислимое. Мы с профессором Эмилем Любошицем напросились на прием к председателю Верховного Суда РСФСР А.Смирнову с нашим заявлением о непременном желании присутствовать на суде. Судья Смирнов не отказал нам с порога, а вступил в обсуждение, заявив, что не видит за чем, собственно, нам присутствовать. Мы нагло объяснили, что якобы после доклада Хрущева на XX съезде партии мы уже не можем полностью доверять суду, который, как мы знаем из этого доклада, слишком часто поддавался давлению со стороны безответственной бюрократии. Смирнов, конечно, выглядел рассерженным и энергично отрицал такую опасность, но вел себя достаточно корректно и не вызвал конвой, чтобы немедленно отвести нас на Лубянку. Также и Игорь Голомшток, отказавшись отвечать на провоцирующие вопросы суда, не был стерт в порошок, а отделался сравнительно мягким приговором даже без изгнания с работы. Диктатура еще не пошатнулась, но в ее фундаменте расплылась паутина микроскопических трещин, наводивших на размышления не только отдельных, "инакомыслящих" граждан, но, возможно, и некоторых ответственных людей в правящей элите. Появление после ареста писателей десятков открытых писем протестного содержания также не вызвало немедленных репрессий, неминуемых в недавние до-оттепельные времена.

Технократически настроенная верхушка советской интеллигенции была совершенно захвачена обсуждением многозначительных деталей и возможных политических последствий этого дела, так что, по словам профессора Марка Азбеля, в течение нескольких месяцев весь их рабочий день до отказа был заполнен непривычно откровенными разговорами.

В зал суда допустили только жен обвиняемых. У дверей здания суда регулярно собиралась небольшая толпа не допущенных внутрь взволнованных болельщиков, которая, однако, росла с каждым днем

В духе различного поведения самих обвиняемых (и их жен) более узкая группа, следовавшая за Андреем, протестовала только против эстетических стеснений, а группа, мысленно выбравшая в свои героини Юлию, замахивалась уже и на протест в какой-то мере политический. Это вызвало конфликт и жестокую ссору, которые

в причудливом сочетании с чисто женскими мотивами разделил потом двух жен обвиняемых на несколько лет. Игорь Голомшток и я с двух разных сторон безуспешно старались смягчить эту неразумную вражду.

Лариса Богораз-Даниэль добросовестно запротоколировала весь процесс, и этот протокол впоследствии был опубликован за границей.

Мы загодя закупили десятки записных книжек, и каждый день в перерывах между заседаниями один из нас троих, профессор Азбель, профессор Любошиц или я (мне приходится здесь отмечать эти звания, потому что в здание суда пропускали только эту тройку по книжкам, удостоверявшим наш высокий академический статус) поджидал ее в дамском туалете, чтобы забрать исписанный блокнот и вручить новый, дабы исключить предвидимую возможность отобрать у Ларисы все записи разом.

Лариса весь процесс (много часов - утром и вечером) работала как машина - она записала все до мельчайших подробностей. Это была потрясающая, самоотверженная работа!..

Потом, вечером, она приходила к нам домой на Хлебный переулок и все пересказывала. У нее был такой эмоциональный подъем, что она до полуночи рассказывала о деталях процесса людям, которые вплотную, один на другом, сидели и стояли в нашей тесной комнате коммунальной квартиры на диване, на полу, на столе, на подоконнике и жадно впивали каждое слово. Наш узкий кружок, конечно, знал, что квартира прослушивается, но уж таковы были необратимые последствия "оттепели" - мы все ни за что не хотели расстаться с той, хотя бы и призрачной, свободой слова, которая самочинно установилась в последние годы правления Хрущева: уже ведь несколько лет за разговоры, за стихи, за песни не сажали!

Я не был настолько самонадеян, чтобы думать, что нам удастся полностью обмануть КГБ. Я думаю, что по какой-то причине они не стремились сохранить полную герметичность этого процесса, а заботились лишь о своем внешнем облике непреклонной организации. В самый разгар процесса (на третий день) в западной прессе появилась (якобы из подпольных источников) фотография скамьи подсудимых с лицами обвиняемых, однако явно заснятая со стороны суда. Конечно никто из членов Верховного Суда РСФСР не был скрытым диссидентом. Но власти в такой форме хотели, по-видимому, продемонстрировать Западу некоторую степень открытости

Все эти дни Нина Воронель вместе с Леонидом Невлером по ночам расшифровывали и переписывали начисто Ларисыны записки, а Майя Синявская затем передавала их Александру Гинзбургу для отправки за рубеж.

Как только эти записки были опубликованы в Париже, Гинзбурга арестовали. Но власти не вменили ему в вину этот протокол, имевший слишком широкий отклик на Западе, а осудили за невинный, чисто литературный сборник "Феникс", давно циркулировавший в московском Самиздате.

В самом начале следствия, почти сразу после ареста, Майя, как ни странно (до того таких прецедентов не было), получила свидание с Андреем, и была, как мне показалось, искренне поражена его поведением. Он, по ее словам, не только во всем признавался, но и как бы даже слишком охотно сотрудничал со следователем, что вовсе не вязалось ни с предварительным договором с друзьями, ни с его неоткровенным и достаточно сильным характером. "Он прямо влюбился в этого следователя Потапова - несколько ошеломленно рассказывала мне Майя, - всячески идет ему навстречу и зачем-то рассказывает, где, что и у кого прятал...".

Она никогда больше не была столь откровенна со мной и ничего не рассказала о других своих свиданиях, вскоре ощутив заметную разницу в отношении властей к Андрею и к Юлию. Впрочем, когда эта разница выявилась слишком очевидно, она стала приписывать ее различию в общественном поведении, своем и Ларисы. Если Андрею после приговора в лагере не пришлось испытать дополнительных гонений, весь пятилетний срок Юлия был заполнен серией административных взысканий и дисциплинарных мер. На последний год его вообще перевели из лагеря в закрытую тюрьму во Владимир. Майя приписывала эту разницу своей разумной

сдержанности, в отличие от вызывающей политической активности Ларисы.

Это, правда, согласовалось не только с поведением жен, но и с характером каждого из героев. В то время как Юлий сходу вжился в коллектив диссидентов, спаянных дружным (по временам и заливчатским) противостоянием унижительным лагерным правилам строгого режима, Андрей вел себя сугубо индивидуально, пренебрегая, отчасти инфантильными, законами окопной солидарности, стихийно установившимися в местах заключения.

Близко к концу следствия Марку Азбелю сделали очную ставку с Юлием. Поскольку Юлик заранее просил нас обоих ни при каких обстоятельствах не признаваться, Марк, как и я, категорически отрицал свое знакомство с его подпольной литературной продукцией.

И вдруг на очной ставке Юлик стал его настоятельно уговаривать откровенно признаться, подчеркивая, что это якобы зачем-то очень нужно. Зачем и кому это было нужно, мы не смогли у него выяснить даже и через пять лет после процесса, тюрьмы и полного изменения обстановки в стране. Он отделялся невнятными, неубедительными объяснениями, которые не столько объясняли, сколько наводили на дополнительные сомнения. При всяком обсуждении процесса и, связанного с ним поведения общих друзей, он начинал нервничать и избыточно уверять, что никого из друзей ни в чем не обвиняет. Нас обоих с Азбелем, впрочем, и не в чем было бы обвинить, отчего эти уверения звучали особенно настораживающе.

До процесса в группе друзей, готовых вступить за обвиняемых, еще не было разногласий по политическим вопросам. Всем было ясно, что главное - спасти Юлика и Андрея. Но в ходе этой кампании группа сочувствующих с каждым днем вырастала, и к концу процесса личные друзья составляли уже незначительное меньшинство. Большинство воспринимало процесс как повод для демократического протеста.

Протестантов набралось так много, что, когда через два с половиной года мы собрались в опустевшей квартире Даниэлей отметить день рождения Юлика (Лариса тогда уже была выслана в Сибирь за организацию демонстрации протеста 1968 г. против вторжения в Чехословакию), мы вдруг почувствовали себя потерянными в огромной толпе мало знакомых людей, для которых Юлий был не живым человеком, а символом, ... даже идолом.

Я помню как, почувствовавший ситуацию, покойный Толя Якобсон позвал: "Братцы, старые друзья, пошли на кухню, помянем попросту Юльку! А то, я вижу, здесь уже собрался съезд Демократического движения..."

(На кухне он вдруг поднял рюмку и возгласил: "В следующем году - в Иерусалиме!" Я так и ахнул: "Как, Толя, и ты тоже?!" А он ответил: "А вы что, Тошку за дурака держали?"... Он, конечно, тогда никуда еще не собирался, но через шесть лет мы встретились в Иерусалиме...)

Послетюремная судьба Юлия и Андрея также была очень различна. Юлий после своего лагерного срока был еще на несколько лет сослан в Калугу, чтобы держать его подальше от бурлящих московских тусовок, а Андрей, выпущенный на год раньше своего срока, и поселенный в Москве, уединился в своей квартире, добровольно воздерживаясь от всяких контактов, могущих сделать его центром внимания бесчисленных диссидентствующих добровольцев. Его общение с окружением, бывшее довольно оживленным до процесса, свелось чуть ли не к абсолютному нулю после него. На все лето он отселялся на далекую подмосковную дачу, до которой не доходила электричка и не вез автобус...

После двух лет этого полуподпольного существования в 1973 г. они с Майей и Егором неожиданно быстро собрались и законно уехали в Париж, сопровождаемые целым вагоном домашних вещей, еще в Москве включившись в редколлегию вновь образованного там журнала "Континент".

История их короткого сотрудничества и последующей многолетней вражды с "Континент"-ом и его главным редактором Владимиром Максимовым слишком хорошо известна, и я не стану ее пересказывать. Во всяком случае, когда еще через два года в 1975-м, вырвавшись из СССР, мы с Ниной приехали в Париж их навестить, нам неожиданно трудно было отделаться от неприятного нового впечатления, что роль Андрея (и в собственной семье, и во

внешнем мире) резко изменилась и стала какой-то неизменно пассивной, страдательной. Как будто все вокруг только и делали, что на него наседали и даже оскорбляли (в том числе и в печати), а он как-то непривычно кротко это переживал, и только одна Марья (в Париже она окончательно стала Марьей) всегда стояла на его защите и призывала нас к тому же.

Будучи старыми друзьями Синявских и свалившись как бы с Луны в чуждую нам парижскую тусовку, в которой у нас не было никаких своих интересов, мы, конечно, изначально приняли их версию событий и пошли к Максиму их защищать. Неожиданно оказалось, что защищать их не от кого. Максимов и не думал на них нападать. Напротив, он ценил талант и сотрудничество Андрея и всячески шел ему навстречу. Но он наткнулся на, непонятную ему, непримиримую позицию Марьи, которая категорически запрещала Андрею войти с ним в деловой контакт.

Мы с Ниной долго спорили, означает ли это реальную перемену в их семейной жизни или сознательную ролевою установку, которой придерживались оба. В конце концов, если это и была игра, за годы эти маски приросли к лицам, так что ближе к концу, я думаю, они и сами уже не могли бы отличить, где проявлялась их суверенная воля, а где - вынужденная (или навязанная им) роль.

Андрей упорно твердил, что только и стремится помириться с Максимовым и "Континентом", а Марья с неизменным успехом разрушала все наши усилия их помирить или хотя бы просто устроить их встречу. Максимов соглашался на любые компромиссы, а Марья неизменно находила бесчисленные скрытые признаки злой воли в его покладистости. Андрей всякий раз удивлялся мнимому коварству Максимова с простодушием, которое никак не вязалось с его пронизательным взглядом парадоксалиста, и формулировал все новые и новые условия...

В общем, в течение нескольких лет они довольно успешно создали во внешнем мире впечатление серьезного политического раскола в парижском русскоязычном обществе, стараясь и нас с Ниной (и, в основном, журнал "22", который тогда в Париже очень интенсивно с интересом читали) втянуть в эту бессмысленную конфронтацию, несмотря на наше энергичное эмоциональное сопротивление и периферийное положение израильтян. Где-то в середине этой борьбы (слишком поздно, конечно) мы разгадали эту игру и перестали в ней участвовать, хотя из сентиментальных соображений не прерывали своего общения с Синявскими.

Поэтому, когда в 1986 г. Сергей Хмельницкий прислал нам в "22" подробное письмо с признанием своей многолетней службы в КГБ вместе с Андреем Синявским, мы уже не были потрясены, как многие наши читатели.

Теперь, после целой серии сенсационных признаний советских писателей (началось с Анатолия Кузнецова, а затем пошли и многие другие, включая Евтушенко и, наконец, Булат Окуджава) такое разоблачение уже не выглядит столь шокирующим. Но тогда оно вызвало целую бурю...

Пионерская юность и последующая советская жизнь избавили нас от многих мучительных сомнений и оставили в неведении относительно бездн человеческого падения и безвыходных философских тупиков гуманизма. Советская интеллигенция недостаточно внимательно читала Достоевского. Манихейски настроенная демократическая общественность не хотела признавать размытости границ между добром и злом в реальном мире. К тому же огромное большинство соотечественников придавало и добру, и злу слишком однозначно политическое толкование...

Впрочем, иные из особенно возмущенных этой публикацией, сами (в прошлом или настоящим) служили в КГБ. Как сказала мне по поводу Сергея Хмельницкого с глазу на глаз Марья: "Все служат в КГБ, но не все же стучат на друзей..."

Только по прошествии многих лет мне стало понятно значение раннего свидания Марьи с арестованным Андреем в период следствия (что было беспрецедентно в советских условиях), а также и противоестественных настояний Юлия на чистосердечном признании Марка Азбеля при очной ставке.

"Преступления" Юлия и Андрея могли совершенно по разному оцениваться в КГБ.

"Антисоветская стряпня" обычного, даже одаренного, литературного неудачника, как они воспринимали Юлия Даниэля, представляла всего лишь небольшой недосмотр в хозяйстве их идеологического учреждения. По сложившемуся стандарту это наказывалось шельмованием и/(или) пятью годами отсидки в лагере. Совсем иначе могла оцениваться издевательская (или даже просто ироническая) публикация сотрудника этого учреждения без предварительного одобрения свыше. Такой поступок означал измену...

Измену не идеологии (какая уж тут идеология?), а самому учреждению. В этом случае наказание могло бы значить и смертную казнь... Как в случае Виктора Суворова (Резуна) - смертная казнь была ему присуждена, конечно, не за шокирующие писания, а просто за измену его учреждению (ГРУ).

В истории Синявского мы не знаем, в какой степени (и в какой момент) в КГБ открыли авторство Абрама Тэрца. Я не верю, что его готовили для роли писателя-антисоветчика с самого начала. Такая гипотеза, высказанная Ниной в ее книге "Без прикрас", слишком льстит предусмотрительности и дальновидению органов и преувеличивает их самостоятельность в принятии стратегических решений. Но Андрей Синявский попал в армию прямо из школы (он учился в одной школе со знаменитым в будущем шефом восточно-германской "Штази" Мишей Вольфом, в одном классе с его младшим братом Конрадом) и, по-видимому, во время войны оказался в КГБ в порыве юношеского патриотического энтузиазма. Следы этого общего энтузиазма в их классе видны из стихов третьего их одноклассника Сергея Хмельницкого. Однако, вступление в КГБ - это улица с односторонним движением. Там есть только вход, выход не предусмотрен...

Писательская натура Андрея (он сам неоднократно говорил о себе, как о неудержимом графомане), его пронизательность и скептицизм очень быстро отрезвили его, и, повзрослев, он не сумел устоять перед соблазном по-своему написать о том, что понял, что увидел (и как увидел), и бросить свою запечатанную бутылку в океан. И со страхом ожидать казни.... Скорее всего это произошло в 1956 г.

Похоже, однако, что проштрафившемуся Андрею в КГБ периода либерализма вместо казни предложили компромисс (может быть и до ареста) и шанс заслужить прощение (что и вызвало его неожиданную "любовь к следователю Потапову") в результате многоходовой операции по введению в заблуждение либеральной общественности (сначала в СССР, а по мере роста его известности, и всего мира) с помощью совместного создания популярного образа умеренного героя-оппозиционера. А он и был весьма умеренно настроен и говорил, что его "расхождения с Советской властью носят стилистический характер". Советские люди того времени воспринимали это как ироническую формулу. Ведь сама-то власть пока что не принимала никаких расхождений! А вот в КГБ были и более дальновидные люди. В конце 60-х КГБ уже нащупывал разные небанальные варианты разрешения политического напряжения. К 1973 г. такая необходимость еще обострилась в связи с непримиримо антисоветской успешной позицией Александра Солженицына и его сокрушительного воздействия на мировые СМИ.

Для успешности такого проекта КГБ нужно было навести мосты и с Марьей. Не так уж это было трудно: для дома, так сказать, для семьи, ... младенцу Егору еще год не исполнился.

Тут Андрей со своим остроумием, по-видимому, и предложил семейную конструкцию, поразившую нас при первой встрече в Париже. Андрей остается как бы всегда высоко-принципиальным, выше земных интересов, а все дела за него (и все контакты с КГБ) будет править верная, но ... своенравная жена.

У многих ведь великих людей жены были стервы; начать хоть с Сократа, что ли. Это их, в конечном счете, не опорочило. Да и грех ли, если жена для сохранения и благосостояния семьи готова была подписать, что угодно, даже как бы и не вникая?... Теперь ее хрупкое семейное благополучие подпиралось и гарантировалось сугубо профессиональным вниманием ответственной организации...

Даниэля, которому тайна бывшего сотрудничества Андрея, боготворимого им, могла

открыться только во время следствия, все это привело в смятение.

Мучительные опасения за жизнь Андрея, по-видимому, так обескуражили и напугали Юлия, что он стал панически приспособляться к его "откровенным признаниям" и стал уговаривать и Марка Азбеля не перечить следствию. В ходе такой перемены ролей Юлию потом на суде пришлось отчасти признать свою "вину", а Андрей зато сумел продемонстрировать согласованную со следствием позицию "несгибаемого" эстетического диссидента и своей вины не признал...

Мне больно вспомнить теперь, как сокрушалась не знавшая компромиссов чистая подвижница Лариса Богораз по поводу "половинчатой позиции" Юлия и как восхищалась она впечатляющей, "открытой", позой Андрея.

Спустя сорок лет стоит понять и простить всех участников этой драмы. В пору всеобщего бесчестья они во многом оказались лучше и смелее других. Как люди они вели себя, исходя из обстоятельств того времени, из того, что знали, помнили и чего боялись тогда, а не по копеечным меркам сегодняшнего дня, поменявшего все критерии и перепутавшего человеческие роли.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ЭТА НОЧЬ ОТ ДРУГИХ НОЧЕЙ

На Пасху следует вспоминать о выходе из египетского рабства и пересказывать историю Исхода, представляя дело так, будто это произошло с нами и в наше время. В этом смысле мы -- русские евреи - самые аутентичные евреи на свете, ибо нам не приходится особенно напрягать воображение - так оно и было в нашем случае.

Одних такие воспоминания вдохновляют, других вгоняют в уныние. В обоих случаях - это повод для серьезных размышлений. Так ли уж горько было наше рабство? Какая была сладость в освобождении?

От обдуманного ответа на этот вопрос зависит многое и в нашем сегодняшнем настроении.

Еврейская традиция исходит из безусловного предпочтения свободы, как единственно достойного человека состояния. В этом, однако, нет ничего специфического. Эта традиция сложилась за тысячу лет до крушения рабства как общественного института, и справедливо почитала его самым низким социальным положением в обществе. Естественно, что в рабовладельческом обществе свобода ценилась выше рабства.

В наше время, спустя тысячи лет после полного крушения соответствующей социальной системы, под рабством люди обычно понимают что-то иное, что уже сильно зависит от их мировоззрения.

Наша связанность общественными условностями или экономическая зависимость от существующих институций могут нами восприниматься как порабощенность или как форма добровольного служения в зависимости от того, как мы воспринимаем свое общество и соответствующие институции. Только в случаях крайнего ожесточения и разочарования мы называем свое актуальное состояние рабством. Т.е., в наше время только сознание униженности и безысходности своего положения может вызвать у нас ощущение, что мы живем в рабстве. Ясно, что такое относительное понимание рабства вызывает разногласия у разных групп и зависит от времени и настроения.

Например, Коммунистическая партия много лет утверждала, что она спасает нас от "капиталистического рабства", т.е. как раз того состояния, которое многими теперь, по-видимому, считается наиболее желательным, или по крайней мере нормальным, для жителей Восточной Европы и России. Для многих это не был простой обман. Это была фундаментально иная точка зрения на человеческую жизнь и ее требования. Определения понятий "рабства" и "свободы" в наши дни требуют уточнения.

Сравнительно недавно либералы всего мира боролись за освобождение Африки и Азии от "колониального рабства". Теперь, когда это освобождение становится для многих жителей Африканских и Азиатских стран неотличимо похожим на голодную (а иногда и насильственную) смерть, бывшее "рабство" вспоминается ими с ностальгическим чувством. Но и это не было обманом. Просто, очевидное в прошлом (для некоторой части Европы) понятие национальной независимости при своем обобщении на остальной мир требует многих уточнений. Одно из таких уточнений разворачивается сейчас в оригинальной форме Американо-Иракской войны.

Сионизм героического периода спас от гибели или от коммунистического и нацистского рабства сотни тысяч людей из России и Европы, которые этого хотели. И это, пожалуй, совсем не было обманом...

Наконец, лидеры сегодняшних сионистских партий обещают евреям диаспоры вывести их из проблематического рабства, в котором они якобы все еще находятся, к столь же проблематической свободе, которая едва брезжит им сквозь густой туман обоюдной политической демагогии. Посланцы Сохнута убеждают богатых и влиятельных американских евреев, что они находятся в униженном рабстве, а те, в ходе этой культурной игры, временами соглашаются признать моральное первенство за этими освободителями, получающими от них свою зарплату. Однако, возможно, что это тоже - не обман. Ибо понятия рабства и свободы должны теперь быть по-новому определены и не исключено, что древняя традиция окажется мудрее

современных политологических спекуляций.

Сионистская идеология, как и всякая иная, начинает работать только когда ее лозунги представляются решением конкретной задачи. Люди могут ощутить, что они находятся в рабстве только, если у них почему либо появятся основания сознавать свое положение как унижительное и безнадежное.

Для нашего поколения, покинувшего Россию еще в доперестроечные времена, ситуация складывалась на удивление близко к классическому образцу. Мы несомненно вышли из рабства и высоко ценили это.

Мое утверждение происходит из непосредственного переживания, но, будучи осмыслено рационально, опирается также на два неопровержимых факта. Первый - безусловно несвободный, рабовладельческий характер бывшего советского государства, относившегося ко всем своим гражданам, как к государственной собственности. Так же, между прочим, обстояло дело и в библейском Египте. Евреи не были рабами отдельных египтян, но принадлежали государству в целом, т.е. "фараону", и потому имели и кое-какой комфорт, и жизненные блага, которые стоило ценить. Они очень скоро вспомнили об этом в пустыне. Второй факт - специфическое юдофобство советских властей, создавших в СССР обстановку бесперспективности для еврейской молодежи. Этот мотив тоже присутствует в Библии: "Давайте ухитримся против них...".

Взрыв сионистского движения, выбросивший первую волну алии, соответствовал обоим этим "Исходным" пунктам.

В восприятии современников исход наш, как и в Библии, сопровождался необъяснимо загадочными событиями. Режим сотряснулся от внутреннего напряжения, сделавшего его чувствительным к давлению извне. На страну обрушились все, возможные в том климате, египетские казни. В холодном, дождливом Подмоскovie стояла фантастическая жара. Горели болота и свет померк в самом центре Москвы. Хлеб не родился и повальное пьянство губило первенцев. Но государственная деспотия царила по-прежнему прочно и отъезд евреев был целиком в руке фараона, которая, казалось, сжималась и разжималась по своему собственному произволу.

Теперь я думаю, что то были знаки будущего развала, но тогда... Мы можем сейчас, задним числом, по разному оценивать участие тех или иных факторов в нашей судьбе: маневры КГБ, хитрости политиков, подвиги активистов, но главным было и останется - вдохновение, которое сошло на многих из нас и оставило неизгладимое воспоминание. Именно это чувство превратило исход из бегства в победу, память о которой не умирает. Похоже, что подобное же чувство сформировало и религиозную традицию, как она представлена в Танахе и Пасхальной агаде.

Из научной истории Исхода мы знаем по-отдельности два факта, оставшиеся за рамками традиционного толкования библейских событий.

Во-первых, примерно, в то же время произошел грандиозный развал Египетской империи, занявший больше столетия астрономического времени, так что теперь не просто определить начался ли Исход за двадцать лет до или через двадцать лет после какого-то переломного пункта в истории Египта.

Примем как предположение, что Исход случился за двадцать лет до крушения, как и в нашем случае.

Тогда понятен высокий энтузиазм, которым проникнута Пасхальная агада. Она передает чувства людей, ставших свидетелями прямого вмешательства Высших Сил в их судьбу и выведших их из беспросветного рабства в сияющий мир свободы. Судьба дала им увидеть торжество веры над очевидностью, победу слабых, неопытных людей над сокрушительной силой государственной машины Фараона. И навеки внушила недоверие к видимому великолепию.

Во-вторых, вторжение еврейских племен в Ханаан происходило, по-видимому, тоже не одномоментно, а волнами, и заняло значительное время. Под каким давлением бежали в

Ханаан следующие волны вторженцев мы не знаем, и никаких свидетельств об этом не сохранилось.

Скорее всего они бежали из Египта уже посреди жуткого всеобщего развала, по сравнению с которым времена египетских казней казались им временем процветания, и выход из которого даже не брезжил впереди. Не было больше пресловутых "мясных горшков", но не стало и былого рабства. Свобода обесценилась и оголодала. Бежать из Египта больше не составляло проблемы, но (вероятно, именно поэтому) теперь беглецы не ощущали освобождение как победу и уже не видели по дороге никаких чудес. Мир свободы обернулся для них безводной пустыней и только плодообильный Ханаан маячил впереди, как желанная добыча. Опыт этой второй волны оставил нам воспоминания не о чудесах Исхода, а о страданиях Пустыни и жестокости борьбы. Здесь не было оснований для праздника. Большая часть этого горького опыта не вошла в пасхальную агаду.

Атмосфера энтузиазма, которой сопровождалось бегство-исход первой группы была результатом чудесного спасения, несоизмеримой мощи противника и смертельного риска беглецов. Следующие волны выходцев из разоренного и обессиленного Египта не встречали ярости египетских властей и не вдохновлялись абстрактной свободой исповедовать своего невидимого Бога. Библия нелицеприятно свидетельствует, что теперь Баал-Пэор и боги изобилия, даровая еда и женщины, моавитские и мидаамские, влекли к себе весьма многих, а разбойный разгул врагов-амалекитян, что в Египте, что в пустыне, отучил людей от былой робости, пришедшей когда-то их отцам и дедам.

Возможно, сведения о сорока годах, прошедших от Исхода первых отщепенцев из Египта до Вторжения в Ханаан воинственной орды бывших египтян еврейского происхождения, очень точно соответствует исторически реальным срокам, когда основная масса голодных и отрезвевших беглецов, уже лишенных богоискательских иллюзий первой волны, вплотную подошла к границам обещанной посланцами первой группы страны молока и меда, подлежащей немедленному разделу. Как иначе можно было бы объяснить такую длительную отсрочку?

Конечно, в определенном смысле и недавние репатрианты из России вышли из рабства. Они, как и мы, от рождения были включены в общество, предназначенное близкой гибели и способное выместить свою бессильную ярость на каком-нибудь беззащитном меньшинстве. Они с молоком матери всосали все предрассудки своего окружения, которые и повели к крушению Империи. Российское будущее не зависело от них, но их жизни целиком этим будущим определялись. Русские евреи, так или иначе, участвовавшие в истории в недавнее время, вынуждены были и привыкли действовать не как евреи, а как "всечеловеки" (однако, слишком часто под русскими псевдонимами). Все, что они приобретали, принадлежало не им. Они привыкли служить и служили. Они отучились планировать и согласовывать свои действия, и самая их общность превратилась в феномен, существующий только в сознании окружающих их народов.

Напротив, будущее Израиля очень сильно зависит от них. Просто от их присутствия и от их творческой активности в стране. Потому что это государство планирует и направляет свои усилия, только исходя из того, что у него есть, и участие шестизначного числа русских выходцев меняет любую калькуляцию. Их будущее в этой стране определяется их собственной активностью. Они рискуют, конечно, но они и выигрывают. Если им и приходится служить, эта служба не может однажды обратиться против них. Все, что они приобретут, останется им и их детям. Все, что они здесь построят, обживать будут их потомки. Все, что они здесь разрушат, само не восстановится.

Такое различие, собственно, и можно было бы считать различием между рабством и свободой, если бы современный цинизм не подсказывал новому репатрианту коварного вопроса: а мне что с этого?

Действительно, освобождение не всегда обещает облегчение жизни. Человек, которого, например, освободили от должности или которого оставила жена, редко радуется своей свободе, хотя и среди таких находятся способные индивиды, умеющие обратить освобождение

себе на пользу. Свобода в сочетании с нищетой по-настоящему может радовать только очень молодых (духом). Израиль, в целом, и после пятидесяти пяти лет свободного существования блуждает в бесплодной пустыне внутренних политических неустойчивостей, в неудовлетворенной жажде всемирного признания, под вечным риском смертоносной встречи с Амалеком.

В нормальных условиях свобода предполагает риск. Новый репатриант чаще мысленно выбирает не между рабством и свободой, а между риском в игре знакомой (по России) и риском в неведомой игре, где ему неясно даже, игрок ли он сам или только ставка в игре других. Привычка к рабству часто толкает его занять именно эту пассивную позицию объекта чужого манипулирования. При таком стиле игры не приходится ожидать стоящего выигрыша. Однако, все большая часть из них совершает реальные усилия для овладения новыми правилами и учится на своем новом опыте.

Большинство, конечно, ищет возможности преуспеть, используя свой прошлый российский опыт существования в мировой Империи. Есть шанс, что эти массовые усилия кое в чем изменят будущую израильскую ментальность.

Ни религиозная пропаганда, ни политическая демагогия не могут заменить человеку простой личный интерес. Если этот интерес у него подавлен культурным шоком и не включает любопытства, желания попробовать себя на новом поприще, в новых условиях, научиться новым правилам игры, не стоит человека убеждать. Исследовательский инстинкт и от природы дается не всем, а риск нового поприща особенно отпугивает пожилых и усталых...

Впрочем, тот, кто не увидел чудес при выходе из Египта, может не увидеть и разницы между рабством и свободой. Винить тут некого и не в чем. Фараона уже нет. И Советской империи нет. Так что, быть может, кое для кого и выбора между рабством и свободой тоже уже нет. Тогда на традиционный пасхальный вопрос: "Чем отличается эта ночь от всех других ночей?" - они, в соответствии с традицией для нечестивого сына, с чистой совестью могут ответить - "для меня - ничем!". Агада в этом случае рекомендует сдерживать свои чувства и не гневаться. Может быть, этот вопрос только для того и задается, чтобы отличать тех, для кого уже нет различий.

В отличиях-то все и дело. Как сказано: "Благословен Ты, Господи, разделивший между святым и будничным..."

Для тех, кто всей душой прочувствовал Исход, "эта ночь отличается от всех ночей", как рабство от свободы, и слова агады "Сегодня в плену, а в будущем году - в Иерусалиме, сегодня - рабы, а завтра - свободные" трогают своим точным соответствием незабываемому и невероятному событию, которое нам повезло однажды пережить. Как бы ни сложилась наша жизнь после этого, она навсегда останется в тени (или, лучше сказать, в свете) этого экзистенциального опыта.

"Всякий, умножающий рассказ об Исходе, достоин похвалы."